

ГОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

На правах рукописи

Белая Елена Николаевна

Теоретические основы исследования языковых и речевых репрезентаций
базовых эмоций человека
(на материале русского и французского языков).

Специальность 10.02.19 – теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
кандидат филологических наук,
профессор М.П. Одинцова

Омск – 2006

Оглавление

Список сокращений и условных обозначений	5
Введение	6
Глава 1. Теория и методика интегративного и комплексного исследования языковых и речевых репрезентаций базовых эмоций человека в современной лингвистике	233
1.1 Аналитический обзор исследований репрезентаций эмоций человека в русле системно-структурной парадигмы	233
1.2 Аналитический обзор исследований репрезентаций эмоций человека в русле антропоцентристской парадигмы	33
1.3 Обоснование теории и методики интегративного и комплексного исследования языковых и речевых репрезентаций базовых эмоций человека	46
1.3.1. Обоснование семантической составляющей теории и методики интегративного и комплексного исследования языковых репрезентаций базовых эмоций человека.	46
1.3.2. Теоретические основы исследования прагмастилистического потенциала репрезентаций базовых эмоций человека в разных речевых жанрах.	65
1.3.3. Лингвокультурологический аспект интерпретации языковых репрезентаций базовых эмоций человека	72
Выводы по первой главе	82
Глава 2. Апробация и верификация теоретических основ когнитивно-семантической и лингвокультурологической составляющих интегративного и комплексного исследования языковых репрезентаций базовых эмоций человека	85
2.1. Концепт «радость» в русской и французской языковых картинах мира	85
2.2. Концепт «печаль» в русской и французской языковых картинах мира	93
2.3. Концепт «страх» в русской и французской языковых картинах мира	102
2.4. Концепт «гнев» в русской и французской языковых картинах мира	111
2.5. Концепт «удивление» в русской и французской языковых картинах мира	119
Выводы по второй главе	127
Глава 3. Апробация и верификация теоретических основ исследования прагмастилистического потенциала языковых репрезентаций концептов базовых эмоций человека и их отдельных компонентов в художественном, мемуарном и эпистолярном жанрах речи	132
3.1 Анализ прагмастилистического потенциала репрезентаций концепта базовой эмоции «радость» и его отдельных компонентов в художественном, мемуарном, эпистолярном жанрах речи на материале русского и французского языков	132
3.2 Анализ прагмастилистического потенциала репрезентаций концепта эмоции «печаль» и его отдельных компонентов в художественном, мемуарном, эпистолярном жанрах речи на материале русского и французского языков	141

3.3 Анализ прагмастилистического потенциала репрезентаций концепта эмоции «страх» и его отдельных компонентов в художественном, мемуарном и эпистолярном жанрах речи на материале русского и французского языков.....	149
3.4. Анализ прагмастилистического потенциала репрезентации концепта базовой эмоции «гнев» и его отдельных компонентов в художественном, мемуарном и эпистолярном жанрах речи на материале русского и французского языков.	158
3.5. Анализ прагмастилистического потенциала репрезентаций концепта эмоции «удивление» и его отдельных компонентов в художественном, мемуарном и эпистолярном жанрах речи на материале русского и французского языков	164
Выводы по третьей главе.....	170
Заключение	176
Библиографический список используемой литературы	179

Список сокращений и условных обозначений

1. **ССРЯ** – Словарь синонимов русского языка: В 2 т./ Под ред. А.П. Евгеньевой. Л.: Наука, 1970.
2. **НОССРЯ** – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под ред. акад. Ю.Д. Апресяна. Вып.1. М., 1997. Вып. 2. М., 2000.
3. **ФСРЯ** – Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М.: Русский язык, 1987.
4. **НБФРФС** – Новый большой французско-русский фразеологический словарь / Под ред. В.Г. Гака. М.: Русский язык Медиа, 2005.
5. **СЭРЯ** – Горбачевич К.С., Хабло Е.П. Словарь эпитетов русского языка. Л., 1979.
6. **РАС** – Русский ассоциативный словарь / Под ред. Ю.Н. Караулова и др. Кн. 1, 2. М.: ИРЯ РАН, 1994.
7. **NDS** – Nouveau dictionnaire des synonymes. P., 1977.
8. **DGLF** – Dictionnaire général de la langue française. P., 1971-1978.
9. **R** – Petit Robert. P., 1993.
10. **S** – подлежащее (грамматический субъект)
11. **N** – существительное
12. **N₁** – существительное в форме Им. падежа
13. **N₂...pr.** – любая падежная форма существительного в позиции предиката
14. **N₅** – существительное в форме творительного падежа
15. **V** – глагол
16. **Adj** – прилагательное
17. **Adj₁** – причастие
18. **Adv** – наречие
19. **Attr** – предикатив
20. **Od** – прямое дополнение
21. **Oi** – косвенное дополнение
22. **ФЕ** – фразеологическая единица
23. **ЭС** – эмоциональное состояние

Введение

Настоящая диссертационная работа посвящена разработке, апробации и верификации теоретических основ интегративного и комплексного метода исследования языковых и речевых репрезентаций базовых эмоций человека в русской и французской языковых картинах мира (на словарном и текстовом материале).

Актуальность диссертационного исследования определяется его отнесенностью к активно развивающейся в современном теоретическом и описательном языкознании антропоцентристской семантике, главной задачей которой признается семантическое моделирование, семантическая реконструкция языковых образов человека, всего мира человека «по мерке человека» (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Э. Бенвенист, Ю.Н. Караулов, М.П. Одинцова, Ю.С. Степанов и др.). Решение этой масштабной задачи включает частную задачу создания специальной теории и методологии изучения и описания тех значений и их языковых и речевых репрезентаций, которые с позиции лингвоантропологии можно назвать языковой концептуализацией базовых эмоций человека в лингвокультурах носителей одного (или нескольких языков).

Актуально обоснование и формирование принципов выделения основных составляющих интегративного (междисциплинарного) и комплексного (лингвистически многоаспектного) исследования репрезентаций базовых эмоций человека. В системно-структурной и антропоцентристской семантике содержатся лишь предпосылки для разработки теоретических основ интегративного и комплексного метода исследования и описания концептов базовых эмоций человека. Поэтому представляется актуальной задача апробации и верификации теоретических основ интегративного и комплексного метода изучения систематизации языковых способов обозначения базовых эмоций человека с опорой на системно-структурную и антропоцентристскую парадигмы в современном языкознании. Эта задача

является актуальной, поскольку сам психологический феномен эмоции в его языковых и речевых репрезентациях является сложным, многоаспектным явлением гештальтного типа, требующим адекватного ему метода исследования.

Объектом данного исследования являются существующие подходы, концепции, методы, методики изучения языковых репрезентаций эмоций. Базовые эмоции человека репрезентируются средствами разных уровней языковой системы и их речевыми реализациями. Множеством номинаций, устойчивых выражений и свободных речевых описаний отображаются и интерпретируются те явления психической жизни человека, которые можно подвести под общее понятие «эмоции». Это множество образует эмпирически данный фактографический объект нашего исследования. В психологии *под эмоциями понимают психологические процессы и состояния, в которых отражаются переживания человеком своего отношения к тому, что он познает и делает* [Выготский, 1956, 1958; Якобсон, 1962, Рейковский, 1979; Изард, 1980, 1999; Еникеев, 1997]. Выделенная объектная область лингвистического исследования характеризуется межуровневой принадлежностью, функциональностью и многоаспектностью.

Предмет исследования – теоретические основы интегративного и комплексного метода исследования языковой концептуализации базовых эмоций человека.

Теоретические основы данного исследования. Прежде чем говорить о теоретических основах интегративного и комплексного метода исследования языковых и речевых репрезентаций базовых эмоций человека, необходимо напомнить, что **метод в языкознании**, согласно Ю.С. Степанову, определяется как обобщенные совокупности теоретических установок, приемов, методик исследования языка, связанные с определенной лингвистической теорией и с общей методологией. **Частный метод** определяется как отдельные приемы, методики, операции, опирающиеся на

определенные теоретические установки, как инструмент для исследования того или иного аспекта языка [Степанов, 1998: 298]. Наиболее обобщенный метод представляет собой единство «метод-теория», в соответствии с которым определяется предмет, цель, аспекты, проблематика и методика исследования. В свою очередь, **методика** исследования представляет собой совокупность приемов и процедур применения того или иного метода, которая зависит от предмета, цели, задач, аспектов исследования. И метод, и методика характеризуют все этапы исследования. В науковедении говорят также о **подходах** – основных путях решения исследовательских задач. Подходы определяют стратегию решений. Следует также отметить, что в качестве методологических принципов научного познания выступают принципы **апробации** (утверждение, основанное на проверке, испытании) и **верификации** (проверка истинности теоретических положений, установление достоверности выводов и исходных идей опытным путем).

В современной лингвистике, в тех ее разделах, предметом которых является семантика и прагматика разнообразных средств репрезентаций явлений действительности, сложились относительно новые подходы, методы, методики исследования. Многими учеными развивается идея, согласно которой будущее науки – за интегративным, многоаспектным, комплексным исследованием феноменов языка и речевой коммуникации. Настоящая работа специально посвящена разработке, апробации и верификации основ такого типа теории и методики исследования.

Согласно «Толковому словарю иноязычных слов» Л.П. Крысина, термин «интегральный» (его словообразовательный вариант – интегративный) обозначает цельный, единый; термин «интегрировать» означает объединять части в одно целое [Крысин, 1998: 277]. Термин «интеграция» применяется также для характеристики процесса сближения и связи наук [БСЭ, 1972, т 10: 307]. В настоящей диссертационной работе **интегративный и комплексный метод определяется как сочетание разных идей, методов, приемов анализа языкового материала, образующий единый метод,**

базирующийся на одной приоритетной идее, которая заключается в признании тесной связи всех языковых процессов и явлений с мышлением, психикой, культурой, социальной жизнью, различными формами коммуникации, разными дискурсивными практиками людей. Кроме того, эта идея предполагает использование множества конкретных методов и методик. **Основными признаками того методологического единства, посредством которого должны исследоваться языковые и речевые репрезентации эмоций, являются междисциплинарность, антропоцентричность и комплексность.** Кратко охарактеризуем названные признаки разрабатываемого нами метода исследования.

1. Междисциплинарность применительно к изучению интересующего нас объекта мыслится как опора на данные *психологии* в той части, которая содержит научные интерпретации эмоций человека вообще и базовых эмоций в частности. Фундаментальное изучение психологами эмоций выявило следующие основные характеристики этого феномена:

1) существуют базовые и периферийные эмоции [Parret, 1986: 48]; 2) эмоции характеризуются на шкале интенсивности [Вилюнас, 1984: 20]; 3) они могут быть осознанными или неосознаваемыми [Фрейд, 1984: 203-211]; 4) эмоции образуют единство полярностей (положительные и отрицательные) [Рубинштейн, 1984: 34; Ekman, Friesen, 1981: 79-80; Parret, 1986: 67].

Считается, что базовыми можно назвать те эмоции, которые отчетливо обнаруживаются и идентифицируются человеком [Джемс, 1993: 87; Изард, 1999: 54; Вежбицкая, 2001: 16]. В основе теории базовых эмоций К. Изарда лежат следующие тезисы: 1) базовые эмоции образуют основную мотивационную систему человеческого существования; 2) каждая базовая эмоция обладает уникальной мотивацией и подразумевает специфическую форму переживания; 3) эмоциональные процессы взаимодействуют с перцептивными, когнитивными и моторными процессами и оказывают на них влияние [Изард, 1999: 54]. Количество выделяемых психологами эмоций, относимых к базовым, варьируется от работы к работе [Изард, 1999;

Апресян, 1994; Джемс, 1993; Oatley, 1992; Ekman, 1984]. Вместе с тем достаточно легко выделяется ядро предлагаемых списков (*радость, печаль, страх, гнев, удивление*), которое и представляет собой главный экстралингвистический объект в настоящем исследовании.

Принцип экстралингвистического обоснования выбора объекта исследования сочетается с принципом характеристики его **лингвокультурологического аспекта**. Лингвокультурологи (Н.А. Красавский, М.К. Голованивская, А.Б. Феоктистова, М.В. Маркина и др.) опираются на убеждение, что развитие культуры не может найти своей полной реализации без языка, который в своих основных функциях и служит инструментом выражения культурных смыслов. Эмоции человека запечатлены в идиомах, паремиологическом фонде языка, в образное основание которых включены символы, эталоны, мифологемы, архетипы, а также другие знаки, входящие или претендующие на такое вхождение в «символярий культуры» [Телия, 1996].

Интегративность теоретической базы настоящего исследования проявляется также в том, что наш объект выделяется и определяется в понятиях и терминах **когнитивной семантики**. Понятие репрезентации является ключевым для когнитивной науки. *Репрезентация – это и сам процесс представления мира человеком, и единица этого представления, замещающая представляемое либо в психике человека, либо в языковом оформлении некоторого знания, т.е. вербальная, языковая репрезентация* [Филимонова, 2001: 44]. Репрезентации базовых эмоций представляют собой ментально-языковые образования, концептуальное содержание и структуру которых можно разложить на определенные компоненты, каждый из которых обосновывается природой репрезентируемого феномена и соответствует ей: характер эмоции, ее субъект, причина ее возникновения, механизмы протекания, изменения, степень интенсивности переживания, сопутствующие ему и отображаемые языком оценки, ассоциации, внешние проявления эмоции (ее симптомы).

Семантические единицы и структуры языка участвуют в речевых репрезентациях эмоций. Именно поэтому в настоящей работе интегративность мыслится также как необходимость исследования выделенного объекта в *функционально-прагматическом аспекте*. Обозначения эмоций являются эмотивным выразительным средством в текстах, так как они служат не только для описания, но и для выражения эмоций человеком, их оценок вербальными средствами. Ментальная и психологическая природа эмоции, ее роль в смысловой организации текста, в репрезентации когнитивных компонентов определяется наличием эмотивной подсистемы концептуальной системы авторского сознания. (Бутакова, 2001: 65). С данным тезисом одного из исследователей авторского сознания в тексте Л.О. Бутаковой нельзя не согласиться.

2. Интегративный метод исследования языковых репрезентаций базовых эмоций человека основывается на приоритетной идее **антропоцентричности языка**, которая обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных языковых явлений [Кубрякова, 1995: 212]. В русле антропоцентристской семантической парадигмы в языкознании разрабатываются различные подходы (Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов, Ю.Н. Караулов, Б.А. Серебренников, Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, Ю.Д. Апресян, В.В. Колесов, Л.Г. Бабенко, М.В. Пименова, М.П. Одинцова, Н.В. Орлова, Л.О. Бутакова, Е.Н. Гуц, О.В. Коротун и др.), опирающиеся на постулат существования **языковой картины мира**, которая понимается как *«представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, т.е. заложенная в системных значениях слов и их сочетаний информация о мире»* [Стернин, 2002: 68].

Для разработки теоретических основ антропоцентристского подхода к исследованию выделенного языкового объекта для нас особенно существенна внутренняя связь языка с психологией человека. Продолжая сказанное выше, добавим, что эмоции и в психологии, и в семантике

интерпретируются как особый класс субъективных психологических состояний человека, отражающих в форме непосредственных переживаний процессы и результаты человеческой деятельности и взаимоотношений человека с окружающим миром. В эмоциях человек проявляется в разных своих ипостасях: не только как существо чувствующее, но и мыслящее и материально-телесное. В возникновении, развитии и проявлении эмоций человека, как об этом свидетельствуют психологи, принимают участие восприятие, физиологические реакции, интеллект, моторика, мимика, речь. Естественный язык, «обслуживая» сферы речемыслительной и коммуникативной деятельности человека, одновременно репрезентирует, означает и его эмоциональную сферу, располагая для этого специальной системой средств и правил.

3. Интегративное исследование языковых репрезентаций базовых эмоций человека неизбежно приобретает комплексный характер. В отечественном языкознании есть исследования, которые носят комплексный характер. Так, в работе В.И. Шаховского реализован авторский вариант комплексного и коммуникативно ориентированного подхода к исследованию языковых и текстовых репрезентаций эмоций, который включает паралингвистический, лингвистический, лингвостилистический аспекты [Шаховский, 1987]. Работа О.Е. Филимоновой, посвященная исследованию языка эмоций в английском тексте, также носит комплексный характер, объединяющий исследовательский аппарат семантики, прагматики, стилистики [Филимонова, 2001]. Работа Н.Р. Афанасьевой посвящена основам комплексного исследования образных репрезентаций внутреннего мира человека. Реализация комплексного метода обеспечивается посредством когнитивного, собственно семантического, семантико- синтаксического и прагмастилистического аспектов их изучения, а также выявления взаимосвязи между полученными разноаспектными результатами анализа. Комплексный метод в работе Н.Р. Афанасьевой направлен на решение задачи лингвоантропологического моделирования системы образных репрезентаций

внутреннего мира человека. Моделирование понимается автором работы вслед за авторами имеющихся в этой области теоретических подходов как способ лингвистического изучения, при котором создается «мысленное устройство, воспроизводящее, имитирующее своим поведением (в упрощенном виде) поведение оригинала (ЛЭС), описательно представляющее изучаемый объект его обобщенными характеристиками [Афанасьева, 2006: 5]. *Что касается настоящей работы, то и она опирается на связь метода с объектом, проблематикой и аспектами исследования. Языковые и речевые репрезентации базовых эмоций человека выделяются как постулируемый фрагмент языковой картины мира. Мы исходим из того, что лексика, грамматика, прагматика, стилистика взаимодействуют при обозначении и выражении эмоций, что и находит отражение в междуровневом и многоаспектном характере методик, понятий, категорий, участвующих в описании.* В соответствии с данным исходным тезисом необходимо выделить и исследовать с точки зрения концептуализации эмоций *лексико-семантический уровень*, представленный значениями номинативных лексических и фразеологических единиц языка, *семантико-синтаксический уровень*, представленный грамматическими и лексико-синтаксическими значениями моделей предложений, и *прагматилистический уровень* в их единстве и взаимодействии. На лексическом уровне исследования должны быть описаны лексико-семантические парадигмы номинаций и фразеологических единиц, характеризующих базовые эмоции человека. Лексемы и фразеологизмы с семантикой базовых эмоций человека входят в синтаксические структуры, основными элементами которых являются *семантический субъект*, обозначающий реального исполнителя действия или носителя признака, состояния, и *семантический предикат*, выражающий действие, признак субъекта (Е.В. Падучева, Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, Т.В. Шмелева, Т.В. Булыгина, О.Н. Селиверстова и другие). Синтаксические структуры, реализуясь в речи, приобретают

дополнительные коммуникативно обусловленные смыслы. Таким образом, каждый из названных уровней репрезентирует те или иные аспекты и параметры эмоций.

Теоретическая программа изучения языковых отображений эмоций должна включать и *прагматилистический потенциал языковых репрезентаций базовых эмоций человека* на материале фрагментов из текстов разных стилей и жанров (художественного, мемуарного, эпистолярного – со специфическими прагматическими установками). При этом мы считаем эффективной опору на концепцию коммуникативных регистров речи, разработанную Г.А. Золотовой. Коммуникативный регистр речи определяется ею как *понятие, абстрагированное от множества предикативных единиц или их объединений, употребленных в разнородных по общественно-коммуникативному назначению контекстах, сопоставленных по совокупности таких признаков, как 1) характер отображаемой в речи действительности, 2) пространственно-временная дистанцированность позиции говорящего или персонажа-наблюдателя и – соответственно – способ восприятия, сенсорный или ментальный, 3) коммуникативные интенции говорящего (сообщение, реакция на речевую ситуацию, волеизъявление)* [Золотова, 1998: 393]. Г.А. Золотовой предложено различать следующие коммуникативные регистры: *репродуктивный (изобразительный), информативный, генеритивный, волюнтивный, реактивный*. Один и тот же регистр, по Г.А. Золотовой, может быть представлен разными речевыми жанрами, а текст в целом одного речевого жанра может включать несколько регистров. Выделенные регистры имеют характерную для каждого из них палитру (открытую подсистему) стилистических средств и приемов выражения. Наиболее богатым с этой точки зрения является репродуктивный регистр, наименее – информативный. В целом регистры носят межстилевой характер, хотя их полный набор характерен не для всех стилей и жанров речи. Использование регистровых различий речи в описаниях эмоций позволяет говорящему (пишущему)

представить их либо как зарисовки – наглядные образы, непосредственно наблюдаемые, либо как факты, о которых только сообщается, либо как сообщение опыта одного или многих людей, либо как следствие или объект волевого воздействия, либо, наконец, как реакцию на то или иное событие, явление действительности (внешнее или внутреннее по отношению к говорящему). При этом вербальной концептуализации эмоции могут сопутствовать образно-экспрессивные средства, актуализирующие передаваемые словесно смыслы; в текстах разных жанров благодаря различиям их прагмастилистических потенциалов возникают своеобразные текстовые коннотации, индивидуальные стилистические окраски слов и выражений.

Исследование языковых репрезентаций базовых эмоций человека может быть осуществлено как на материале одного языка, так и на материале двух и более языков, т.е. в **сопоставительном аспекте**. Сопоставление является частью комплексного подхода к изучению однопорядковых явлений. Основной метод сопоставления – *сравнение, которое выявляет отношение тождества и различия*. Сходства и различия значений языковых единиц в сравниваемых языках диалектически связаны в рамках сопоставительного анализа. В разных языковых картинах мира обнаруживаются универсальные черты и черты национально-культурные, к сфере языковых репрезентаций базовых эмоций человека этот тезис вполне применим.

Все изложенное выше обосновывает **цель** предпринятого исследования:: теоретически обосновать, апробировать и верифицировать сущность интегративного и комплексного метода исследования языковых и речевых репрезентаций базовых эмоций человека, включающего семантико-когнитивный, лингвокультурологический и прагмастилистический подходы. Достижение цели предполагает решение следующих **задач**:

1) охарактеризовать и оценить достижения системно-структурной и антропоцентрической семантики в развитии интегративного и комплексного метода исследования языковых репрезентаций базовых эмоций человека;

отметить ограниченность системно-структурного метода. Дать теоретическое обоснование интегративного и комплексного исследования языковых и речевых репрезентаций базовых эмоций человека;

2) апробировать и верифицировать теоретические и методические основы интегративного и комплексного метода исследования семантики языковых репрезентаций базовых эмоций человека (в его авторской версии) на словарном и текстовом материале русского и французского языков;

3) апробировать и верифицировать теоретические и методические основы исследования прагматилистического потенциала языковых репрезентаций базовых эмоций человека на материале фрагментов текстов художественного, мемуарного, эпистолярного жанров речи в русском и французском языках;

4) на материале двух сопоставляемых языков апробировать методику лингвокультурологического анализа как одну из составляющих разрабатываемого метода.

Источники, на базе которых осуществляется исследование, представляют два типа: 1) методы и концепции, обсуждаемые и используемые в разнообразных исследованиях языковых репрезентаций эмоций, 2) массив эмпирического языкового и речевого материала, извлеченного из словарей и текстов русского и французского языков. *Первый тип источников* представлен исследованиями языковых репрезентаций эмоций человека с 60-х гг. XX века до начала XXI века. Перечислим наиболее важные для настоящего исследования методы классической и современной семантики и имена лингвистов, в трудах которых разрабатываются и применяются эти методы: метод компонентного анализа (Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс, Ю.Н. Караулов, Р.А. Будагов, О.Н. Селиверстова и др.), метод оппозиций (Л.М. Васильев, И.В. Арнольд, Л.Г. Бабенко), метод семантического поля (Э.Косериу, Э.М. Медникова, Л.М. Васильев и др.), метод валентностного анализа (С.Д. Кацнельсон, И.В. Арнольд и др.), ситуативно-фреймовый подход (Е.М. Вольф, 1989; Л.Г. Озонова, 2001; А.В. Рябкова, 2002),

лингвокультурологический подход (В.Н. Телия, 1997; В.В. Красных, 2003; В.А. Маслова, 2001; В.И. Карасик, 2004; Ю.С. Степанов, 1997; А.Б. Феокистова, 1996; М.К. Голованивская, 1997; М.В. Маркина, 2001; Н.А. Красавский, 2001; С.Г. Воркачев, 2003). При определении прагмастилистического потенциала языковых репрезентаций базовых эмоций человека мы опираемся на работы К.А. Долинина, Е.Н. Гончаровой, Т.В. Матвеевой, Г.А. Золотовой.

Методы исследования. Мы исходим из признания возможности суммирования и согласования идей и достижений системно-структурной и антропоцентристской семантики, конкретно – когнитивно-фреймового, лингвокультурологического, дискурсивно-текстового подходов, а также методов и методик классической и современной семантики: валентностного, оппозитивного, компонентного анализа, анализа с опорой на коды культуры и источники культурной интерпретации, в том числе паремий и метафор, на уровне высказывания и текста нами используются современная речеведческая теория жанров и типология коммуникативных регистров, разработанная Г.А. Золотовой. С опорой на перечисленные идеи и методы в диссертации предложен авторский вариант общей характеристики теоретических основ интегративного и комплексного исследования языковых и речевых репрезентаций базовых эмоций человека в русском и французском языках.

Второй тип источников содержит эмпирический материал исследования. Представляющие языковой узус, демонстрирующие стереотипы русского и французского сознания единицы и конструкции (конвенциональные метафоры, сравнения, перифразы, фразеологизмы, паремии) получены в результате тематической и статистической выборки из словарей разных типов: Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под ред. Ю.Д. Апресяна М., 1995; Словарь синонимов русского языка: в 2-х т./ Под ред. А.П. Евгеньевой Л.: Наука, 1970; С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова Толковый словарь русского языка. 2-е изд. испр. и

доп. М.: Азъ, 1995; Л.П. Крысин Толковый словарь иноязычных слов. М.: Русский язык, 1998; Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова М.: Русский язык, 1987; Русский ассоциативный словарь: В 6 кн. / Под ред. Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина и др. М.: ИРЯ РАН, 1994, 1996, 1998; Горбачевич К.С., Хабло Е.П. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л., 1979; Новый французско-русский словарь / Под ред. В.Г. Гака, К.П. Ганшиной М.: Русский язык, 1999; Новый большой французско-русский фразеологический словарь / Под ред. В.Г. Гака. М.: Русский язык Медиа, 2005; Dictionnaire général de la langue française. P., 1971-1978; Nouveau dictionnaire des synonymes. P., 1977; Le petit Robert. P., 1993; Petit Larousse. P., 1980.

Прагмастилистический подход к исследованию языковых репрезентаций базовых эмоций человека сделал необходимым обращение к разножанровым текстам, насыщенным разными средствами обозначений и выражения эмоций. Материал исследования составляют около 3000 отдельных высказываний и текстовых фрагментов из рассказов А.П. Чехова, А.И. Куприна, В.М. Шукшина, Мопассана, Ф.Саган, романа Э.Базена «Гадюка в кулаке», мемуаров М.Г. Савиной, А. Филип, Р. Роллана, писем А.П. Чехова, О.Л. Книппер, В.Гюго, Ж. Друэ, А.Ахматовой, М. Цветаевой, И. Левитана. В диссертации принят синхронный подход к анализу материала.

Новизна исследования состоит в относительно новом обосновании и многоплановой апробации теоретических и методических основ интегративного и комплексного метода исследования репрезентаций базовых эмоций человека, центральным понятием которого является концепт со всеми методиками его анализа (на лексико-семантическом, семантико-синтаксическом, прагмастилистическом уровнях языкового и речевого материала). Таким образом доказана и продемонстрирована эффективность метода исследования феномена базовых эмоций человека как интегративного и комплексного метода антропоцентрической семантики, адекватного реальной сложности самого феномена.

Новизна полученного результата также определяется фактической базой диссертации, которая позволила сопоставить во всех важных для метода аспектах русский и французский языки – с акцентом на национально-культурном своеобразии каждого из них и зависимости этой специфики от особенностей истории, культуры, менталитета носителей языков.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит определенный вклад в решение актуальных вопросов теории и методологии лингвоантропологических исследований: обоснования перспективности интегративного и комплексного метода в лингвоантропологии; разработки методик исследования различных фрагментов языковой картины мира, в том числе сопоставительных.

Практическая ценность исследования заключается в том, что теоретически обоснованный и апробированный в данной работе интегративный и комплексный метод, а также соответствующие ему методики анализа могут применяться в лингвоантропологических исследованиях при изучении других фрагментов языковой картины мира как в одном языке, так и в нескольких языках в сопоставлении. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании русского и французского языков, при переводах с одного языка на другой, при выработке стратегии и тактики разных видов межкультурной коммуникации, при написании учебных пособий лингвокультурологического содержания.

Положения, выносимые на защиту:

1. Интегративный и комплексный метод может быть определен как сочетание связанных между собой идей, понятий, методов семантики и прагматики в одном методе с приоритетной, интегрирующей антропоцентристской идеей. Интегративность при этом понимается как обязательность последовательного учета всех существенных междисциплинарных связей семантики с природой обозначаемых объектов, культурой, с наивнофилософским характером отображаемой в языке картины мира, с закономерностями прагматических и коммуникативных факторов

речевого поведения и текстообразования. Комплексность метода понимается как его лингвистическая многоаспектность, предполагающая системное описание участия всех значимых единиц языка и речи в репрезентации эмоций, а также прагмастилистических потенциалов разножанровых текстов. Интегративность и комплексность как базовые характеристики метода находятся в отношении единства и комплементарности.

2. Исходная гипотеза предпринятого исследования о том, что каждая базовая эмоция в языковой картине мира репрезентирована концептом, потребовала определения этого центрального понятия. Концепт базовой эмоции человека определяется как междисциплинарное, эвристическое, многоэлементное, многоаспектное, фреймовое, этнически и культурно обусловленное, сложное ментальное образование, базирующееся и в сознании носителя языка, и в системе отражающего и интерпретирующего это сознание лингвистического знания на понятии, образе, оценке, ценности, ассоциации.

3. Концепт эмоции неэлементарен, он аналитически разворачивается в предикатную структуру – фрейм-пропозицию. Фрейм-пропозиция базовой эмоции человека является результатом обозначения целостной типизированной ситуации. Это понятие акцентирует правомерность расчленяющего подхода к изучению хранимой в памяти человека информации об эмоции, выделяет, структурирует и конкретизирует ее по мере развертывания фрейма.

4. Онтология концепта эмоции требует специального лингвокультурологического анализа с опорой на понятия кодов культуры и других источников культурной интерпретации. Этот анализ выявляет особенности культурных предпочтений и доминант определенного языкового коллектива, особенно в сфере ассоциативных, образных интерпретаций концептов.

5. Исследование в прагмастилистическом аспекте необходимо для адекватного представления о функционировании концептов базовых эмоций в разных жанрах и стилях (в частности, художественном, мемуарном,

эпистолярном), оно обнаруживает в русском и французском языках системные сходства. Фрагменты художественного жанра характеризуются широким употреблением наиболее выразительных и эмоционально окрашенных языковых единиц всех уровней. Наибольшая детализация описания эмоций наблюдается в репродуктивном и информативном регистрах речи. Фрагменты мемуарного жанра характеризуются употреблением как нейтральных, так и стилистически окрашенных языковых средств. Вообще высказывания с семантикой эмоций используются чаще в информативном и репродуктивном регистрах. Для фрагментов эпистолярного жанра характерно употребление лексики и фразеологии разговорного стиля. Для этого жанра характерны развернутые описания чувств субъектов речи – мысли, а также причин эмоциональных переживаний.

Апробация работы. Основные положения диссертации апробированы на международных научных конференциях: «Язык. Время, Личность» (Омск, 2002), «Этногерменевтика и этнориторика» (Кемерово, 2003, 2004), «Актуальные проблемы русистики» (Томск, 2003), на региональной конференции по межкультурной коммуникации (Омск, 2000, 2002, 2004), на Всероссийской конференции «Языковая концепция регионального существования человека и этноса» (Барнаул, 2004). По теме диссертации опубликовано 17 работ, общим объемом 5,1 п.л.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка. Основной текст изложен на 186 страницах. Во *Введении* кратко обосновывается актуальность темы и проблематики исследования: определяются объекты, предмет исследования, его источники, цель и задачи исследования, теоретическая и практическая значимость. В *Главе 1 «Теория и методика интегративного и комплексного исследования языковых и речевых репрезентаций базовых эмоций человека в современной лингвистике»* освещаются имеющиеся концепции и методы исследования языковых репрезентаций эмоций человека в современной

лингвистике, рассматриваются семантико-прагматические исследования языковых репрезентаций эмоций человека в русле системно-структурной и антропологической парадигм, аргументируются теоретические основы интегративного и комплексного метода исследования языковых репрезентаций базовых эмоций человека, которые включают когнитивно-фреймовый, лингвокультурологический, дискурсивно-текстологический подходы. В *Главе 2 «Апробация и верификация теоретических основ когнитивно-семантической и лингвокультурологической составляющих интегративного и комплексного метода исследования языковых репрезентаций базовых эмоций человека в русской и французской языковых картинах мира»* дается комплексный анализ концептов эмоций в русской и французской языковых картинах мира, отмечаются общие и национально-специфические черты в сопоставляемых лингвокультурах. В *Главе 3 «Апробация и верификация теоретических основ исследования прагмастилистического потенциала языковых репрезентаций концептов базовых эмоций человека и их отдельных компонентов в художественном, мемуарном, эпистолярном жанрах речи»* определяется и анализируется прагмастилистический потенциал репрезентаций концептов эмоций в художественном, мемуарном, эпистолярном жанрах речи, анализируются языковые средства, которые используются в том или ином тексте. В *Заключении* формулируются общие выводы о связи компонентов концепта базовых эмоций человека с компонентами регистров речи разных жанров с семантикой базовых эмоций человека в духе принятой и развиваемой концепции. Намечаются перспективы дальнейшего исследования, связанного с применением обоснованного и верифицированного в данной работе интегративного и комплексного метода в лингвоантропологических исследованиях других фрагментов языковой картины мира как в одном языке, так и в нескольких языках в сопоставлении.

Глава 1. Теория и методика интегративного и комплексного исследования языковых и речевых репрезентаций базовых эмоций человека в современной лингвистике

1.1 Аналитический обзор исследований репрезентаций эмоций человека в русле системно-структурной парадигмы

Исследования языковых репрезентаций эмоций человека проводятся со второй половины 20 века. Их с некоторой долей условности можно разделить на два типа: одни выполнены в русле системно-структурной, другие - в русле антропоцентристской парадигмы. Согласно Ю.С. Степанову, *парадигма – господствующий в какую-либо данную эпоху взгляд на язык, связанный с определенным философским течением, притом таким именно образом, что философские положения используются для объяснения наиболее общих законов языка, а данные языка в свою очередь – для решения некоторых (обычно лишь некоторых) философских проблем.* [Степанов, 1998(а): 176]. Язык понимается в этом тезисе как человеческий язык вообще, рассматриваемый со стороны его общих свойств, логико-лингвистических констант.

Исследования, выполненные в русле системно-структурной парадигмы, ориентированы на соотношение “предмет (вещь) – имя”, поэтому в центре внимания исследователей находится слово как элемент системы. По мнению А.С. Мельничука, система является внутренней организованной совокупностью взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, а структура - схема взаимоотношений между элементами системы, их внутренней организации [Мельничук, 1970: 43]. Подобное понимание системы и структуры находим в работах Ф.П. Филина, Г.П. Мельникова, Э.В. Кузнецовой и многих других представителей парадигмы. Основными методами данной парадигмы являются компонентный анализ, оппозиционный, валентностный, дистрибутивный, трансформационный и другие. Кратко охарактеризуем эти методы, без которых, на наш взгляд,

нельзя обойтись, работая и в русле системно-структурной, и в русле другой, антропоцентристской, парадигмы.

Метод компонентного анализа разрабатывали Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс, А.М. Кузнецов, Ю.Н. Караулов, Р.С. Гинзбург, О.Н. Селиверстова и другие исследователи. Он предполагает процедуру расщепления значения на составные части (семы), вычленение которых обусловлено как соотношением элементов внутри отдельного значения (наличие общих и частных элементов, иерархичность семантической организации), так и соотношением этого значения со значениями других языковых единиц.

Метод оппозиций согласуется с системным характером языка, так как имеет дело не с атомарными языковыми фактами, а с их связями (синонимическими, антонимическими, родо-видовыми, деривационными и т.д.). И.В. Арнольд считает, что оппозицию можно определить как семантически релевантное различие по одному признаку при сходстве остальных [Арнольд, 1991: 34]. Метод оппозиции использовался С. Маркусом, Н.С. Трубецким, в семантике – Л.М. Васильевым и другими учеными.

Метод семантического поля разработан и использован Э. Косериу, А.А. Уфимцевой, Г.С. Щур, Ю.Н. Карауловым, И.В. Арнольд, А.М. Кузнецовым, В.И. Шаховским и другими учеными. В современной лингвистике семантическое поле определяется как совокупность единиц, объединенная общностью содержания, отражающего понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений. Кроме собственно семантического поля, выделяются морфосемантические, функционально-семантические, ассоциативные, грамматические, синтагматические поля.

Метод дистрибутивного анализа - это метод исследования языка, основанный на изучении окружения отдельных единиц в тексте и не использующий сведений о полном лексическом или грамматическом значении этих единиц. Метод дистрибутивного анализа определяется и

применяется Ю.Д. Апресяном, Э.М. Медниковой, Л.М. Васильевым и другими исследователями.

Метод валентностного анализа был предложен С.Д. Кацнельсоном, который считает, что валентность есть «имплицитно содержащееся в нем (в слове) указание на необходимость восполнения его другими словами определенных типов в предложении» [Кацнельсон, 1987: 20-32]. Валентностный метод определяют и реализуют М.Д. Степанова, Б.М. Лейкина, И.Б. Долинина, В.И. Шаховский, Ю.В. Фоменко, за рубежом - Г. Хельбиг.

Метод трансформационного анализа (метод синтаксических преобразований) является важным средством разграничения лексико-семантических вариантов и выявления диффузных значений. Вместе с тем он помогает выделить метаязыковые единицы (группы) (синонимические, перифрастические и другие). Этот метод разработан Ю.Д. Апресяном, Д.С. Уорсом, С.К. Шаумяном, Р.Б. Лизом, Л. Теньером (L. Tesnière), Ж. Дюбуа (J. Dubois), Л. Гильбером (L. Guilbert) и другими лингвистами.

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров развивают **лингвострановедческую теорию слова**. По мнению ученых, «слово вмещает в себя и хранит знания о действительности. На лексему «навешивают» идеи, сведения, мысли. Слово – это коллективная память носителей языка, «памятник культуры», зеркало жизни нации. [Верещагин, Костомаров, 1980: 65]. Следует отметить, что в теории Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова явно просматриваются элементы антропоцентризма в его лингвокультурологическом течении.

Кратко охарактеризованные методы ученые сочетают, варьируют, комбинируют в зависимости от целей исследования. Следовательно, ни один метод не обладает свойствами исключительности в изучении конкретных языковых явлений. Что касается исследований языковых репрезентаций эмоций человека в русле системно-структурной парадигмы в целом, то они ведутся на разных уровнях языковой системы. Так, немало в отечественной семасиологии работ, посвященных изучению **номинаций** явлений

эмоциональной жизни человека, в них реализуются различные исходные принципы и аспекты анализа. Например, Л.М. Васильев, исследуя обширный класс русских глаголов эмоционального состояния, использует оппозитивный метод, метод компонентного анализа, опирающегося на приемы дистрибутивного и трансформационного анализа. Исследователь использует денотативный, парадигматический, синтагматический принципы. При денотативном подходе учитывается естественное, онтологическое расчленение предметов, признаков, свойств, процессов, состояний, отраженное в структуре языка. На основе парадигматического принципа выделяются различные лексико-грамматические разряды, каузативные, некаузативные, модальные и т.п. Синтагматический принцип основан на учете количества и качества глагольных валентностей [Васильев, 1981].

Л.И. Шахова, демонстрируя иерархическую организацию лексико-семантической группы «чувственные переживания», в предлагаемой ею вершине таксономии использует оппозицию положительной и отрицательной оценочности, затем выделяет десять групп слов с учетом качественного содержания чувств [Шахова, 1980: 4].

Г.Б. Бендетович в работе, посвященной лексико-семантическим группировкам, охватывающим глаголы и существительные с семантикой «любить» и «ненавидеть» в современном французском языке, использует метод лексико-семантического поля и компонентного анализа, контекстуальный и контекстуально-семантический анализ, а также логический анализ. В работе выявляются особенности иерархического строения лексико-семантического поля на основе общего анализа семантической структуры слова, а также в зависимости от степени интенсивности выражения эмоционального отношения [Бендетович, 1981].

Г.А. Другова предлагает типологию лексики с учетом экстралингвистических эмотивных смыслов [Другова, 1984].

Е.Ф. Жукова, анализируя семантику эмоциональных глаголов в английском языке, приходит к выводу о существовании трех подгрупп

эмоциональных глаголов – глаголов эмоционального состояния (fear), эмоционального отношения (love), эмоционального воздействия (surprise) с категориальными семами *состояние, отношение, воздействие* [Жукова, 1994].

В.И. Шаховский, исследуя особенности категоризации эмоций в лексико-семантической системе английского языка, использует методы компонентного анализа, метод оппозиций, дистрибутивный и другие методы. Кроме того, он вводит понятие эмосемы (эмотивной семы), сущность которой, по его словам, заключается в следующем: «Это специфический вид сем, соотносимых с эмоциями и представленных в семантике слова как совокупность семантического признака «эмоция» и семных конкретизаторов «презрение», «унижение» и т.д., список которых открыт и которые варьируют упомянутый семантический признак в разных словах по-разному» [Шаховский, 1987: 84]. Исследователь выделяет три типа эмотивности слова: 1) обозначение (номинация), 2) описание (дескрипция), 3) выражение (экспликация). По мнению ученого, «денотативным содержанием названий эмоций (дескриптивные слова) являются объективные свойства эмоций, компоненты их семиологической ценности – выражения эмоционального отношения в семантике таких слов нет ... Лексика, обозначающая эмоции, эмотивной не является, она – индикативная, логико-предметная ... в названиях эмоций отсутствует «заражающий» компонент. Эмоция, обозначенная в таких словах, на уровне реализации представляет собой не непосредственное чувство, а лишь логическую мысль о нем, в то время как семантика эмотива индуцирует эмоциональное отношение к обозначаемому им объекту мира» [Шаховский, 1987: 93-94].

Л.Г. Бабенко в работе, посвященной исследованию обозначения эмоций в языке и речи, использует методику сплошной выборки лексики из словаря с учетом дефиниций, содержащих разного рода указания на эмоцию, а также метод компонентного анализа. На уровне парадигматики исследователем выявляются слова, принадлежащие к разным частям речи, в семной

структуре которых обнаруживаются семы эмотивности разного ранга. На уровне синтагматики исследуются закономерности функционирования эмотивной лексики в контексте предложения. На уровне индивидуально-художественной синтагматики анализируется специфика манифестации эмотивных смыслов в условиях художественной речи и в условиях законченного текста. Л.Г.Бабенко формулирует модель лексической семантики слов с эмотивным значением, выделив «категориально-эмотивные», «дифференциально-эмотивные», а также «коннотативно-эмотивные» семы. В лексико-семантическом поле «эмоции» категориально-эмотивная лексика является ядерной частью поля [Бабенко, 1989: 25].

Исследования языковых репрезентаций эмоций человека на уровне лексики ведутся и на материале двух языков в *сопоставительном аспекте*. Сопоставление языков имеет смысл только при наличии хотя бы одного сходного элемента в их структуре. Эталоном при сопоставлении может служить каждый из сравниваемых языков, а также некоторая искусственно смоделированная третья система. Так, Т.В. Эберт в работе, посвященной изучению лексико-семантического поля глагола «lieben» в немецком языке и глагола «любить» в русском языке, использует ономаσιологический и семасиологический подходы, в рамках которых одним из основных методов исследования является компонентный анализ, благодаря которому устанавливается степень семантической связи отдельной лексической единицы с центром поля. Лексико-семантическая организация поля рассматривается с учетом оппозиционных отношений по признаку качественности, интенсивности и стилистической окраски между глаголами в рамках одной смысловой области. Автор считает, что лексико-семантическое поле lieben в немецком языке имеет более сложную структуру, чем в русском языке, в его состав входят глаголы эмоционального состояния, отношения, эмоционального действия, поведения, воздействия [Эберт, 2003].

Достаточно разработанным методическим направлением в исследовании эмоций в языке является *синтаксическое моделирование*. Ярким примером

этого направления (без использования данного термина) являются работы С.Н.Цейтлин. По мнению исследователя, современный русский язык располагает широкими возможностями для передачи психического состояния. Многообразие обнаруживаемых в речи конкретных предложений, обозначающих эти состояния, может быть сведено к ряду основных моделей: 1) глагольная модель (Я волнуясь); 2) наречно - предикативная модель (Мне грустно); 3) субстантивная модель (У меня тоска); 4) адъективная модель (Она весела); 5) причастная модель (Я взволнован); 6) предложно – падежная модель (Он в восторге) [Цейтлин, 1976: 181]. С.Н.Цейтлин выявляет *лексически свободные и лексически связанные модели*, определяет факторы нормативно-стилистического порядка, определяющие избирательность той или иной модели, описывает *метафорический способ* выражения психического состояния субъекта, также анализирует *фазисные, модальные, абстрактные* реализации моделей, *модификации расщепления*. На наш взгляд, С.Н. Цейтлин опередила свое время, так как в ее исследованиях содержатся зачатки когнитивного подхода к изучению языковых репрезентаций эмоций человека.

Среди работ, посвященных сопоставительному исследованию способов выражения эмоций на уровне высказывания, отличается фундаментальное исследование Л.А. Пиотровской «Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования (на материале русского и чешского языков)». Автор считает, что дифференциальным признаком, отличающим эмотивные речевые акты от других классов речевых актов, является прежде всего их иллокутивная цель. В теоретическом плане очень важными представляются выводы Л.А. Пиотровской об эмоциональной и рациональной оценке, о необходимости разграничения понятий эмоционального состояния и эмоционального отношения как ненаправленных и направленных психических состояниях, о взаимодействии логизированного и эмотивного, или эмотивно-оценочного, компонентов значения и содержания эмотивных высказываний. Сравнение особенностей структуры эмотивных высказываний

русского и чешского языков позволило Л.А. Пиотровской акцентировать внимание на некоторых универсалиях «эмотивного синтаксиса», среди которых отмечены широкое употребление в составе эмотивных высказываний слов, связанных генетически с вопросительными и указательными местоимениями, модели построения эмотивных высказываний, сходные с придаточной частью сложноподчиненного предложения [Пиотровская, 1994].

Исследователями проделана огромная плодотворная работа и по изучению *стилистики языковых репрезентаций эмоций* (И.В. Арнольд, И.Р. Гальперин, В.А. Кухаренко, К.А. Долинин и др.). Так, например, К.А. Долинин исследует лингвистические средства репрезентаций эмоций в текстах различной жанровой принадлежности на материале французского языка. Исследователь перечисляет те синтаксические модели французского языка, которые рассматриваются как потенциально аффективные: 1) модели вопросительных предложений; 2) модели предложений с восклицательными словами; 3) различные виды повтора; 4) все модели, подчеркивающие коммуникативную структуру, т.е. сегментированные предложения; 5) эллиптические конструкции различных типов [Долинин, 1978: 256].

Особые методы семантического анализа используются в описаниях репрезентаций эмоций в *дискурсе и тексте*. Так, например, В.И. Шаховский в результате анализа многочисленных эмотивных текстов вычленяет следующие их компоненты: языковые – эмотивная лексика и фразеология, набор эмотивных конструкций, эмотивные «кинемы» и «просодемы» в лексическом представлении и другие, а также неязыковые – эмоциональная ситуация, которая предполагает эмоциональную пресуппозицию, эмоциональные намерения, эмоциональные позиции участников общения, их общий эмоциональный настрой. «Все это находит формальное выражение в специальных средствах: просодии и кинесике, лексике, синтаксисе, структуре и стилистике, которые выступают в функции сигналов об эмоциональной информации данного текста» [Шаховский, 1987:

146]. По мнению автора, текстовая эмотивная семантика характеризуется большой способностью реагировать на сиюминутную ситуацию общения и психологические особенности коммуникантов. Отсюда оправдан теоретический вывод о коммуникативной важности семантики слова, об эмотивной информации как смысловой, о необходимости знания всех изменений в норме реализации эмотивов для адекватной коммуникации. Следует отметить, что подход В.И. Шаховского можно рассматривать как комплексный и коммуникативно ориентированный, так как исследователь выделяет ключевые аспекты эмотивности в языке: экстралингвистические, паралингвистические, лингвистические и лингвостилистические.

В.И. Болотов выдвигает гипотезу относительно выражения эмоций в тексте. Он полагает, что компонентами эмоционального текста должны считаться все элементы ситуации общения. «Всякое нарушение нормальных отношений между компонентами текста может быть в определенных условиях источником эмоционального текста» [Болотов, 1981: 4].

Сделанный нами обзор специальной литературы показывает, что в большинстве случаев при исследовании языковых и речевых репрезентаций эмоций человека ученые не выделяют конкретную эмоцию, только Т.В. Эберт исследует глаголы «любить» в русском и немецком языках и Г.Б. Бендетович рассматривает глаголы и существительные с семантикой «любить» и «ненавидеть» в современном французском языке. В основном работы посвящены изучению принципов лексической номинации эмоциональной жизни человека. Л.И. Шахова рассматривает слова, содержащие указания на эмоцию только в логико-предметной части значения слова (эмотивы-номинативы), Г.А. Другова предлагает типологию лексики с учетом экстралингвистических эмотивных смыслов. Е.Ф. Жукова выделяет категориальные семы эмоциональных глаголов: состояние, отношение, воздействие. Л.М. Васильев исследует эмоциональные глаголы на уровне денотативного, парадигматического, синтагматического

принципов группировок материала. Л.Г. Бабенко рассматривает лексику эмоций на уровне парадигматики и синтагматики. В целом ряде работ, посвященных исследованию языковых репрезентаций эмоций человека, используется синтаксическое моделирование (С.Н. Цейтлин). Многие лингвисты исследуют закономерности функционирования лексики эмоций в контексте предложений или в тексте. Важно еще раз заметить, что в работе В.И. Шаховского реализован авторский вариант комплексного и коммуникативно ориентированного подхода к исследованию языковых и речевых (текстовых) репрезентаций эмоций человека. Количество работ, посвященных проблеме языковых репрезентаций эмоций человека в сопоставительном аспекте, немного. Сравниваются на материале разных языков отдельные слова, лексико-семантические классы слов, а также особенности структуры высказываний с семантикой эмоций. Среди работ, выполненных на материале французского языка, нами отмечено исследование Г.Б. Бендетович, посвященное исследованию лексико-семантических группировок, охватывающих глаголы и существительные с семантикой «любить» и «ненавидеть». Обзор исследований языковых и речевых репрезентаций эмоций человека показывает, что системно-структурные методы исследования языкового выражения эмоций совершенствуются. Особенно ощутимый вклад в этот процесс внесли В.И. Шаховский, Л.Г. Бабенко, Л.М. Васильев. Однако следует отметить, что в работах, выполненных в русле системно-структурной парадигмы, наблюдается внутрilingвистическая закрытость осмысления семантики знаковых единиц, этому осмыслению не хватает когнитивной, культурологической, психолингвистической многомерности в объяснительной части описаний. Исследование репрезентаций эмоций осуществляется преимущественно на лексическом уровне языка, что придает ему некоторую ограниченность. Тем не менее эти исследования являются ценнейшим источником сведений для лингвистов, которые работают в русле других научных парадигм.

1.2. Аналитический обзор исследований репрезентаций эмоций человека в русле антропоцентристской парадигмы

В последние десятилетия 20 века появился ряд работ в сфере исследования языковых репрезентаций эмоций человека, выполненных в русле **антропоцентристской парадигмы**. Подчеркнем еще раз, что антропоцентристская парадигма выдвигает на первое место человека как субъекта и объекта речевой деятельности, при этом язык считается главной конституирующей характеристикой человека, его важнейшей составляющей. Появилось большое количество работ, которые вносят в языкознание новые установки и цели исследования языка, новые ключевые понятия и методики: труды Б.А. Серебренникова, Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Е.С. Кубряковой, Ю.Н. Караулова, Е.М. Вольф, В.Н. Телия, А. Вежбицкой, Е.В. Урысон и многих других. Сегодня семантика оперирует такими терминами и понятиями, как «языковая картина мира», «концепт», «языковое сознание», «языковая личность», «менталитет», «этнотип», «образ человека в языковой картине мира» и другими. Центральным понятием многих антропоцентристских исследований являются понятия **языковой картины мира** (В.И. Постовалова, Н.И. Сукаленко, Б.А. Серебренников, Г.В. Колшанский, В.Н. Телия, Е.С. Кубрякова, И.А. Стернин, Р.И. Павиленис, Ю.Д. Апресян, В.А. Маслова и другие) и **языковой личности** (Ю. Н. Караулов, В.П. Нерознак, О.Б. Сиротинина, Т.Н. Снитко, В.И. Карасик, В.И. Шаховский, М.П. Одинцова и другие). Образы мира и самого человека запечатлены в семантике языка, во внутренней форме различных высказываний. По мнению М.П. Одинцовой, *образ человека в языковой картине мира – это концентрированное воплощение сути тех представлений человека о человеке, которые объективированы всей системой семантических единиц, структур и правил того или иного языка* [Одинцова, 2000: 8]. В целом ряде работ авторами определяются и конкретно описываются самые существенные языковые ипостаси человека: «человек внутренний» (М.П. Одинцова, Е.В. Коськина, Н.Р. Афанасьева),

«внешний человек» (О.В. Коротун, Е.Н. Гуц), «средний человек» (Н.Д. Федяева), «человек – вселенная, целое и части» (М.П. Одинцова, Н.А. Седова), Homo sapiens (Л.Б. Никитина), человек аксиологический (Г.А. Боброва, Б.И. Осипов), человек моральный (аморальный) (Н.В. Орлова), человек любящий (Е.В. Лобкова), человек смертный и бессмертный (М.П. Одинцова), человек, уподобленный технике (М.Н. Никонова), эмоционально-психологические состояния и черты человека: страх, лень, трудолюбие, скупость-щедрость, праведность-порочность (М.П. Одинцова, Л.О. Бутакова, В.П. Завальников), человек, воспринимающий мир зрением (Г.А. Кривокубова, Е.Б. Сухоцкая, С.Г. Филиппова), обонянием (Е.В. Гейко), человек и природа (Л.О. Бутакова, М.П. Одинцова) и многие другие.

В свою очередь, языковую картину мира маркирует *концепт*, который отражает этническое мировидение [Маслова, 2004: 36]. Носитель языка – это носитель определенных концептуальных систем. Концепты суть ментальные сущности. Понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания [Кубрякова, 1996; Петров, 1979; Хинтиikka, 1980]. Сейчас в лингвистической науке появились различные подходы к пониманию концепта (когнитивный, культурологический, психолингвистический), которые базируются на общем положении: **концепт – то, что называет содержание понятия, синоним смысла** [Маслова, 2004:31]. Лингвистами разработано немало методик описания и изучения концептов. Известно, что есть различные типы структур представления знаний – схема, фрейм, гештальт, скрипты ит.д. Их объединяет то, что они обозначают совокупность информации, хранимой в памяти, которая обеспечивает адекватную когнитивную обработку стандартных ситуаций. Многое при описании зависит от того, какой тип концепта подлежит описанию. Так, например, *сценарии* состоят из нескольких актов или эпизодов, каждый из которых дробится на более

удобные единицы, а их значения зависят от культурных и социальных факторов (Р. Шенк, 1980; R. Abelson, 1981; J.L. May, 1992 и др.). *Гештальт* представляет собой целостный образ, совмещающий чувственные и рациональные элементы, а также объединяющий динамические и статические аспекты отображаемого объекта или явления (Ю.Н. Караулов и др.). *Фрейм* в его базовом определении (по М. Мински) – структура данных для представления стереотипной ситуации, особенно при организации больших объемов памяти (З.Д. Попова, И.А. Стернин, Е.С. Кубрякова и другие).

В рамках антропоцентристской парадигмы развивается *лингвокультурологический подход*, методы которого – вся совокупность приемов, операций и процедур, используемых при анализе взаимосвязи языка и культуры. Согласно В.В. Воробьеву, основной единицей лингвокультурологического анализа является *лингвокультурема*, которая определяется как «диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного и предметного) содержания». Лингвокультурема, в отличие от слова, имеет более сложную структуру: план содержания дробится на языковое значение и культурный смысл. Она обладает коннотативным смыслом и «живет до тех пор, пока живет идеологический контекст, ее породивший» [Воробьев, 1997: 52]. В.В. Красных предлагает выявлять лингвокультурологическую специфику через использование *лингвокогнитивного подхода* к коммуникации, который позволяет проанализировать как ее общелингвистический аспект, так и национально-детерминированный компонент. В.Н. Телия предлагает *макрокомпонентную модель значения*, которая включает в себя такие блоки информации, как сведения о пресуппозиции, денотации, рациональной оценке, мотивационном основании знака, эмоциональной и эмотивной оценках. В.А. Маслова предлагает использовать в лингвокультурологическом описании *психосоциокультурологический эксперимент* [Маслова, 2001: 35].

Что касается специальных исследований языковых репрезентаций эмоций человека в русле антропоцентристской семантики, то следует отметить, что в целом ряде работ успешно реализован *ситуативно-фреймовый подход*. Одни исследователи используют таксономическую интерпретацию фреймов, другие описывают эмоциональные состояния в их соотнесенности с когнитивной структурой знания, имеющей пропозициональную организацию. Для нашего исследования наибольший интерес представляют работы Е.М. Вольф. Исследователь считает, что высказывания, описывающие эмоциональные состояния человека, интерпретируются в виде модели, соответствующей фрагментам внутреннего мира человека. Их можно представить как систему фреймов, куда входят элементы соответствующих ситуаций, включающих эмотивное состояние человека: субъект модели, само эмоциональное состояние и его причина» [Вольф, 1989: 55].

Л.Г. Озонова, используя методы контекстуального, компонентного анализа, трансформационный, интерпретативный, рассматривает французские глаголы и адъективные конструкции, принадлежащие фрейму «радость» [Озонова, 2003].

А.В.Рябкова исследует репрезентацию эмоций «радость» и «печаль» в русском и немецком языках в зеркале когнитивного фрейма. По мнению исследователя, ментальная репрезентация лексических единиц имеет вид фреймов, которые устойчиво функционируют в текстах, варьируя уже имеющиеся фрагменты отраженной в сознании действительности, выстраивая новые структуры, расширяя смысловое сопровождение и увеличивая объем доминантного смысла. Это позволяет исследователю таксономизировать фреймы на основе объективируемой ими информации, которая репродуцируется в сознании человека, использовать при этом прагматический потенциал, отраженный в лексико-семантическом пространстве эмоций «радость» и «печаль» [Рябкова, 2002: 10].

В последнее время разрабатывается и *когнитивно-дискурсивный подход*, который предполагает комплексное изучение эмотивной функции языка. Так,

например, О.Е. Филимонова, изучая язык эмоций в английском тексте, доказывает, что обращение к изучению языка эмоций с позиций когнитивной лингвистики требует обоснования понятия полистатусной категории эмотивности, которая имеет разветвленную сеть специфических текстовых единиц – эмотивных микротекстов, эмотивных вкраплений, проявляющих особенности функционирования в текстах разных типов. Выявление основных эмотивных единиц текстового уровня позволяет проследить, как влияют на процесс текстообразования прагматические установки адресата сообщения, единичный или множественный характер субъекта эмоционального состояния, регистр общения, статус коммуникантов, культурно-специфические условия общения [Филимонова, 2001: 241]. По мнению исследователя, объединение исследовательского аппарата семантики, прагматики и стилистики позволяет рассмотреть различные грани репрезентации эмоций в речи. Исследование О.Е. Филимоновой носит комплексный характер, поскольку реализация категории эмотивности в английском тексте изучается во взаимодействии семантического, прагматического и стилистического аспектов.

Из текстоцентрических исследований наибольший интерес представляет работа И.С. Баженовой, выполненная на материале русского и немецкого языков. И.С. Баженова использует различные подходы при исследовании множества частных проблем, таких, как эмоции и их обозначения в немецком и русском языках, процесс номинации и когниция, поверхностная и глубинная структуры художественного текста, типы информации в художественном тексте, прагматическая характеристика художественной коммуникации. Монография И.С. Баженовой логически выстроена от роли эмоций в коммуникации людей к прагматическому потенциалу текста. Исследователь отмечает важность избранного автором текста типа повествователя, так как он во многом определяет то, как будут описываться эмоциональные состояния героев и значимость для прагматического

потенциала скрытой, подтекстовой информации, выявляемой путем анализа всего текста [Баженова, 2003].

В рамках *лингвокультурологического подхода* разрабатываются различные методики исследований, так, например, *макрокомпонентная модель значения*. Эту методику использует А.Б. Феоктистова в работе, посвященной когнитивным аспектам семантики идиом, обозначающих чувства-состояния на материале русского языка. Автор исходит из того, что концепт идиомы тесно связан с концептом описываемого ею чувства-состояния. Можно сказать, что идиомы как бы “подвешиваются” на “базовый” для них концепт. В качестве примера исследователь приводит схематическую запись “сценария” чувства-состояния страха, которая рассматривается как исходный номинативный фрейм, лежащий в основе формирования и восприятия идиом, обозначающих чувства-состояние страха [Феоктистова, 1996].

М.К. Голованивская проводит контрастивный анализ значений и выявленных из метафорической сочетаемости вещественных коннотаций, образов, сопровождающих понятие в русском и французском языках. Описание каждого слова со значением эмоций (страх, радость, гнев) строится так: вначале выявляются «предпосылки» значения и коннотаций – описываются этимология и история значения слова, соответствующие мифологические, античные или древнеславянские прототипы и средневековые аллегории, представляющие понятие, во всяком случае на образном уровне, в характерном для современного сознания смешанном антично-христианском виде. Затем описывается современная метафорическая сочетаемость слова, выявляются нюансы значения и коннотации. [Голованивская, 1997]. Следует отметить, что данное исследование проводится только в одной семантической плоскости – в коннотативно-образной.

В работе, посвященной исследованию эмоциональных концептов в русской и немецкой лингвокультурах, Н.А. Красавский дает определение

лингвокультурологического подхода к исследованию репрезентаций эмоциональной сферы, который заключается в том, *что он позволяет выявить особенности культурных предпочтений и доминант, в целом специфику устройства психического, внутреннего, ментального мира представителей определенной этнической общности, языкового коллектива, его менталитет*» [Красавский, 2001: 5]. Лингвокультурологический синхронно-диахронический анализ немецко- и русскоязычных концептов гнева, страха, радости, печали позволяет исследователю определить их дискурсную типологию и лингвистические классификации, выявить феноменологические сходства и некоторые различия в лингвистической объективации данных феноменов в динамической плоскости, увидеть в целом общие и специфические черты формирования и функционирования эмоциональных концептов в сопоставляемых лингвокультурах [Красавский, 2001].

М.В. Маркина анализирует «гнев» в русской и английской лингвокультурах с позиции лингвокультурологии. Методом сплошной выборки из русско- и англоязычных эмотивно-оценочных фрагментов художественных текстов отбираются примеры метафорического и метонимического описания эмоции. После уточнения значений отобранных выражений в словарях они классифицируются в системы концептуальных метафор и метонимий [Маркина, 2003].

С позиций лингвокультурологического подхода С.Г. Воркачев анализирует концепт любви в русском и испанском языках: богатство значений и их оттенков, синонимические ряды, а исходя из этого – семантические признаки исследуемых концептов. Исследователем отмечается большая степень дифференциации концепта «любовь» в испанском языке, а также различие языковых компонентов, формирующих семантическую структуру слов, различие в частотности этих компонентов [Воркачев, 1995].

Активно развивается в последние десятилетия *смысловой подход*, предложенный в работах А. Вежбицкой и Л.Н. Иорданской, где эмоции

описываются через прототипические ситуации, в которых они возникают. Например, X испытывает стыд = X чувствует то, что чувствует человек, когда он думает, что он сделал нечто плохое или смешное, и когда он хочет, чтобы никто об этом не знал. В последующих работах А. Вежбицкой и Л.Н. Иорданской эти толкования были усовершенствованы, но принцип возведения к прототипу сохранился. А. Вежбицкая предлагает определять эмоциональные концепты «с помощью слов, которые были бы интуитивно понятны (нетехнические термины) и не являлись бы сами именами эмоций и эмоциональных состояний» [Вежбицкая, 1997: 329].

Метафорический подход предложен Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Исследователи отмечают, что языковые средства выражения эмоций в высшей степени метафоричны. По их мнению, эмоции практически никогда не выражаются прямо, но всегда уподобляются чему-то. У Лакоффа и Джонсона описание строится в виде иерархий метафор, в которых метафоры низшего порядка наследуют структуру метафор – «предков» [Лакофф, Джонсон 1990: 387-415].

Ю.Д. Апресян и В.Ю. Апресян используют в описании языка эмоций методы, в основе которых лежит признание основополагающим в языке при обозначении эмоций принципа уподобления того, что недоступно прямому наблюдению и может наблюдаться непосредственно (реакции тела). Реакции тела оказываются ключом к пониманию того, что происходит в душе человека [Апресян, 1995 (а): 461].

В рамках *психолингвистического подхода* исследует эмоциональный лексикон и эмоциональное значение Е.Ю. Мягкова. Исследователь делает попытку построения гипотетической модели, в общих чертах отражающей специфику эмоционально-чувственного содержания слова и показывающей его зависимость от уровней осознаваемости составляющих его элементов и социальной и этнокультурной опосредованности. По мнению Е.Ю. Мягковой, психолингвистическая трактовка позволяет установить закономерности реальной жизни слова в лексиконе с учетом многообразия

стоящих за ним психических процессов [Мягкова, 2000]. Следует отметить, что психолингвистический метод применительно к разным объектам определяется и применяется А.А. Залевской, А.А. Леонтьевым, В.А. Пищальниковой, Н.В. Уфимцевой, Ю.Н. Карауловым, Л.О. Бутаковой, Е.Н. Гуц, А.В. Кинцель и другими учеными.

В рамках *лингвopsихологического подхода* исследуют языковые репрезентации эмоций человека В.З. Демьянков, Л.В. Воронин, Д.В. Сергеева, А.И. Сергеев и другие ученые. *Лингвopsихология* – это исследование психологии (человеческой ментальности, эмоций, сознания) лингвистическими методами, через призму обыденного языка. Предмет исследования названных ученых – эмоция, отраженная в языке, понятие, появившееся и функционирующее в языке, лингвистический образ как элемент языковой картины мира. Так, например, В.З. Демьянков использует в своем исследовании когнитивные понятия «гештальт» и «эмоциональные сценарии». Они имеют ментальную природу, но характеризуют единицу хранящейся в памяти информации с разных сторон. Гештальт подчеркивает целостность хранимого образа, его несводимость к сумме признаков. Сценарии – это динамически представленный фрейм как разворачиваемая во времени определенная последовательность эпизодов, этапов [Демьянков, Воронин, Сергеева, Сергеев, 2002: 29-36].

Итак, среди анализируемых нами работ, есть исследования, посвященные репрезентациям конкретных эмоций (страх, гнев, радость, печаль). Репрезентация выделенных эмоций исследуется неравномерно и обычно в каком-то одном плане. А.В. Рябкова исследует лексико-семантическое пространство эмоции «радость-печаль» в зеркале когнитивного фрейма. М.К. Головановская изучает репрезентации эмоций страха, гнева, радости в коннотативно-образной плоскости. Н.А. Красавский определяет дискурсивную типологию концептов страха, радости, гнева, печали в динамическом аспекте. В последнее время наметился когнитивно-дискурсивный подход, который предполагает комплексное изучение

эмотивных функций языка (О.Е. Филимонова), но таких работ мало. Появляются исследования языковых репрезентаций эмоций человека, в которых используются данные о феномене эмоций из других гуманитарных наук – культурологии, этнографии, психологии, культурологической антропологии, философии (Н.А. Красавский). Следует отметить, что большинство работ, посвященных исследованию эмоциональных концептов, написано на материале двух языков в сопоставительном аспекте, с установлением этнокультурной специфики, которая понимается по-разному. В основном исследуются концепты эмоций в немецкой и английской лингвокультурах. На материале французского языка мы отметили работу Л.Г. Озоновой, посвященную исследованию репрезентации фрейма «радость» в современном французском языке.

Рассмотрев существующие подходы к исследованию языковых и речевых репрезентаций эмоций человека в русле системно-структурной и антропоцентристской парадигм, мы убедились в том, что современные лингвистические парадигмы накладываются одна на другую, сосуществуют в одно и то же время и дополняют друг друга. Говоря об антропоцентристской семантике, следует еще раз напомнить, что ее главный предмет очерчивается и обозначается выражением «семантическое пространство человека в языке». В это пространство включается и прагматика. В этой связи нельзя не согласиться с тезисом М.П. Одинцовой, что *«лингвоантропология рассматривается как своего рода гипернаправление, охватывающее все дисциплины языковедческого цикла с человеком в центре»* [Одинцова, 2002: 5]. Мы считаем, что построение теоретических основ интегративного и комплексного исследования языковых репрезентаций базовых эмоций человека возможно только на базе антропоцентристской семантики. Для обоснования интегративного и комплексного подхода к исследованию языковых репрезентаций базовых эмоций человека должны использоваться методы и подходы классической и современной семантики, а именно: методы валентностный, оппозитивный, компонентного анализа, фреймовый подход,

лингвокультурологический анализ через коды культуры и источники культурной интерпретации. Что касается коммуникативно ориентированного изучения эмоций на уровне высказывания и фрагментов текста, то здесь особую ценность, на наш взгляд, представляет концепция коммуникативных регистров Г.А. Золотовой. С опорой на рассмотренные нами идеи, понятия и методы охарактеризуем собственное видение теоретических основ интегративного и комплексного метода исследования репрезентаций базовых эмоций в языке и речи.

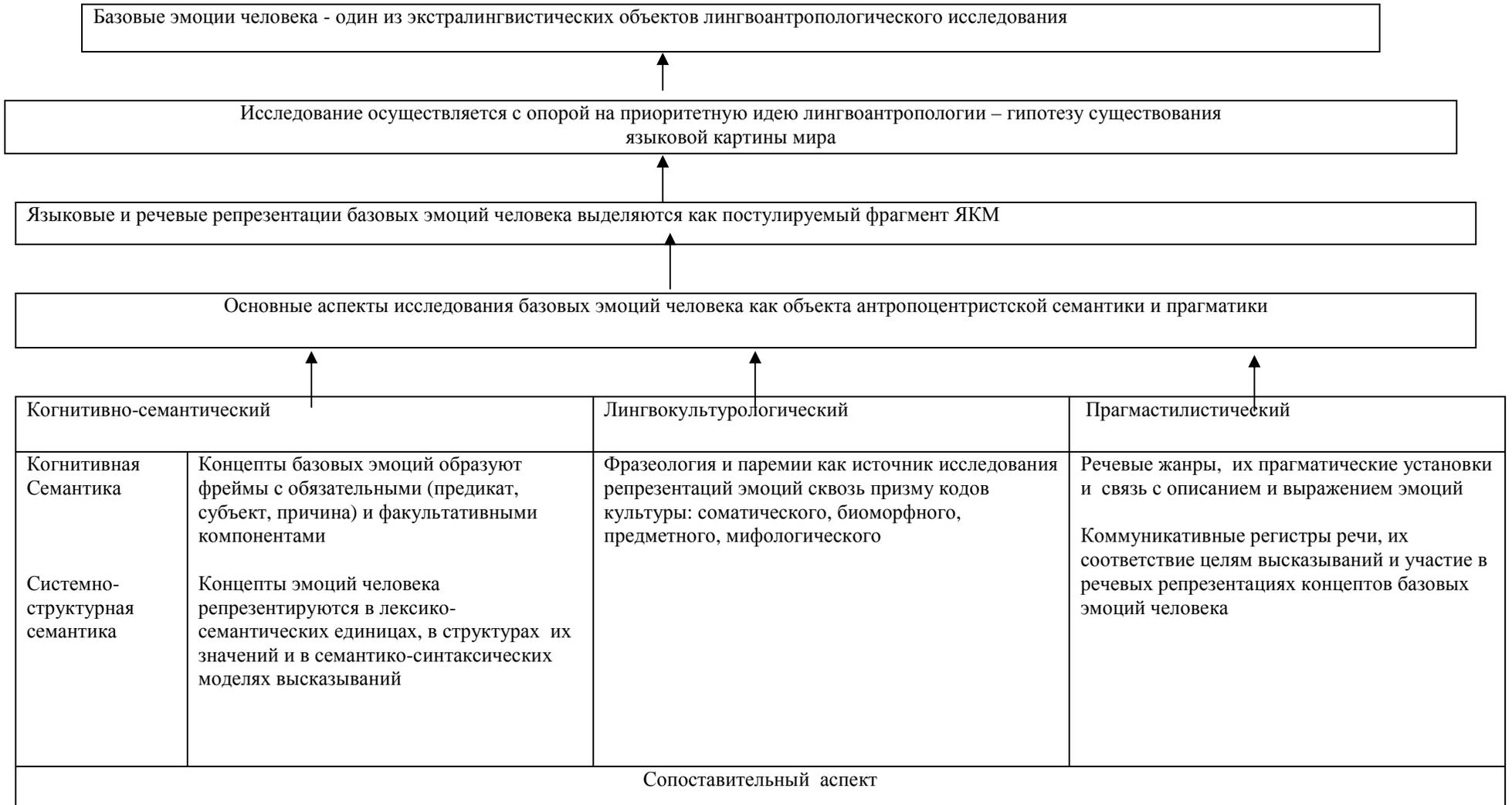
Базовые эмоции человека являются главным экстралингвистическим объектом настоящего исследования. Приоритетной идеей антрополингвистики является гипотеза существования языковой картины мира, постулируемым фрагментом которой являются языковые и речевые репрезентации базовых эмоций человека. Основными аспектами исследования эмоций как объекта антропоцентрической семантики и прагматики являются когнитивно-семантический, лингвокультурологический, прагмастилистический. Предельным составляющим элементом языковой картины мира признается концепт. Концепты эмоций страха, гнева, радости, печали, удивления исследуются с опорой на понятие фрейма как модели для структурирования и описания знаний, хранящихся в памяти людей. Фреймы репрезентируются в определенных лексико-семантических и семантико-синтаксических единицах и структурах. Исследуя языковые и речевые единицы, считаем также необходимым использование методов системно-структурной семантики. С точки зрения лингвокультурологического аспекта главный объект анализа - фразеологические единицы и поговорки, в которых воплощены коды культуры и другие смысловые источники культурной интерпретации (легенды, система образов-эталонов, символы и др.). В прагмастилистическом аспекте должны быть исследованы прагматические установки жанров речи (художественного, мемуарного, эпистолярного), коммуникативные регистры речи как жанровые составляющие, их соответствие целям высказываний, их участие в речевых

репрезентациях эмоциональных концептов. Кроме того, репрезентации базовых эмоций человека исследуются в сопоставительном аспекте, что делает возможным выявление своеобразия той или иной лингвокультуры применительно к выделенному объекту языковой концептуализации.

Схематически теоретические основы интегративного и комплексного исследования языковых репрезентаций базовых эмоций человека представлены в *Таблице 1*.

Таблица 1.

Основы интегративного и комплексного исследования языковых и речевых репрезентаций эмоций человека

1.3. Обоснование теории и методики интегративного и комплексного исследования языковых и речевых репрезентаций базовых эмоций человека

1.3.1. Обоснование семантической составляющей теории и методики интегративного и комплексного исследования языковых репрезентаций базовых эмоций человека.

Построение теоретической базы заявленного исследования опирается на концепцию языковой картины мира, предельным и основным элементом которой признается концепт. В настоящее время сложилось несколько подходов, в рамках которых происходит осмысление понятия концепта. Кратко охарактеризуем их, чтобы сформулировать принятое в настоящем исследовании определение.

1) *С лингвокогнитивной точки зрения* понятие концепта рассматривают такие ученые, как Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачев, В.З. Демьянков и другие. Так, например, Е.С. Кубрякова считает, что концепт как термин служит для объяснения единиц ментальных или психологических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека. По мнению исследователя, *концепт есть «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике»* [Кубрякова, 1996: 90].

По мнению Д.С. Лихачева, *концепт понимается как заместитель понятия, как «намек на возможное значение» и как «отклик на предшествующий языковой опыт человека»* [Лихачев, 1997: 282].

А. Соломоник считает, что *концепт – это абстрактное научное понятие, выработанное на базе конкретного житейского понятия* [Соломоник, 1995: 246]. Многие лингвисты определяют понятие концепта с лингвокогнитивной точки зрения как базовую аксиоматическую категорию, неопределяемую и

принимаемую интуитивно, как гипероним понятия, представления, схемы, фрейма, сценария, гештальта и др. [Бабушкин, 1996: 19-27; Стернин, 1998: 24-26; Попова, Стернин, 2002: 72-74].

Итак, с лингвокогнитивной точки зрения концепт как операционная единица мысли – это способ и результат квантификации и категоризации знания, так как его объектом являются ментальные сущности признакового характера, образование которых в значительной мере определяется формой абстрагирования.

2) *Лингвокультурологический подход* к пониманию концепта состоит в том, что концепт признается базовой единицей культуры, ее концентратом. По мнению Ю.С. Степанова, *концепт – это «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека».* «Концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обыденный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов, 1997: 41].

По мнению В.Н. Телия, *«концепт – это то, что мы знаем об объекте во всей его экстенсии»* [Телия, 1996: 97]. Исследователь считает, что концепт – это продукт человеческой мысли и явление идеальное, присущее человеческому сознанию вообще, а не только языковому. Как видим, при таком понимании термина «концепт» роль языка состоит в том, что он является лишь формой оязыковления «сгустка культуры концепта» (по выражению Ю.С. Степанова).

По мнению Н.Д. Арутюновой, концепты – *«это понятия жизненной философии», «обыденные аналоги мировоззренческих терминов», закрепленные в лексике естественных языков и обеспечивающие стабильность и преемственность духовной культуры этноса* [Арутюнова, 1993: 3-6; 1999: 617-631]. Концепты в таком понимании представляют собой единицы обыденного философского сознания (преимущественно этического), они культурно значимы, аксиологически окрашены и мировоззренчески ориентированы.

В.И. Карасик рассматривает *концепт как многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны* [Карасик, 2004: 109]. Говоря о ценностной стороне концепта, ученый имеет в виду сущность отношений к тем или иным предметам, явлениям, идеям, которые представляют ценность для носителей культуры.

С.Г. Воркачев, С.Х. Ляпин рассматривают *концепт как многомерное ментальное образование, в котором выделяются несколько качественно отличительных составляющих*. Следует отметить, что разногласия в теории концепта касаются в основном количества и характера семантических компонентов. С.Г. Воркачев выделяет понятийную, образную, значимостную составляющие [Воркачев, 2002: 80]. По мнению С.Х. Ляпина, «дискретная целостность» концепта образуется взаимодействием «понятия», «образа», «действия» [Ляпин, 1997: 18].

Концепты с лингвокультурологической точки зрения – это ментальные сущности, в которых отражается “дух народа”, его национально-культурная специфика. Это и определяет их антропоцентричность.

3) В последнее время достаточно широко используется **психолингвистический подход** к понятию концепта. Так, В.А. Пищальникова рассматривает *концепт как совокупность всех знаний и мнений, связанных с той или иной реальией* [Пищальникова, 2001: 8]. В таком случае в качестве объекта исследования рассматривается языковая способность. Другое дело, как считает В.А. Пищальникова, языковая способность в таком ее понимании покрывается понятием речевой деятельности как системы речевых действий, входящих в теоретическую, интеллектуальную или частично практическую деятельность [Пищальникова, 2001: 9].

Представляется, что все рассматриваемые нами понятия концепта дополняют друг друга. Обсуждение подходов к понятию концепта методологически полезно, теоретически ценно, что позволяет глубже и

многограннее понять суть концепта и сформулировать принятое в нашем исследовании определение:

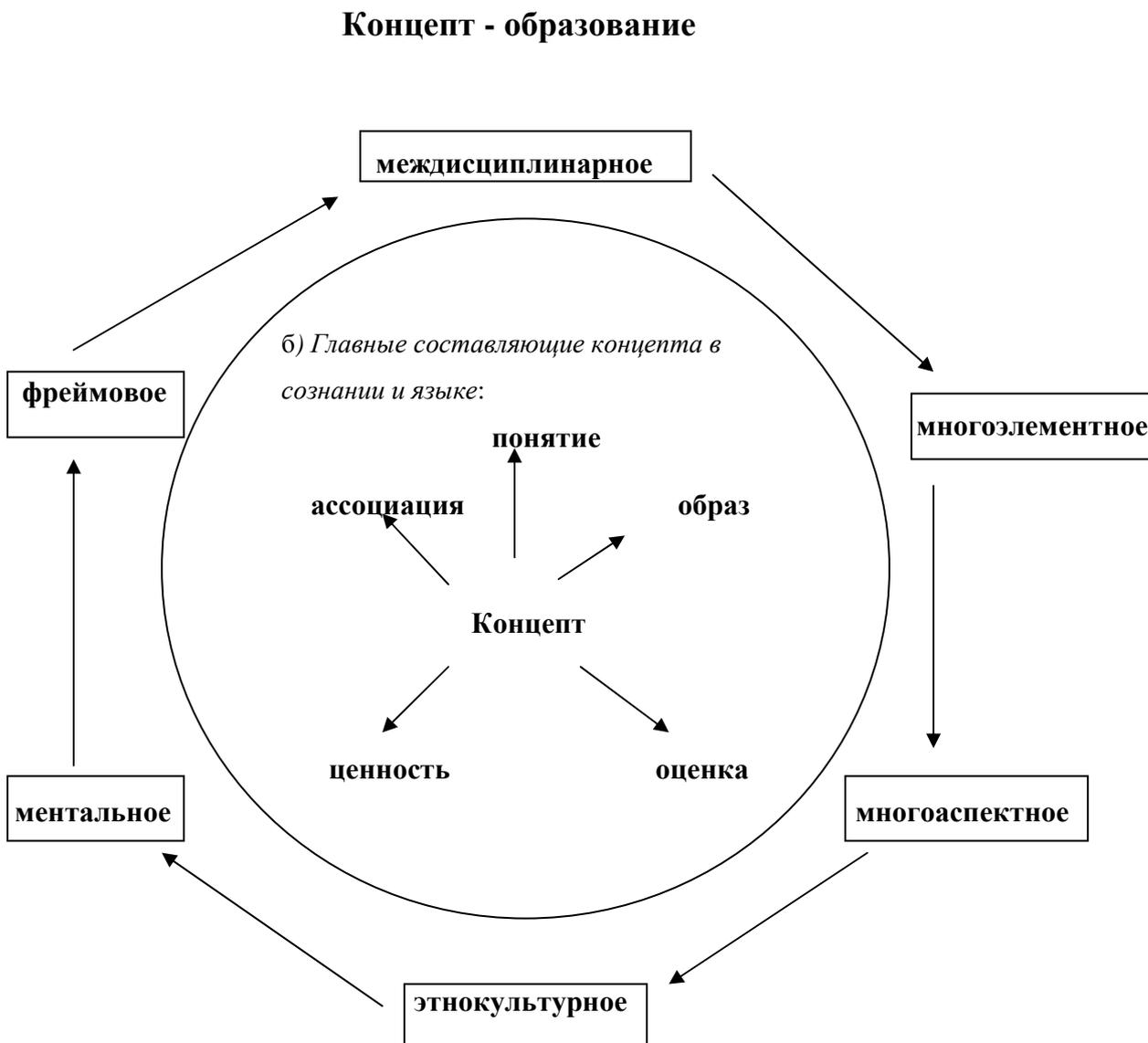
Концепт базовых эмоций человека - междисциплинарное, эвристическое, многоэлементное, многоаспектное, ментальное, фреймовое, этнически и культурно обусловленное образование, включающее понятие, образ, оценку, ценностные смыслы, ассоциации.

Представим схематически структуру концепта базовых эмоций человека .

Схема (модель) конструирования концепта

Концепт как образование, его главные составляющие и сущностные характеристики

а) характеристики концепта в системе антропоцентристской семантики:

Данную аналитическую модель концепта можно сопоставить с моделью концепта, предложенной В.А. Пищальниковой. Исследователь определяет структуру концепта или континуальную систему смыслов, структурирующуюся в деятельности индивида в результате присвоения конвенционального опыта, перцептивных процессов и собственно рефлексии. В содержание концепта ею включены семь элементов (понятие, представление, предметное содержание, ассоциация, эмоция, оценка, тело знака), которые рассматриваются автором с психолингвистической точки зрения. В предлагаемой нами схеме представлена ментально-языковая структура концепта, т.е. его главные содержательные составляющие.

Мы рассматриваем концепт эмоций человека как **междисциплинарное, эвристическое** образование, поскольку концепт является глобальной мыслительной единицей, представляющей квант структурированного знания. Он в нашем исследовании предполагает опору на знания психологии, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, что в описании семантики эмоций вполне оправдано, так как объект этого описания представляет собой сложный, ментально-эмоциональный, «окультуренный» гештальт.

Исследуемый и конструируемый концепт - это **многоэлементный** ментальный образ эмоции: эмоция репрезентируется в языке как процесс, с его причинами, оценками и другими параметрами.

Ментальность как признак концепта связан с отражением «духа» народа в нем и с его ориентированностью на духовность, социальность носителя этнического сознания.

Концепт – **многоаспектное** образование. Базовые эмоции человека репрезентируются семантикой единиц на всех уровнях языковой системы: лексикой, фразеологическими единицами, паремиями, высказываниями.

Концепт – **фреймовое** образование, представляющее собой «пакет» информации, знания о нескольких взаимосвязанных компонентах стереотипной ситуации эмоционального состояния человека.

Концепт базовых эмоций человека **этнически и культурно** обусловленное образование. Этнокультурная детерминированность концепта заключается в том, что за каждым языковым знаком стоит фрагмент образа мира данной конкретной культуры. Концепты базовых эмоций представляют собой сложное структурно-смысловое образование, вербализованное лексически, фразеологически, дискурсивно. Согласно В.Н. Телия, во фразеологическом составе языка «закреплена система образов, которая служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и связана с материальной, социальной, духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях» [Телия, 1996: 215]. Теперь уточним важнейшие составляющие концепта: понятие, образ, оценка, ценность, ассоциация.

Понятие - идеальная сущность, продукт мыслительной деятельности человека. Эмоциональное понятие определяется как человеческая мысль, которая фиксирует свойства психических явлений, отличающихся от рационально оцениваемых и интерпретируемых человеком явлений.

Образ – результат реконструкции объекта в сознании человека. Он воплощает в себе сущность психического. Образ совпадает с чувственно данными ощущениями, восприятием, представлением. Эмоциональное понятие основано на перцептивных образах реального мира, в том числе ассоциативных, воображаемых.

Оценка является одной из составляющих концепта. Ее можно считать онтологическим свойством человека-субъекта, оценивающего весь окружающий мир в процессе познания и жизнедеятельности. Оценка в сфере выражения и обозначения эмоций поляризована, т.е. она предстает либо как положительная, либо как отрицательная.

Ценность – это представление о том, что первостепенно значимо для индивидуума или общества в целом, т.е. убеждения и предпочтения. Ценности не подвергаются сомнению, они интерпретируются как своего рода эталоны, в сфере эмоциональных представлений наибольшую ценность

представляют положительные эмоции, а среди них – базовые: радость и ее проявления, удивление, любовь, ощущение счастья.

Ассоциация представляет собой любую установленную функциональную связь между некими объектами или явлениями, основанная на опыте человека. Опыт этот может совпадать с опытом той культуры, к которой принадлежит конкретный человек. Определяющим в семантике концепта может считаться ассоциативный компонент в форме образно-метафорических коннотаций либо прецедентных связей с явлениями самой разнообразной природы.

Итак, современная наука рассматривает эмоции как ментальные операторы категоризации объектов, операторы размерности семантического пространства: эмоции входят в устойчивые структуры бытия человека [Хомская, Батова, 1992]. Эмоции – неотъемлемый образующий компонент сознания, они континуальны, недискретны, зонны, как все сознание человека [Винарская, 2001]. Опорным понятием в разрабатываемой методике исследования концептов базовых эмоций человека выступает **фрейм**. Т.Л. ван Дейк считает, что *фреймы – это не произвольно выделяемые «кусочки» знаний, а единицы, организованные вокруг некоторого концепта. Но в противоположность простому набору ассоциаций эти единицы содержат основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом* [Дейк, 1989: 16-17]. Как видим, подчеркивается мысль о том, что фреймы необходимо увязывать с концептом. Этой точки зрения придерживается И.А. Стернин. Он считает, что *фрейм – «мыслимый в целостности его составных частей многокомпонентный концепт, объемное представление, некоторая совокупность стандартных знаний о предмете или явлении»* [Стернин, 2002: 73]. По мнению В.И. Карасика, *фреймы – это модели для измерения и описания знаний (ментальных репрезентаций), хранящихся в памяти людей* [Карасик, 2004: 127]. В настоящей работе эти тезисы обосновываются тем, что эмоциональный мир многогранен, в памяти человека хранятся

структурированные образы соответствующих фрагментов мира. Их отображают фреймы. В настоящем исследовании используется понятие «*фрейм-пропозиция базовой эмоции человека*» (аналогичное понятие использует М.П. Одинцова [Одинцова, 2002(а): 87]).

Фрейм-пропозиция базовой эмоции человека является результатом отображения типизированной ситуации, это понятие акцентирует и обосновывает расчленяющий подход к изучению хранимой в памяти информации, выделяет, структурирует информацию, конкретизируя ее по мере развертывания фрейма.

Рассмотрим способы репрезентации базовых эмоций человека в семантических и, в частности, лексико-семантических единицах и структурах. Вслед за Е.М. Вольф выделяем такие **обязательные семантические компоненты фрейма-пропозиции** базовой эмоции человека, как 1) *предикат*; 2) *субъект*; 3) *причина*. Фрейм-пропозиция базовой эмоции включает и ***факультативные компоненты***, типичные для нее, но не обязательно реализуемые в речи: ***оценка, степень интенсивности и глубина эмоции, контролируемость или неконтролируемость эмоции, внешние проявления и поведение субъекта в состоянии той или иной эмоции***. Компоненты инвариантной структуры – предикат, субъект, причина эмоции – отражают связи когнитивного и эмоционального аспектов жизни человека.

Ядерный компонент фрейма-пропозиции базовой эмоции человека – **предикат**. Согласно Н.Д. Арутюновой, суть предиката состоит в обозначении статических свойств и динамических проявлений предметов действительности, их отношений друг к другу [Арутюнова, 1980: 172]. Базовые эмоции человека обозначаются разными видами предикатов, в первую очередь ***глаголами***, поскольку они занимают особое положение не только в пропозиционной структуре, но и в системе языка в целом [Гуревич, 1994; Уфимцева, 1986; Васильев, 1981]. Как пишет С.Д. Кацнельсон: «В содержательном плане глагольный предикат – это нечто большее, чем просто

лексическое значение. Выражая определенное значение, он в то же время содержит в себе макет будущего предложения. Предикат имеет «места» или «гнезда», заполняемые в предложении словами, категориальные признаки которых находятся в соответствии с категориальными признаками «гнезда» [Кацнельсон, 1972: 83]. При рассмотрении глаголов с семантикой эмоций считаем целесообразным использование методов оппозиции и компонентного анализа. Метод оппозиций полностью согласуется с системным характером языка, так как имеет дело не с атомарными языковыми фактами, а с их связями (синонимическими, родо-видовыми и т. д.).

Вслед за Л.М. Васильевым считаем плодотворным использование трех подходов к исследованию глаголов: денотативного, парадигматического, синтагматического. 1) *При денотативном подходе* учитываем естественное, онтологическое расчленение состояний, которые отражены в языках.

2) Затем рассматриваем *парадигматические связи* глаголов с семантикой базовых эмоций человека в русском и французском языках. Следует напомнить, что парадигматические отношения понимаются как «соотношения между элементами языка, объединяемыми в сознании или памяти говорящего некими ассоциациями; они связывают эти элементы в силу общности либо их формы (например, акустических образов), либо содержания, либо на основе сходства того и другого одновременно» [Кубрякова, 1990: 366]. На парадигматической оси языка фиксируются сложные, постоянно изменяющиеся отношения между языковыми элементами. По парадигматическому принципу выделяются различные лексико-грамматические разряды, каузативные, некаузативные глаголы, модальные слова и т. д. 3) Важным аспектом исследования репрезентаций эмоций человека, с нашей точки зрения, являются *синтагматические отношения* глаголов с семантикой эмоций, которые определяются, согласно Е.С. Кубряковой, как «отношения между знаками языка, возникающие между последовательно расположенными его единицами при их непосредственном

сочетании друг с другом в реальном потоке речи или в тексте» [Кубрякова, 1990 (а): 447]. Представляется, что изучение валентностных способностей предикатов с семантикой базовых эмоций, в особенности их лексико-семантической сочетаемости, позволяет более глубоко осмыслить сущность выделенных концептов.

Одним из важных семантических типов парадигматических отношений единиц языка является *синонимия*, которая отражает логическую категорию тождественности, идентичности когнитивно связанных друг с другом вербализованных концептов базовых эмоций человека. Человеческое сознание, воспринимая объекты действительности, фиксирует их признаки, свойства и при этом отмечает различные оттенки того или иного качества предмета мира, различную степень проявления того или иного признака. Если рассматривать концепты базовых эмоций человека как когнитивно-смысловые единицы, то у них следует констатировать определенный лингвистический статус – статус синонимов. Анализ многочисленных работ по синонимии показывает, что синонимам даются метаязыковые характеристики, включающие комбинации определенных признаков. При этом исследователями называются в качестве доминирующих соответственно их разные признаки. Синонимами считаются слова: 1) с равным значением; 2) со сходным значением; 3) обозначающие одно и то же понятие или понятия, очень близкие между собой; 4) с единым или очень близким предметно-логическим содержанием; 5) одинаковые по номинативной отнесенности, но, как правило, различающиеся стилистически; 6) способные в том же контексте или контекстах, близких по смыслу, заменять друг друга [Рахманов, 1983: 6]. Судя по многочисленным публикациям, классическим является определение синонимов как слов с единым или близким предметно-логическим содержанием. По мнению Ю.Д. Апресяна, для признания слов лексическими синонимами необходимо и достаточно, 1) чтобы они имели полностью совпадающее толкование, т.е. переводились в одно и то же выражение семантического языка, 2) чтобы они имели одинаковое число

семантических валентностей, причем таких, что валентности с одним и тем же номером имеют одинаковые роли или присоединяют к предикату имена одних и тех же актантов, 3) чтобы они принадлежали к одной и той же (глубинной) части речи [Апресян, 1995: 223]. Из предлагаемых семасиологами критериев определения синонимов (конструктивная общность, совпадение сочетаемости, взаимозаменяемость слов) общепризнанным считается близость предметно-логического содержания разных языковых единиц. Названные критерии определения синонимов могут взаимно дополнять друг друга.

По мнению многих исследователей, внутренняя структура синонимического ряда образуется за счет иерархии составляющих ее элементов. Его базисным компонентом является близость или тождество значения нескольких слов, называющих определенное понятие. Синонимические слова, которые имеют либо один и тот же денотат, либо онтологически близкие денотаты, передают различные смысловые оттенки, содержащиеся в их семантической структуре. Как отмечают семасиологи (Кирьян, 1981; Шехтман, 1981: 11-16), для многих синонимических рядов характерна градация, выражающая как семантическая категория отношения максимальной близости понятий. Синонимические ряды обладают иерархической структурой; в них имеет место отношение подчинения. Всякий синонимический ряд имеет *доминанту*. Согласно Ю.Д. Апресяну, *доминанта – лексема, которая имеет наиболее широкое в данном ряду значение, является наиболее употребительным синонимом, обладает наиболее полной парадигмой, наиболее широким набором синтаксических конструкций, наиболее широкой сочетаемостью и наиболее нейтральна стилистически, прагматически, коммуникативно* [Апресян, 2004: ххviii-ххix]. Синонимические ряды, номинирующие определенный участок действительности, располагают различной длиной. Ее сопоставление на материале параллельных лексем разных языков само по себе ценно, так как

позволяет установить релевантность определенного фрагмента мира носителей того или иного языка.

Фрейм-пропозиция базовых эмоций человека, как отмечено нами выше, может содержать такие факультативные компоненты, как оценку, степень интенсивности переживания эмоции, внешние проявления и поведение субъекта в состоянии той или иной эмоции. По мнению Е.М. Вольф, любая *оценка* предполагает рациональный аспект. Выражение эмоциональной и рациональной оценки субъектом в языке различается, в зависимости от того, какое начало лежит в основе суждения о ценности объекта – эмоциональное или рациональное [Вольф, 1985: 54]. Считаем, что этот тезис справедлив, поскольку оценка является онтологическим свойством человека, который не может в своей познавательной деятельности не квалифицировать окружающий его мир. Человек определяет фрагменты мира как отрицательные или положительные, правильные или неправильные, полезные или бесполезные.

Другой факультативный компонент фрейма-пропозиции базовой эмоции человека - *степень интенсивности переживания эмоций*. По признаку интенсивности проявляется одно из основных различий между самими эмоциями, на котором основаны некоторые их классификации – различие между эмоциями и аффектами. В семантике предикатов эмоций это различие формирует признак градуируемости чувства, способности его к нарастанию и ослаблению. Эмоциональные состояния имеют две особенности: их реальные свойства, изменение эмоций по силе в течение времени их существования, с одной стороны, и субъективность в оценке интенсивности эмоционального состояния наблюдателем, с другой. Таким образом, эмоции всегда характеризуются количественно, при этом количество эмоции может изменяться как постепенно, так и внезапно. Интенсивность эмоций и их изменение обозначается многочисленными интенсификаторами. Виды интенсификаторов эмоций в разных языковых картинах мира разные, о чем свидетельствует и наш материал.

Факультативный компонент фрейма-пропозиции «степень интенсивности» актуализирует другой факультативный компонент *«контролируемость или неконтролируемость эмоции»*. Подчеркнем, что такие признаки, как внезапность, неожиданность для самого субъекта эмоции подразумевает признак контроля. При сильной степени интенсивности той или иной эмоции субъект может потерять контроль и совершить неконтролируемые действия. Но бывают ситуации, когда субъект внутренне преодолевает ту или иную эмоцию, в таком случае эмоция становится контролируемой.

Фрейм-пропозиция базовой эмоции человека содержит факультативные компоненты *«внешние проявления эмоции»* и *«поведение субъекта в состоянии той или иной эмоции»*. Сильные эмоции выражаются и опознаются внешне. Выражения, обозначающие проявления сильных эмоций, обычно носят метафорический характер. Они указывают на неконтролируемые физические состояния, которые связаны с неподвижностью или со слишком быстрыми движениями и с наблюдаемыми физическими состояниями – выражением глаз, лица и т.п. Следует отметить, что при наличии в конкретном высказывании компонента «внешние проявления эмоции» активизируется весь фрейм в целом благодаря его свойству фокусировки на любом компоненте – обязательном или факультативном.

Вторым обязательным компонентом фрейма-пропозиции базовой эмоции человека является **субъект**. Под субъектом эмоционального состояния подразумеваем лицо, которое переживает ту или иную эмоцию. Семантический субъект в языках может быть выражен личным местоимением, именем собственным, именем нарицательным. Он может быть представлен либо прямосубъектными, либо косвенно-субъектными формами; он может быть имплицироваться.

Третий обязательный компонент фрейма-пропозиции базовой эмоции – **причина**, вызвавшая то или иное эмоциональное состояние. Связь ЭС и его причины можно истолковать как когнитивную, где осознается оценочная

природа события-причины, что и вызывает соответствующую эмоцию. Во многих случаях причина вызывает эмоциональное состояние в применении к данной ситуации и является отдельным событием или положением дел, оценка которого вносится предикатом эмоционального состояния. Причина ЭС может быть выражена эксплицитно или имплицитно.

К языковым характеристикам выделенных пропозитивных фреймов относятся реализующие их семантико-синтаксические структуры, которые представляют собой связь соответствующей языковой структуры с выражаемой денотативной ситуацией. Денотативная ситуация составляет ядро синтаксического значения. Денотат синтаксического значения представляет собой реальное «положение дел» того фрагмента действительности, который выражается предложением или иной синтаксической структурой. Согласно В.Г. Гаку, *семантический уровень предложения* отображает структуру того отрезка ситуации, о которой в нем говорится. Он показывает, о чем говорится в предложении [Гак, 2000: 547]. *Семантический субъект* обозначает реального исполнителя действия или носителя признака, состояния. *Семантический предикат* выражает действие, признак субъекта. Семантические субъект и предикат определяются структурой самой ситуации. Одна и та же ситуация может быть выражена разными языковыми способами. По мнению Т.А. Колосовой и М.И. Черемисиной, «каждому способу соответствует свое, специфическое лингвистическое содержание, своя семантика» [Колосова, Черемисина, 1986: 12]. Для обозначения содержания, выражаемого в номинативном аспекте и сохраняющегося неизменным при всех преобразованиях, пользуются термином *«пропозиция»*. Согласно Н.Д. Арутюновой, *пропозиция – семантический инвариант, общий для всех членов модальной и коммуникативной парадигм предложений и производных от предложения конструкций (номинализаций)* [БЭС, 1998: 401]. В.А. Белошапкина понимает под пропозицией *«объективное содержание предложения, рассмотренное в отвлечении от всех сопровождающих его субъективных смыслов и от той*

проекции, какую придает ему та или иная формальная организация предложения» [Белошапкина, 1981: 481]. По мнению Т.А. Колосовой и М.И. Черемисиной, понятие «пропозиция» в семантической синтаксисе интерпретируется как результат номинации типизированного события, ситуации (А.В. Супрун), как семантический объект (точнее, класс таких объектов), прямо и опосредованно соотносящийся с предложением как адекватной формой своего выражения [Колосова, Черемисина, 1986: 28]. Понятие пропозиции совпадает с понятием диктума. *Диктум* обозначает то, о чем говорится в предложении: событие, факт, сообщаемый в нем (Гак, 2000; Шмелева, 1988; Арутюнова, 1976 и др.). Пропозиция – главный инструмент диктума, выражается прежде всего предикатом. В составе диктума одного русского или французского предложения с семантикой базовых эмоций человека могут входить такие событийные типы пропозиции, как, например, *состояние* (Ему страшно, Я в восторге; Il a peur, J'en suis ravi), *действие* (Он боится, я радуюсь; Il craint, Je me réjouis), *восприятие* (Он с радостью наблюдает за небом; Il observe le ciel avec joie). *Модус* выражает способ представления действительности – отношение описываемого факта к действительности и говорящего к сообщению (Гак, 2000; Шмелева, 1988; Арутюнова, 1976 и др.). Если диктум отражает предметные отношения между объектами, то модус – условия и цель общения. Значения, выражаемые в модусе и проявляющиеся в изменении предложения, составляют грамматические категории предложения, которые представляют единство определенного значения (побуждение, отрицание, вопрос и т.д.) и определенной формы, например, *я не боюсь, je ne crains pas; не бойся! ne crains pas! Радуйтесь! Réjouissez-vous! Ты боишься собаки? Est-ce que tu crains le chien?* и т.д. Говоря о номинативном аспекте пропозиции, следует отметить, что пропозиционное наименование связано с выражением смысловых структур, или семантических моделей. По мнению В.Г. Гаку, *семантические модели* исходят только из содержания [Гак, 2000: 487]. Согласно Н.Ф. Алефиренко, семантическая модель предложения

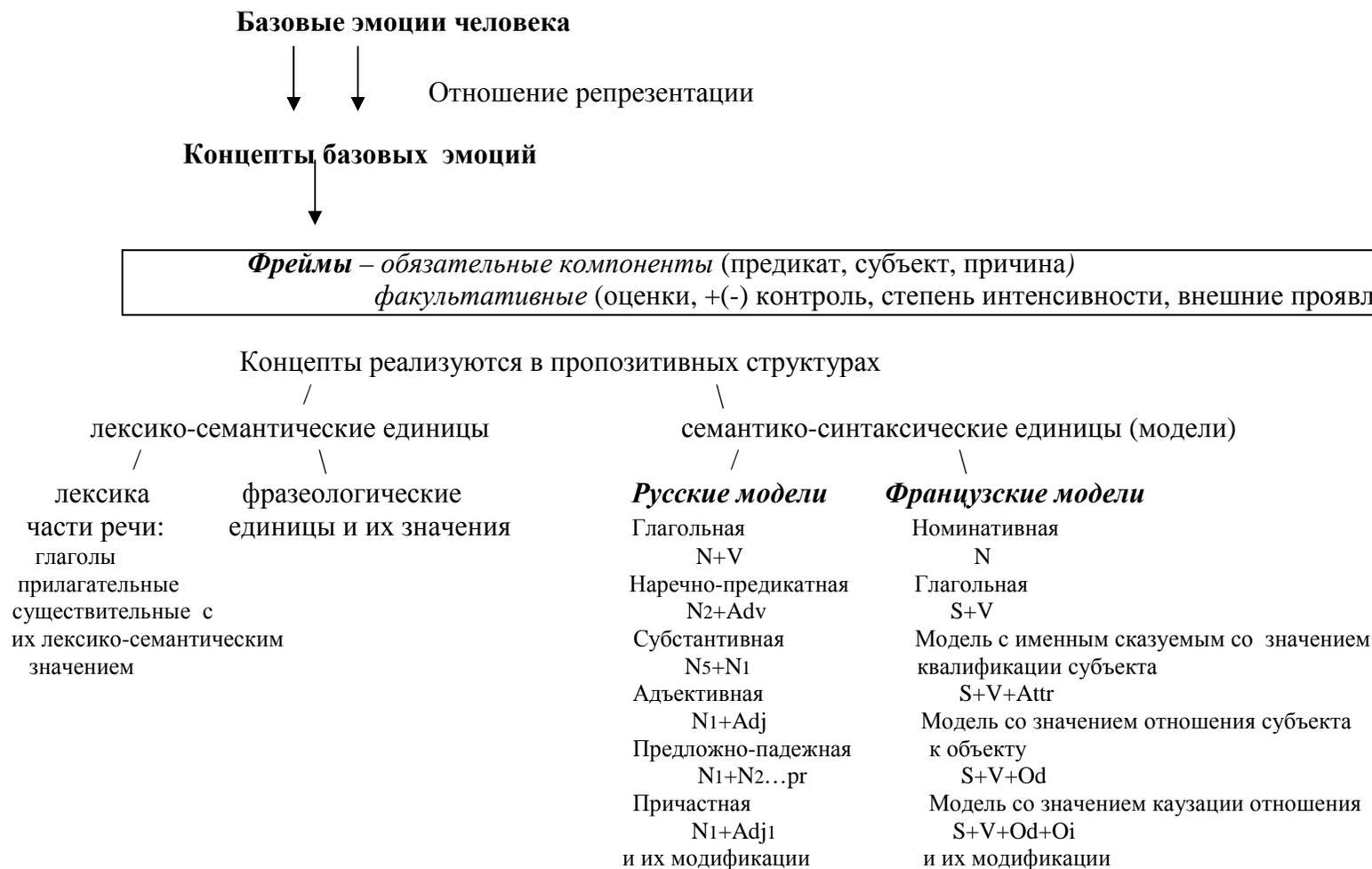
представляет собой отражение в языковом сознании говорящих на данном языке типизированной внеязыковой ситуации с определенным набором «участников» и отношений между ними [Алефиренко, 2005: 251]. По мнению Л.М. Васильева, семантическая модель отражает в обобщенном виде объект синтаксической номинации [Васильев, 1976: 126-127]. Что касается *структурно-семантических моделей*, то они принимают во внимание одновременно форму и содержание. Структурно-семантические модели выделяются исходя из числа, формы и категориальной семантики членов предложений, с одной стороны, и общего значения предложения, с другой. Многообразие обнаруживаемых в речи конкретных предложений, передающих значение базовых эмоций человека, может быть сведено к определенным моделям, например, *Он боится, Мне грустно, Мы в восторге* и т.д. Двухкомпонентность данных моделей обусловлена двучленностью сигнификативной ситуации, с которой они соотносятся. Основными элементами этой структуры является семантический субъект и семантический предикат. Синтаксические компоненты со значением эмоционального состояния и со значением субъекта, данное состояние испытывающего, являются ядерными членами предложениями и играют роль структурной основы, конструктивного каркаса предложения. Их сочетание представляет минимальное построение, способное к самостоятельному функционированию. Между словоформами, обозначающими субъект и предикат мысли, воли или чувства, устанавливается отношение, которое называется предикативным отношением. В состав предикативного отношения входит типовая пропозиция, которая реализует фрейм. Вслед за С.Н. Цейтлин, в современном русском языке мы выделяем следующие модели для передачи эмоционального состояния субъекта: 1) *глагольная модель* (N1+V1) *Я волнуюсь*; 2) *наречно-предикатная модель* (N2+Adv) *Мне грустно*; 3) *субстантивная модель* (N5+N1) *У меня тоска*; 4) *адъективная модель* (N1+Adj) *Она весела*; 5) *причастная модель* (N1+Adj1) *Я взволнован*; 6) *предложно-надежная модель* (N1+N2...pr) *Я в волнении*;

[Цейтлин, 1976: 161]. Согласно В.Г. Гаку, структурно-семантические модели во французском языке выделяются на основании следующих компонентов: 1) выраженность главных членов предложения; 2) количество обязательных актантов; 3) категориальные значения глагола; 4) категориальные значения существительного [Гак, 2000: 564]. Каждая модель отображает определенный тип ситуации. Во французском языке, по мнению ученого, имеются следующие основные модели с семантикой базовых эмоций человека: 1) **номинативная модель**, которая выражает характеристику ситуации (N) *Quelle horreur!*; 2) **модель с именным сказуемым**, в которой общее значение – квалификация субъекта (S+V+Attr) *Il est triste*; 3) **двусоставная глагольная модель**, в которой общее значение – выражение состояния субъект (S+V) *Pierre a peur*; 4) **модель со значением отношения субъекта к объекту** (S+V+Od) *Pierre a peur du chien*; 5) **модель с общим значением каузации отношения** (S+V+Od+Oi) *Tu m'a fait peur* [Гак, 2000]. Следует отметить, что модель оказывается постоянным элементом предложения, а ее лексическое наполнение и грамматическое выражение актантов – переменным. Модель не является лишь способом соединения слов в предложении. Она отображает определенный тип ситуации, отношений между предметами, их признаками и действиями. Вслед за С.Н. Цейтлин, мы различаем основной вариант модели и производные варианты, или модификации. И в русском, и во французском языках структурно-семантические модели предложений с семантикой базовых эмоций человека располагают грамматическими модификациями, модальными модификациями, а также модификациями расщепления, суть которых, согласно С.Н. Цейтлин, состоит в том, что «основная лексема выражающая состояние, как бы расщепляется на две, в предложение вводятся особые слова вспомогательного характера, например, *Я боюсь – Я испытываю страх*» [Цейтлин, 1976: 185]

Итак, мы исходим из того, что концепты базовых эмоций человека репрезентируются в определенных лексико-семантических и семантико-синтаксических единицах и структурах. Концепты базовых эмоций человека

образуют фреймы с обязательными и факультативными компонентами. Семантико-синтаксические единицы репрезентированы моделями со значением базовых эмоций человека в русском и французском языках. Схематически реализация концептов базовых эмоций человека в пропозитивной структуре представлена в Таблице 2.

Таблица 2
Уровни и единицы реализации концептов

1.3.2. Теоретические основы исследования прагмастилистического потенциала репрезентаций базовых эмоций человека в разных речевых жанрах.

Концепты базовых эмоций, содержащие базовые (субъект, предикат, причина) и факультативные компоненты, репрезентируются в разных жанрах речи. В прагмастилистическом аспекте мы исследуем образцы из текстов художественного, мемуарного, эпистолярного жанров, содержащие образные, оценочные, ассоциативные, ценностные смыслы. Рассматривая прагмастилистический потенциал речевых репрезентаций концептов базовых эмоций человека, считаем эффективной опору на концепцию **коммуникативных регистров речи** Г.А. Золотовой. Остановимся кратко на характеристике регистров речи, предложенных ею [Золотова, 1998: 29-34; 389-400]. *Первый регистр – репродуктивный.* В репродуктивном (изобразительном) регистре говорящий воспроизводит непосредственно, сенсорно наблюдаемое, в конкретной длительности или последовательной сменяемости действий, состояний, находясь – в реальности или в воображении – в хронотопе происходящего. Время – актуальное, в настоящем, прошедшем или будущем. Высказывание репродуктивного регистра можно заключить в модусную рамку “я вижу (видел), как...”, “я слышу (слышал), как ...”, “я чувствую (чувствовал), как...”.

Второй регистр – информативный. Он предлагает сообщения о фактах, событиях, свойствах, поднимающиеся над наблюдаемым в данный момент, не прикрепленные к единому с перцептором хронотопу. Это сфера не прямого наблюдения, а знания. Высказывания информативного регистра могли бы быть заключены в модусную рамку “я знаю, что...”, “мне известно, что...”. *Третий регистр – генеритивный.* В нем говорящий обобщает информацию, соотнося ее с универсальным человеческим опытом или с опытом группы, части социума, со своим опытом. В качестве субъектов генеритивного высказывания выступают генерализованные множества,

классы предметов, либо природные или социальные процессы, понятия. Генеритивные высказывания облекаются в форму умозаключений, афоризмов, сентенций, пословиц [Золотова, 1998: 30].

Четвертый регистр – волюнтивный. Он характеризуется коммуникативной функцией волеизъявления говорящего, побуждения адресата к действию (речевому и иному). (К волюнтивному Г.А. Золотова относит вопросы, советы, рекомендации, наставления, инструкции, то есть волюнтивность трактуется очень широко).

Пятый регистр – реактивный. «Реактивная функция объединяет разной структуры предложения, не содержащие сообщения, но выражающие реакцию говорящего, эмоциональную и ментальную, осознанную или автоматическую, на коммуникативную ситуацию» [Золотова, 1998: 398]. Реакцию вызывает либо предшествующая реплика в диалоге, либо неречевое событие.

Такое деление не апеллирует к тематическим и композиционным особенностям текста, поэтому один и тот же регистр может быть представлен разными речевыми жанрами, а текст в целом одного речевого жанра может включать несколько регистров.

Для нас концепция Г.А. Золотовой представляет интерес в частности и потому, что она объединяет в одной концепции изучение диалогических и монологических речевых актов. В частности, нас интересует то, как реализуется прагмастилистический потенциал репрезентаций эмоций в текстах разных жанров, какие компоненты включаются в содержание коммуникативных регистров в текстах разной жанрово-стилевой принадлежности (художественный, эпистолярный, мемуарный). Согласно Г.А. Золотовой, регистровой принадлежностью предложения обусловлен тип субъекта. Показатели регистровой принадлежности обнаруживают точку зрения говорящего или источник информации, разграничивают «свое» слово и «чужое» слово, а также определяют предназначенность высказывания тому или иному типу адресата [Золотова, 1998: 230]. Субъект может быть отнесен

к зоне диктума или зоне модуса. В высказываниях от первого лица субъект диктума, действующий, и субъект модуса, говорящий, совпадают. Во всех других предложениях, эксплицитно или имплицитно, соотносятся *Я* субъекта сообщения и *не-Я* субъекта сообщаемого факта. Следует отметить, что в высказываниях со значением «Субъект и его эмоциональное состояние» могут совпадать точка зрения автора и точка зрения героя: *Юре становилось все грустнее. Ему хотелось плакать ... Но ему было так хорошо после обморока, что он не хотел расставаться с этим чувством легкости (Б. Пастернак).*

При определении прагматического потенциала репрезентаций эмоций человека в разных речевых жанрах необходимо рассмотреть их прагматические установки. Понятие прагматической установки, то есть явной или скрытой цели высказывания, соотносимо с понятием «иллокутивной силы», или «иллокутивной цели», «интенции», широко применяемым в лингвистических исследованиях под влиянием теории речевых актов вслед за Дж. Остином и Дж. Серлем [Серль, 1986: 170-194], (Searle) [Searle 1982].

Прагматические установки **художественного речевого жанра** мы определяем, опираясь на труды В.В.Виноградова, Г.О.Винокура, Е.В.Падучевой, В.Н.Телия, О.Л.Каменской И.С.Баженовой и других исследователей. По мнению И.С.Баженовой, прагматическая установка художественного текста реализуется при помощи определенных когнитивных и модальных языковых сигналов, которые помогают понять заложенную в тексте авторскую информацию, которая не фиксируется открыто, а может быть выявлена только при помощи особых языковых маркеров. Основным признаком модальности текста является отношение говорящего или пишущего к действительности, которое пронизывает его высказывание. Из существующих двух видов модальности, субъективной и объективной, художественному тексту свойственно сплетение как объективного, так и субъективного в содержании, на котором базируется его

идейное и эстетическое воздействие на реципиента [Баженова 2003: 144]. Следует отметить, что прагматическая установка художественного текста находится в тесной связи с двумя компонентами коммуникативного акта, а именно, с отношением автора и читателя к содержанию произведения, так как в конечном счете она направлена на активизацию художественного мышления адресата. Важным признаком организации художественного текста является его прагматическая направленность, которая ведет к достижению прагматического эффекта. И.С.Баженова определяет **прагматический эффект** как прагматический результат запланированного коммуникативного воздействия субъекта речи на адресата [Баженова 2003: 155]. Прагматический эффект может быть достигнут благодаря прагматической компетенции читателя. Согласно В.Н.Телия, **прагматическая компетенция** – это владение адресатом языковой картиной мира, а также образно-ассоциативным узусом употребления слов и выражений [Телия 1991: 17]. Введение в художественный текст обозначений эмоций происходит в соответствии с характерными для языка и речи прагматическими и стилистическими правилами и приемами, что и создает эффект эстетического и эмоционального воздействия на адресата. Обозначения эмоций встречаются в основном в речи повествователя и служат созданию характеристики героев, помогают понять их внутренний мир. Образ автора и образы персонажей – фигуры не равновеликие в художественном произведении. По мнению В.В.Виноградова, в образе автора, в его речевой структуре объединяются все качества и особенности стиля художественного произведения: распределение света и тени при помощи выразительных средств, переходы от одного стиля изложения к другому, переливы и сочетание словесных красок, характер оценок, выражаемых посредством подбора и смены слов и фраз, своеобразие синтаксического движения [Виноградов 1961: 65]. В художественной речи средства репрезентации базовых эмоций человека получают художественно-образительную нагрузку и выполняют связанную с ней эстетическую

функцию. Согласно М.Н. Кожиной, «в связи с реализацией эстетической функции слово приобретает новые качества, становится элементом искусства. Это уже слово-образ, которое наполняется дополнительным семантическим и эмоциональным содержанием, воплощая образную мысль писателя [Кожина, 1993: 210].

Прагматические установки **мемуарного речевого жанра** мы определяем, опираясь на труды Л.Я. Гинзбург, А.Г. Тартаковского, А.В. Антюхова, А.А. Галич, Н.А. Орловой. Мемуары – это эгоцентрический жанр, основанный на воспоминаниях событий внешнего плана и внутренних переживаний, сочетающий в себе свойства разговорного, публицистического, делового, художественного стилей. Эта стилевая неоднородность мемуаров накладывает отпечаток на способы репрезентации эмоций человека в них.

Как обязательный признак мемуаров выделяется их **субъективность**, или личностное начало. По мнению А.Г. Тартаковского, “непосредственно и открыто выраженное личностное начало является первейшим из отличительных видовых признаков мемуаров, в силу чего на передний план выступает сам автор” [Тартаковский, 1980: 26]. Это проявляется в том, что повествование ведется от первого лица. В результате система образов в мемуарах представляет собой моноцентрическую модель, в центре которой находится автобиографический герой, а вокруг него располагаются второстепенные, но тесно связанные с рассказчиком персонажи; на периферии находятся эпизодические герои, которые создают фон произведения.

Другим важным признаком мемуарной литературы является **ретроспективность** мемуаров, которые всегда обращены в прошлое. По мнению А.В. Антюхова, «на сознание мемуариста постоянно оказывает давление оппозиция «прошлое-настоящее», влияющая на систему мировоззренческих координат и заставляющая писателя корректировать повествование с учетом современных социально-политических условий и этико-эстетических норм» [Антюхов, 2001: 13]. С ретроспективностью связан

такой признак мемуаров, как *особый хронотоп*, обусловленный перспективно-ретроспективным движением мысли повествователя [Антюхов, 2001: 15]. Как пишет А.А. Галич, любое событие, каждая очередная встреча с реальным героем вызывает определенные ассоциации мемуариста. Выстраивается новая цепь воспоминаний, включающая в себя то, что было раньше, и то, что должно произойти гораздо позже [Галич, 1991: 16]. Важным жанровым признаком мемуаров является их *концептуальность*. По мнению А.А. Галич, концептуальность – это образное отражение писателем в произведении определенного взгляда на действительность. Реализация концепции в воспоминаниях осуществляется путем композиционного размещения материала, подбора и расстановки фактов, их эстетического освоения и осмысления [Галич, 1991: 24]. К перечисленным признакам необходимо добавить *память*. По мнению Н.А. Орловой, по отношению к мемуарам феномен памяти следует расценивать как когнитивное основание для речепорождения текстов соответствующего жанра [Орлова, 2002: 14]. Следует отметить, что мемуары, так же как художественные произведения, представляют большой исследовательский интерес в плане изучения человеческих эмоций и их представления в языке и речи.

Составляющие прагматики и стилистики **эпистолярного речевого жанра** определяем, опираясь на труды О.Е. Филимоновой, Т.Н. Кабановой, Э.Б. Арутюнян, отметим основные черты личного письма. Личным письмом считается письменное личное обращение отдельных лиц с обычным присутствием типично эпистолярных элементов (обращение, дата, подпись и т.д.), предполагающее необходимость ответа или само являющееся ответом. Личное письмо носит подчеркнуто антропоцентрический характер, который проявляется в особой эмоционально-оценочной тональности, выражает личные чувства, мнения, что является показателем самораскрытия личности, порождает отношения доверительности и близости к адресату.

Эпистолярный текст сочетает в себе черты диалогической и монологической речи. Диалогичность формы заключается в смене ролей адресант/адресат, в организации текста, который часто строится как ответы на вопросы, поставленные в полученном письме. Элементы структуры писем повторяют элементы диалога: реплики – стимулы, реплики - реакции. Основным участником эмотивной ситуации является сам автор письма, адресант. Именно его эмоциональное состояние может быть представлено в текстах писем наиболее полно и разнообразно. В письмах может быть представлена ситуация, носителем эмоционального состояния в которой являются адресат или третье лицо, о чем эмоциональном состоянии адресант сообщает адресату. В эпистолярных текстах «обычных» носителей языка чаще реализуется разговорно-бытовой стиль, для которого характерны эмоционально-оценочная информативность, аффективность, идиоматичность, известная стандартизованность. Для писем великих писателей характерны элементы художественного стиля.

Рассматривая высказывания с семантикой базовых эмоций человека, следует отметить, что различается собственное значение высказываний, вытекающее из их обычного языкового значения, и прагматическое значение, отражающееся в функциональной направленности данного высказывания. Собственное значение называется также непосредственным, семантическим, описательным, дескриптивным. Прагматическое значение иногда интерпретируется как «функция высказывания». Соотношение между собственным и прагматическим значением позволяет различать два типа высказываний: прямые и косвенные. В прямых высказываниях прагматическое значение совпадает с семантическим, в косвенных мы сталкиваемся с асимметрией: два значения расходятся. В разных жанрах речи используют косвенные высказывания. Их употребление может основываться на коннотации, импликации, пресуппозиции. В высказываниях с семантикой эмоций включаются причинные отношения. Причина эмоционального состояния – это события, которые оцениваются по-разному. В большинстве

случаев эти причины сами по себе не занимают места в ценностной картине мира, это нейтральные события, которые приобретают оценочный знак лишь в данной ситуации. Само описание причины может быть нейтральным или экспрессивным. Способы обозначений причины переживаний эмоций могут быть различными, например, первичными или вторичными пропозитивными структурами. Если причина не обозначена непосредственно, она может носить контекстуальный характер. Степень развернутости причины тоже может быть разной. В каждом из выделенных для прагматистического анализа жанре (стиле) обозначение ситуации переживания эмоции может быть в большей или меньшей степени насыщено средствами эмоционально-экспрессивной, стилистически окрашенной репрезентации, в том числе суперсегментными, образными, тропеическими.

1.3.3. Лингвокультурологический аспект интерпретации языковых репрезентаций базовых эмоций человека

Лингвокультурологический подход к исследованию языковых репрезентаций базовых эмоций человека обосновывается тем, что культура и язык – это формы сознания, отображающие деятельность человека. Е.Ф. Тарасов отмечает, что язык включен в культуру, так как «тело» знака (означающее) является культурным предметом, в форме которого опредмечена языковая и коммуникативная способность человека, значение знака – это также культурное образование, которое возникает только в человеческой деятельности. Культура включена в язык, поскольку вся она смоделирована в тексте [Тарасов, 1994: 109]. Между культурой, языком и эмоциями существуют сложные взаимосвязи, опосредуемые целым комплексом социально наследуемых знаний и отношений, запечатленных в семантике слов и выражений. Эмоции человека запечатлены прежде всего в идиомах, поговорках и конвенциональных метафорах.

Фразеологический фонд языка, по признаниям многих исследователей, в наибольшей степени отражает обусловленные национальной культурой особенности мировосприятия его носителей. По мнению В.А. Масловой, “культурная информация хранится во внутренней форме фразеологических единиц, которая, являясь образным представлением о мире, придает фразеологизму культурно-национальный колорит” [Маслова, 2001: 82]. Для лингвокультурологического описания фразеологических единиц (ФЕ) разработаны различные методики. В настоящей работе лингвокультурологический анализ осуществляется через *коды культуры*, которые фиксируются, воплощаются во ФЕ. В энциклопедических словарях *код* определяется как совокупность знаков (символов) и система определенных правил, при помощи которых информация может быть представлена (закодирована) в виде набора из таких символов для передачи, обработки и хранения (запоминания). Правила, регулирующие код, устанавливаются по соглашению между носителями одной и той же культуры [БЭС, 2003: 423]. Существуют различные виды кодов, в том числе интересующие нас *коды культуры*. Согласно В.Н. Телия, *код культуры – это таксономический субстрат ее текстов. Этот субстрат представляет собой совокупность окультуренных представлений о картине мира того или иного социума – о входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, ментофактах и присущих этим сущностям их пространственно-временных или качественно-количественных измерений* [Телия, 1999: 20]. По мнению В.В. Красных, *код культуры есть сетка, которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его* [Красных, 2003: 297]. Представляется, что рассматриваемые нами определения кода культуры дополняют друг друга, и такой подход к анализу национально-культурной коннотации ФЕ с семантикой базовых эмоций человека вполне мотивирован. Следует отметить, что само существование кодов культуры как феномена является универсальным по своей природе. Однако удельный вес каждого кода в

определенной культуре всегда национально детерминирован и обуславливается конкретной культурой. Мы рассматриваем те коды культуры, которые соотносятся с архетипическими представлениями, так как именно в них зафиксированы «наивные» представления о мироздании. К главным кодам культуры будем относить соматический, биоморфный, предметный, мифологический.

Соматический код культуры является наиболее древним. Носителем соматического кода культуры выступает тело человека в целом. Так, например, во французской лингвокультуре *печень* рассматривалась как символ храбрости, а ее обесцвечивание интерпретируется как признак страха, откуда внутренняя форма ФЕ *avoir les foies blancs* (*трусить, бояться*). Внутренняя форма ряда французских ФЕ содержит такие соматизмы, как *селезенка* (*rate*) с семантикой радости (*désopiler la rate; s'épanouir, se dilater la rate*), *желчь* (*bile*) с семантикой гнева (*allumer la bile, avoir de la bile, échauffer la bile à qn*). Следует отметить, что во Фразеологическом словаре русского языка под ред. А.И. Молоткова нет ФЕ со словами «желчь» и «селезенка». Внутренняя форма ряда русских ФЕ с семантикой базовых эмоций содержит такие соматизмы, как *голова* с семантикой печали (*повесить голову*), *глаза* с семантикой гнева (*сверкать глазами*), удивления или страха (*глаза на лоб лезут*), *рука* с семантикой гнева (*под горячую руку попасть*). Сопоставительный анализ ФЕ в русской и французской лингвокультурах проливают свет на этническую логику, предопределяющую различия языковых картин мира. Характерологические черты, присущие этим картинам мира, запечатленные во ФЕ, вносят в репрезентации эмоций культурно-языковую специфику.

Биоморфный код культуры связан с живыми существами, населяющими окружающий мир. Данный код культуры отражает представления человека о мире животных и растений. Биоморфный код связан в первую очередь с бытующими стереотипами восприятия и оценки животных и растений. По мнению В.В. Красных, **стереотип** есть некоторая структура ментально-

лингвального комплекса, формируемая инвариантной совокупностью валентных связей, приписываемых данной единице и репрезентирующих образ-представление феномена, стоящего за данной единицей, в его [образа-представления] национально-культурной маркированности при определенной предсказуемости направленных ассоциативных связей (векторов ассоциаций) [Красных, 2003:232]. Так, например, во французской лингвокультуре *роза* воспринимается как символ радости, наслаждения: *être dans ses roses* (быть в радостном состоянии). Или, например, среди французских и русских ФЕ с семантикой эмоций есть выражения со словом *кот*. Во французском языке ФЕ *avoir une mine de chat fâché* обозначает «быть в состоянии гнева, злости; быть разъяренным как тигр», в русском языке ФЕ *кошки скребут на душе* обозначает «быть в состоянии грусти, тоски».

Предметный код культуры связан с предметами, заполняющими пространство и принадлежащими окружающему миру. Предметный код обслуживает метрически-эталонную сферу окультуренного человеком мира [Красных, 2003: 305]. Во французском языке есть группа ФЕ, в которых есть предметные сравнения, мало говорящие русскому воображению: *triste comme un bonnet de nuit* (печальный как ночной колпак), *triste comme une porte* (печальный как дверь). Это национальные, своеобразные ФЕ, которые в большинстве случаев не переводятся на русский язык. По мнению Т.Марузо, в этих фразеологических единицах проглядывается какая-то стыдливая сдержанность эмоций [Marouzeau, 1950: 38-39]. В русском языке внутренняя форма ФЕ содержит образы таких предметов, как, например, *нож* со значением страдания, печали (*нож в сердце*), *стена* со значением раздражения, гнева (*лезть на стену*).

К **мифологическому коду** принадлежит так называемая “вторичная реальность”, которая является неотъемлемым элементом культурного пространства (черти, ангелы, ведьмы). Они бытуют в культуре как персонажи или элементы фольклора, обладают определенными стереотипами.

Например, черт – антропоморфное существо. Он вездесущ и в народных верованиях постоянно вмешивается в жизнь людей, причиняет им мелкие неприятности, провоцирует на плохие действия. В русском языке есть выражение *злой как черт*. Во французском фразеологическом фонде имеется много глагольных ФЕ со словом *diable*(*черт*) с семантикой отрицательных эмоций: *avoir une peur du diable de* (*ужасаться*), *avoir le diable au corps* (*рассвирепеть*), *se battre comme un diable* (*набрасываться на кого-либо в состоянии ярости*).

Во внутренней форме ФЕ существуют и другие **источники культурной интерпретации**. По мнению В.Н. Телия, «в языке закрепляются и фразеологизируются именно те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и т.д. и которые при употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет» [Телия, 1996: 233].

1. Одним из источников культурно значимой интерпретации явлений действительности и их отображения в языке являются **ритуальные формы народной культуры, такие, как поверья, предания, легенды, мифы**. Согласно В.А. Масловой, *ритуал* – система действий, совершаемых по строго установленному порядку, традиционным способом и в определенное время. Это форма «превращенного сознания», ритуал является главным механизмом коллективной памяти, который во многом определяет жизнь человека и теперь. *Предания* – устный рассказ, история, передающаяся из поколения в поколение. *Поверье* – предание, основанное на суеверных представлениях, приметах, необычных явлениях. Фразеологические единицы, в основе которых лежат народные поверья и предания, в большинстве случаев восходят к далекому прошлому. Так, например, фразеологический состав французского языка содержит ФЕ с семантикой злости, раздражения *marcher sur une mauvaise herbe* (*быть не в духе*), в основе которой лежит старинное поверье о чудодейственной силе трав.

Согласно этому поверью, некоторые травы действовали на психику или настроение тех, кто дотрагивался до них или ходил по ним. Фразеологический состав русского языка содержит ФЕ с семантикой гнева *метать перуны*. Перун по древним поверьям ездил по небу в колеснице и пускал огненные стрелы – молнии, которые также назывались перунами. Подобные ФЕ воссоздают картину прошлого того или иного этноса, раскрывают его характер, знакомят с нравами, обычаями, национальными чертами.

2. Другим источником культурной интерпретации является **система образов-эталонов**, запечатленных в «ходячих» устойчивых сравнениях. По мнению В.Н. Телия, **эталон** – это «характерологически образная подмена свойства человека или предмета какой-либо реальией – персоной, вещью, животным, которые становятся знаком доминирующего в них, с точки зрения обиходно-культурного опыта, свойства» [Телия, 1996: 242]. Согласно В.А. Масловой, **эталон** – это *сущность, измеряющая свойства и качества предметов, явлений, объектов* [Маслова, 2001: 44]. Реалия, выступающая в функции эталона, становится таксоном культуры, так как она говорит не о мире, но об «окультуренном» мировидении. В роли эталона выступают *устойчивые сравнения*, которые являются одним из ярких образных средств, способных дать ключ к разгадке национального сознания. Так, например, во французских традиционных эталонных сравнениях радость – это птица: *gai comme un merle* (веселый как певчий дрозд), *gai comme un pinson* (веселый как зяблик), *gai comme une alouette* (веселый как жаворонок), *gai comme un oiseau* (веселый как птица). И это неслучайно. Известно, что на древе жизни место птицы находится на его вершине. Птица обозначает верх и в этом смысле противоположна животным классификатора низа – хтоническим животным, прежде всего змее. Из рассматриваемых нами примеров видно, что предпочтение отдается конкретным птицам: *дрозд, жаворонок, зяблик*. Эталонное сравнение чувства с птицей отражает одну из особенностей мировидения носителей французского языка. Во фразеологическом фонде

русского языка есть ФЕ с семантикой страха *дрожать от страха как заяц*. Заяц считается в народе трусливым зверьком, он дрожит будто бы от страха.

3. Источником культурной интерпретации являются также ***слова-символы или слова, словосочетания, получающие символическое прочтение***.

В отличие от собственно символов роль языкового символа заключена в смене значения языковой сущности на функцию символическую. Согласно В.Н. Телия, «словозначение в этом случае награждается смыслом, указывающим не на собственный референт слова, а ассоциативно «замещает» некоторую идею» [Телия, 1996: 243]. Важно отметить, что материальным экспонентом этого замещения является не реалия как таковая, а имя. Например, в русской идиоме *сердце кровью обливается* и во французской идиоме *avoir le coeur percé (il a le coeur percé – у него сердце разрывается)* не реалия *сердце* является символьным носителем, но имя, собственное значение которого замещается символьным прочтением: *сердце* – орган чувств. Следовательно, культурно-национальные символы, воплощенные в языковое тело, - это всегда словозначения, выполняющие функцию символов: лексические единицы наделяются устойчиво ассоциируемыми с ними смыслами, которые и указывают на концепты, не являющиеся их собственно языковыми значениями. Или, например, в русской ФЕ с семантикой страха *душа в пятки ушла* значение слова «душа» сохраняет свое символическое прочтение «орган жизнедеятельности».

4. Одним из источников культурной интерпретации рассматриваются ***образы христианства, теософии и соответствующие им нравственные установки***. Так, многие ФЕ связаны с библейскими мифами о сотворении мира, всемирном потопе, жизни святых. Фразеологические единицы, вышедшие из религиозных дискурсов, могут представлять собой разные виды цитаций: прямая цитация или аллюзия к религиозным текстам. Например, в русском и французском языках есть ФЕ *быть на седьмом небе от радости, être ravi au septième ciel*, которая восходит к Библии, где

выделяются различные сферы неба. На седьмой сфере неба (на седьмом небе) находится рай, отсюда связь этого образа с семантикой радости.

5. Не менее важным источником культурной интерпретации обоснованно признаются **образы из художественной литературы, философии, истории**, т.е. из тех форм деятельности людей, которые воплощают интеллектуальное достояние нации и человечества в целом. Данные источники, относящиеся к разным эпохам и жанрам, позволяют лучше понять смысл ФЕ. Например, внутренняя форма ФЕ *gai comme Roger Bontemps* содержит имя, которое стало нарицательным для обозначения веселого человека. Это выражение связано с именем священника и поэта 15-го века Роже де Коллери, который в своих произведениях присвоил себе прозвище *bontemps*, соответствовавшее его веселому нраву.

Базовые эмоции человека репрезентируются также **паремиями**, которые справедливо называют кладезем народной мудрости. По мнению В.Н. Телия, «пословицы – это по традиции передаваемые из поколения в поколения языковые выражения, отражающие веками сформировавшуюся обыденную культуру, в которой в сентенционной форме отражены все категории и установки этой жизненной философии народа – носителя языка» [Телия, 1996: 243]. Лингвокультурологический анализ русских и французских паремий с семантикой базовых эмоций человека мы осуществляем посредством применения методики интерпретации, которая позволяет выделить те или иные признаки концептов базовых эмоций и сделать выводы лингвокультурологической значимости. Например, в русском паремиологическом фонде достаточно широко представлены пословицы с семантикой удивления. Многие русские пословицы с семантикой удивления носят назидательный, дидактический характер: *Кто всему дивится, на того и люди дивятся; На дураков не надивоваться; Эка невидаль, что каша естся; Тому не дивись, что пьяные подрались*. В этих и других пословицах, положительно или отрицательно оценивающих удивление, проявляется зависимость русского мышления от существующих стереотипов. В

некоторых русских пословицах выделяются такие специфические семантические признаки, как зависимость удивления от степени осведомленности и материального благополучия субъекта, предписания к регуляции эмоционального поведения и этические оценки удивления: *Соколу лес не в диво; Сытый ничему не дивуется; То не диво, что у богатого много пива; Другим дивились, а сами на льду обломились*. В русских поговорках с семантикой удивления отражается мифологичность сознания: *Бывает, что вошь кашляет; Бывает, что курица петухом поет*. Во французском паремиологическом фонде нами найдена только одна пословица с семантикой удивления: *Vent du soir et pluie du matin n'étonnent pas le pèlerin* (*Кто собрался в дальний путь, того дождь и ветер не удивят*).

Кроме фразеологизмов и поговорок, экспонентами культурных знаков многими исследователями признаются **метафоры**. Под метафорой понимают «троп или механизм речи, обозначающий некоторый класс предметов, явлений и т.п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [Арутюнова, 1990: 296]. В ее основе лежит всегда какое-либо сравнение, определенное формальное или функциональное сходство между различными фрагментами действительности. Метафора раскрывает неизвестные нам ранее отношения между предметами мира. Согласно Н.А. Красавскому, ассоциативность нашего языкового мышления ведет к установлению формальных и функциональных сходств, связывающих предметы мира, к выявлению новых связей между ними. Обнаружение подобного рода ассоциативных отношений всегда культурно обусловлено: в этносе легко обнаруживаются предпочтения в выборе объектов метафоры [Красавский, 2001: 281]. Этот аргумент приводит к осознанию необходимости лингвокультурологического анализа метафорических описаний эмоций в русском и французском языках. Для лингвокультурологического анализа метафорических эпитетов нами используются Словарь эпитетов русского языка К.С. Горбачевича и Л.

Хабло, словарь *Dictionnaire général de la langue française*, которые отмечают словарные сочетания, метафоризирующие актуальные признаки базовых эмоций человека. Лингвокультурологический анализ метафорических эпитетов осуществляется посредством применения **методики интерпретации**. Мы выделяем следующие семантические типы метафорических эпитетов: *антропоморфные* (болтливая радость), *зооморфные* (звериный гнев), *натурморфные* (воспаленный гнев). Семантический анализ типов метафор в русском и французском языках обнаруживает высокую степень распространенности антропоморфных метафор, в основе которых лежат такие явления, как персонификация, олицетворение. Этот тип метафоры связан с антропоморфным характером человеческого познания. По мнению культуролога К. Байера, человеческое познание антропоморфно; это значит, что оно несет на себе следы структуры наших мыслей и работы нашего мозга [Bayer, 1994: 14]. Номинации базовых эмоций сочетаются с прилагательными, описывающими различные черты человеческого характера (*болтливая радость, ревнивый гнев, кроткая печаль, слезная печаль, покорный страх*). Так, например, во французском языке радость (*une joie méchante, tendre, intime, maligne, âpre, inaffable, bruyante*) может быть злой, жестокой, нежной, интимной, аскетичной, коварной. Эта эмоция описывается через признаки человеческого характера, часто отрицательные. В зооморфных метафорах эмоции часто уподобляются действиям животных, в том числе агрессивным (*нападающий страх, звериный страх, грызущая печаль, кусающая тоска*). Натурморфные метафоры иллюстрируют уподобление эмоций огню, воде холоду (*пламенный, воспаленный гнев; леденящий страх, холодное бешенство*). По мнению Н.Д. Арутюновой, связь некоторых эмоций с представлением об огне и вызываемом им ощущении жжения очень глубока. Это подтверждается тем, что такие имена, как горе, печаль этимологически связаны в русском языке с глаголами *гореть* и *печь*. Аналогичные

этимологические связи характерны и для других языков [Арутюнова, 1999: 393].

Выводы по первой главе

Интегративный и комплексный метод исследования языковых репрезентаций базовых эмоций человека в предлагаемой интерпретации базируется на основе отбора и соотнесения идей, методов и принципов системно-структурной и антропоцентристской семантики, прагмастилистики, лингвокультурологии. Построение теоретической базы заявленного исследования опирается на концепцию языковой картины мира, предельным и основным элементом которой признается концепт. Концепты базовых эмоций человека - междисциплинарные, эвристические, многоэлементные, многоаспектные, ментальные, фреймовые, этнически и культурно обусловленные образования, включающие понятие, образ, оценку, ценностные смыслы, ассоциации, характерные для того или иного типа эмоции.

Концепты базовых эмоций человека разворачиваются в предикативные структуры – фреймы-пропозиции. Фрейм-пропозиция базовой эмоции человека является результатом отражения типизированной ситуации, это понятие акцентирует и обосновывает расчленяющий подход к изучению хранимой в памяти информации, выделяет, структурирует информацию, конкретизируя ее по мере развертывания фрейма. Фрейм-пропозиция базовой эмоции включает обязательные компоненты (предикат, субъект, причина) и факультативные компоненты (оценка, степень интенсивности эмоции, контролируемость или неконтролируемость эмоции, внешние проявления и поведение субъекта в состоянии переживания той или иной эмоции).

К языковым характеристикам выделенных пропозитивных фреймов относятся реализующие их семантико-синтаксические структуры, которые представляют собой связь соответствующей языковой структуры с

выражаемой денотативной ситуацией. Семантические субъект и предикат определяются структурой самой ситуации. Между словоформами, обозначающими субъект и предикат мысли, устанавливается отношение, которое называется предикативным отношением. В состав предикативного отношения входит типовая пропозиция, для которой и создается структурная схема простого предложения. Типовая пропозиция, застывшая в структурной схеме простого предложения, представляет фрейм. В русском языке выделяются следующие модели для передачи эмоционального состояния субъекта: глагольная, наречно-предикатная, субстантивная, адъективная, причастная, предложно-падежная. Во французском языке имеются следующие модели с семантикой базовых эмоций человека: номинативная, двусоставная глагольная, модель с именным сказуемым, модель со значением отношения субъекта к объекту, модель с общим значением каузации отношения.

Базовые эмоции человека воплощаются не только в языке в виде значений разноуровневых единиц и их комбинаций, но и в речи. Их репрезентации обладают специфическим прагмастилистическим потенциалом. Его реализация осуществляется в условиях жанрово-стилевой дифференциации речи и зависит от интенции говорящего, от ряда стилеобразующих факторов, таких, как, например, основная коммуникативная цель и связанные с ней частные целеустановки адресанта. Стилеобразующие факторы обуславливают специфику функционирования того или иного жанра речи. Прагмастилистический потенциал обозначений базовых эмоций человека выявляется через коммуникативные регистры речи (репродуктивный, информативный, генеритивный, волюнтивный, реактивный). Регистровой принадлежностью предложения обусловлен тип субъекта. Показатели регистровой принадлежности обнаруживают точку зрения говорящего или другой источник информации, а также определяют предназначенность высказывания тому или иному типу адресанта. Высказывания с семантикой базовых эмоций человека включают собственное значение высказывания,

вытекающее из его конвенционального языкового значения и прагматическое значение, отражающееся в стилевой, жанровой, регистрающей направленности высказывания. Соотношение между эксплицитным и имплицитным значением позволяет различать два типа высказываний - прямые и косвенные. Каждый текст обладает собственной палитрой экспрессивных средств речи, соответствующих прямым обозначениям эмоциональных концептов. В совокупности с прагматическими установками жанра, стиля текста эмоционально-экспрессивные (в том числе тропеические) средства акцентируют, усиливают, коннотативно расширяют, обогащают понятийный уровень репрезентации концептов. В высказываниях с семантикой эмоций включаются причинные отношения. Способы обозначения причины переживаний эмоций могут быть различными, например, первичными или вторичными пропозитивными структурами, причина может быть в речи более или менее развернутой (свернутой).

Культурная обусловленность базовых эмоций человека заключается в том, что они вербализуются во ФЕ, паремиях, метафорах. Внутренняя форма ФЕ может содержать такие коды культуры, как соматический, биоморфный, предметный, мифологический, а также другие источники культурной интерпретации, к которым относятся ритуальные формы народной культуры, система образов-эталонов, слова-символы, образы христианства, теософии, нравственные установки, элементы интеллектуального достояния нации и человечества в целом. В паремиях отражается специфика познавательного и эмоционального опыта того или иного этноса, особенности распределения человеком мира. В метафорах обнаруживается существование скрытых связей между различными феноменами мира. Использование ассоциативных отношений в сфере обозначения эмоций всегда культурно обусловлено.

Глава 2. Апробация и верификация теоретических основ когнитивно-семантической и лингвокультурологической составляющих интегративного и комплексного исследования языковых репрезентаций базовых эмоций человека

В настоящей главе апробируются и верифицируются изложенные в первой главе теоретические основы когнитивно-семантической и лингвокультурологической составляющих интегративного и комплексного метода исследования языковых репрезентаций базовых эмоций человека в русской и французской языковых картинах мира на материале словарей и отдельных высказываний. Анализ и описание концептов базовых эмоций осуществляется в следующей последовательности: 1) полярные эмоции *радость, печаль*; 2) сильные эмоции *страх, гнев*; 3) более слабая эмоция *удивление*.

2.1. Концепт «радость» в русской и французской языковых картинах мира

Радость в Толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой определяется как «веселое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения» [ТС, 1995: 625]; во французском словаре Petit Larousse радость – это чувство большого удовольствия, удовлетворения, глубокая приятная эмоция, овладевающая всем существом [Petit Larousse, 1980: 508]. Семантика фрейма-пропозиции «радость» на материале словарей и отдельных высказываний структурируется со следующими *обязательными компонентами*: предикат, субъект, причина. Во фреймовую структуру входят также *факультативные компоненты*: плюс / минус контроль над эмоцией, оценка, интенсивность проявления эмоции, внешние проявления эмоции и поведение субъекта. Рассмотрим ядерный компонент фрейма-пропозиции - **предикат**. Словарным ядром предикатов радости являются *глаголы*. Согласно «Словарю синонимов русского языка» по ред. А.П. Евгеньевой (ССРЯ), в синонимический ряд с доминантой *радоваться*

включены слова: *ликовать, торжествовать, восторгаться, восхищаться, веселиться*. Глагол *ликовать* обозначает бурные внешние проявления радости: *Когда пришло разрешение открыть газету, то все ликовали и надеялись, что теперь пойдет новая жизнь (Чириков)*. Глагол *торжествовать* обозначает чувство радости по случаю своих собственных успехов, своей правоты, своей победы над кем-либо: *Она до мелочей предсказала развитие событий и теперь имела основания торжествовать (Бабинцев)*. Все члены синонимического ряда с семантикой радости подчиняют слова и группы слов, обозначающие причину эмоции. Согласно «Новому объяснительному словарю синонимов русского языка» под ред. Ю.Д. Апресяна (НОССРЯ), наибольшей свободой в этом отношении обладает глагол «радоваться», который управляет формой дательного падежа, предложно-именными группами *за кого-либо, по поводу чего-либо*, придаточными предложениями, вводимыми союзами *что, когда, если*: *Я восхищался дворцами дождей, собором святого Марка, домом, где жила Дездемона. (А.П.Чехов)*. Все названные синонимы сочетаются с названием человека в роли субъекта эмоции, причем для «торжествовать» это единственный допустимый тип субъекта. Согласно словарю Nouveau dictionnaire des synonymes (NDS) в синонимический ряд с доминантой *se réjouir* (радоваться) включены слова: *se féliciter, exulter, triompher, jubiler*. Все синонимы со значением радости подчиняют слова и группы слов, обозначающие причину эмоции. Согласно словарю Petit Robert (R), глагол *se réjouir* (радоваться) описывает эмоциональное состояние радости в наиболее абстрактной форме, управляет предлогом *de*, придаточными предложениями, вводимыми союзом *que*: *Je me réjouis de votre succès; Je me réjouis que*. Глагол *jubiler* (ликовать) предполагает бурные внешние проявления радости и скорее поведение, нежели саму эмоцию: *Dieu se réjouissait des massacres et jubilait dans les extermination*. Глагол *exulter* обозначает очень сильную радость, которую невозможно скрыть: *Il exulte? il est aux anges*. Глагол *trionpher* имеет значение “торжествовать”: *Le meilleure*

moyen de triompher de son adversaire c'est de lui survivre. В русском и французском языках глаголы с семантикой радости содержат сему «каузативность». В русском языке это глаголы *радовать, веселить, восхищать, развеселить*. Сему каузативности репрезентирует лексика с метафорически производным значением (*заразить восторгом, вызвать, передать радостное состояние*). Во французском языке синонимический ряд с семантикой радости составляют каузативные глаголы: *réjouir, mettre en gaieté, mettre en joie*. В русском и французском языках предикаты каузации связаны с субъектом, который занимает позицию подлежащего: *Г-н Слободин обрадовал меня своим приездом ко мне. (А.П. Чехов); Ce garçon t'a mis en joie*. Второй по объему группой предикатной лексики с семантикой «радость» в русском и французском языках являются **прилагательные**. ССРЯ дает следующий синонимический ряд прилагательных с семантикой радости: *радостный, веселый, мажорный, торжественный*. Прилагательные с семой «радость» способны передать эмоцию как *состояние* (радостный человек), *проявление* (радостный взгляд), *воздействие* (радостный день). Словарь NDS дает следующий синонимический ряд прилагательных с семантикой радости: *gai, joyeux, jovial, réjouissant*. Прилагательные с семантикой «радость» также способны передать эмоцию как *состояние* (*un homme joyeux*), *внешнее проявление радости* (*une mine joyeuse*), *воздействие* (*une joyeuse nouvelle*).

Следующей группой предикатной лексики радости являются **существительные**. ССРЯ представляет целый ряд субстантивных номинаций этой эмоции: *радость, ликование, торжество, мажор, веселье, восторг*. Синонимы различаются семами степени интенсивности.

Словарь NDS представляет целый ряд субстантивных номинаций: *joie, jubilation, exultation, triomphe, ravissement, gaieté, allégresse, liesse, réjouissance*. Согласно словарю R, *joie* имеет общее значение радости: *Sa chute avait comblé de joie bien du monde*. Существительным *allégresse* называют радость ликующую, рвущуюся наружу, часто заразительную:

Subitement il fut envahi par cette chaleur de coeur, cette allégresse qui vient après le danger passé. Слово *jubilation* является точным эквивалентом русского понятия «ликование»: *Cette attente leur paraissait plus cruelle encore, au milieu de la jubilation générale.*

«Словарь эпитетов русского языка» К.С. Горбачевича и Е.П. Хабло (СЭРЯ) приводит словосочетания с лексемой «радость», характеризующие *длительность радости* (мгновенная радость, бесконечная радость), *антропоцентрические черты* (веселая, ветреная, гордая, детская, болтливая, забывчивая, злобная радость), которые обозначают положительные или отрицательные стороны человеческого характера. Словарь *Dictionnaire général de la langue française* (DGLF) отмечает словарные сочетания, выделяющие *антропоцентрические черты* чувства: *une joie méchante, bruyante, tendre, intime, puérile, maligne, âpre, inaffable*. Радость может быть злой, жестокой, нежной, интимной, аскетичной, коварной. Во французском языке эмоция радости часто описывается через отрицательные признаки человеческого характера.

«Русский ассоциативный словарь» под ред. Ю.Н. Караулова (РАС) связывает переживание радости со словами – реакциями: *счастье, улыбка, встреча*. Наиболее часто радость ассоциируется с *успехом и приемом гостей*.

Фразеологический словарь русского языка под ред. А.И. Молоткова (ФСРЯ) дает ряд фразеологических единиц (ФЕ) с семантикой радости: *быть на седьмом небе, быть на верху блаженства; быть вне себя от радости*. Во внутренней форме ФЕ содержатся следующие источники культурной интерпретации: 1) образы христианства: *быть на седьмом небе*; 2) слово-символ: *быть на верху блаженства* (понятие «блаженство» связано с символом полного счастья); 3) легенды, поверья: *быть вне себя от радости*. «Новый большой французско-русский фразеологический словарь» под ред. В.Г. Гака (НБФРФС) дает синонимический ряд ФЕ с семантикой радости: *faire du bon sang, être en coeur, gai comme un oiseau, faire voir les anges*. Фразеологический состав французского языка содержит следующие

источники культурной интерпретации: 1) система образов-эталонов в устойчивых сравнениях: *gai comme un merle* (веселый как певчий дрозд), *gai comme un pinson* (веселый как зяблик); 2) слова – символы: *avoir le coeur gai*, *avoir en coeur*; 3) образы из художественной литературы: *gai comme Roger Bontemps* (это выражение связано с именем священника и поэта 15 века Роже де Коллери, который в своих произведениях присвоил себе прозвище *bontemps*, якобы соответствовавшее его веселому нраву [Rat, 1957: 78]). Можно выделить коды культуры, которые содержатся во внутренней форме ФЕ: 1) соматический код: *avoir le coeur gai*; 2) биоморфный код: *gai comme une alouette* (радостный как жаворонок; *être dans ses roses* (роза – символ радости, наслаждения).

Концепт радости значительно представлен в паремиологическом фонде русского и французского языков. Радость в русских пословицах выражает 1) сменяемость эмоции радости другими негативными эмоциями. «Ни радости вечной, ни печали бесконечной»; «Где радость, там и горе; где горе, там и радость»; 2) переживание радости благотворно для здоровья человека: «Радость прямит, а кручина крючит»; 3) соматическое выражение эмоции «От радости кудри вьются, а в печали секутся»; 4) противопоставление радости негативным эмоциям: «Не видав горя, не узнаешь и радости»; 5) высшая нематериальная ценность: «Веселье лучше богатства»; «Веселого нрава не купишь». Исследуемые французские паремии позволили выделить следующие признаки концепта «радость»: 1) сменяемость эмоции радости негативными эмоциями: *Celui qui rit vendredie pleurera dimanche*; 2) многоречивость радости: *La joie est babillarde*; 3) радость как высшая нематериальная ценность: *La gaieté ne se commande pas*; 4) каждый человек радуется по-своему: *Chacun a ses plaisirs qu'il se fait à sa guise*.

В русском и французском языках номинации эмоции радости выражают **оценку**, как правило, положительную: *Мать очень радовалась возвращению своего сына*; *Elle se félicite parce qu'elle a épousé, lui et pas un autre*.

Характерной особенностью предикатов эмоционального состояния в русском и французском языках является их способность выражать **интенсивное чувство, его силу, длительность**. Согласно НОССРЯ, *радость* обозначает менее интенсивную эмоцию, чем *ликование* и *торжество*. Но *радость* может быть более глубокой, поэтому более длительной. *Торжество* и *ликование* – быстротекущие эмоции. Во французском языке слово *allégresse* выражает самую сильную степень радости, слово *jubilation* слабее, чем *allégresse*, но сильнее, чем *joie*. При высокой степени интенсивности эмоции радости субъект часто совершает **неконтролируемые действия**: *Митя захохотал, сел в кресло, будучи не в силах держаться на ногах от счастья. (А.П.Чехов); Jeanne et le vicomte se mirent à pleurer de gaieté, se tordant, étouffant, la serviette sur la bouche pour ne pas crier (Moupassant).*

Фрейм-пропозиция радости включает факультативный компонент «**внешние проявления радости**». В лингвострановедческом словаре А.А. Акишиной «Жесты и мимика в русской речи» даны примеры внешнего проявления радости в таких ситуациях: 1) жмурить глаза от восторга: *Доктор наслаждался запахом жаркого, он сопел и жмурил от удовольствия глаза (Булгаков);* 2) смотреть широко раскрытыми глазами: *Женщина ходила по музею и смотрела на картины широко раскрытыми глазами;* 3) хлопать в ладони: «*В пирог! В пирог!*» – *захлопали в ладоши и запрыгали ребятишки, радуясь добыче больше всех нас...(Астафьев);* 4) всплескивать руками: «*Какой гость-то у нас красивый!* – *весело всплеснула руками Мария.*

Во французском языке «внешние проявления эмоции радости» выражают: а) кинесический способ выражения радости, например, *Il se précipita, et m'étreignit avec force, puis il me repoussa, me considéra un instant et m'étreignit de nouveau. Ses yeux pétillaient de joie, et j'étais plus heureux que lui [Colette].* б) физиологические проявления, например, *J'étais heureuse, folle, toute neuve, disponible; j'étais la vie, le plaisir, le désir; j'étais le vent dans l'eau; j'étais l'eau dans la terre, l'eau purifiée, la terre ennoblie par la source. Mon corps tremblait*

de joie [Blot]. в) произвольные движения: *Dans un affolement de joie Jeanne poussait des cris aigus en battant l'eau de ses deux mains*(G.Маupassant).

Вторым обязательным компонентом фрейма-пропозиции является **субъект**, который выражен 1) личным местоимением: *Я очень обрадовался узнав, что Михаил Рощин написал обо мне заметку.* (А.П.Чехов); *Elle a éprouvé la joie infinie* (Маupassant); 2) именем собственным: *Митя Кулдаров, возбужденный, взъерошенный, влетел весело в квартиру своих родителей и быстро заходил по комнатам.* (А.П.Чехов); *Jeanne se sentait devenir folle de joie* (Маupassant); 3) именем нарицательным: *Сердце, глядя на тебя, радуется.* (Толстой); *Les choses les plus simples leur donnaient d'interminables gaietés* (Balzac).

Третий обязательный компонент фрейма-пропозиции - **причина**, которая в большинстве случаев выражена эксплицитно: *От этого прекрасного вечера меня охватывает неопишуемая радость* (А.П.Чехов) *J'éprouve la joie quand je te rencontre toujours* [Sagan]. Радоваться можно и без всякой конкретной причины: *Без всякой причины в груди ее шевельнулась радость.* (А.П.Чехов); *A temps dernier elle a éprouvé la joie sans cause* [Маupassant].

Номинации радости в зависимости от их функционального содержания реализуются в компонентах синтаксических структур. В русском языке существуют базовые типы моделей с семантикой радости: 1) **глагольная модель**: *Я радуюсь*; 2) **наречно – предикативная модель**: *Мне радостно*; 3) **адъективная модель**: *Он рад*; 4) **предложно – надежная модель**: *Он в восторге*; 5) **причастная модель**: *Я обрадован*; 6) **метафорическая модель**: *Радость охватила меня*. Назовем следующие базовые типы моделей с семантикой радости во французском языке: 1) **номинативное предложение**, которое выражает характеристику ситуации: *Quelle joie!*; 2) **предложение с именными сказуемыми**, сообщающее о признаке субъекта: *Jean est gai*; 3) **двусоставное глагольное предложение**, в котором общее значение - выражение состояния и чувства субъекта: *Jean se réjouit*. 4) **модель, которая выражает отношение субъекта к объекту**: *Jean se réjouit de la bonne*

nouvelle; 5) **модель с общим значением – каузация отношения**: *Cette bonne nouvelle a réjouit Jean*.

Названные модели располагают рядом модификаций: 1) грамматические: *Я радуюсь- Я радовался – Я буду радоваться – Я обрадовался бы – Не радуйся! – Радуйся! Je me réjouis. Je me suis réjoui. Je me réjouirai*; 2) структурно-семантические модификации: а) фазисные реализации: *Он вдруг начал веселиться (А.П. Чехов); Il a commencé à se réjouir*; б) модальные реализации: *Вам должно быть весело (А.П. Чехов); Vous devez vous réjouir de cet événement*; 3) модификации расщепления: *Я радуюсь – Я испытываю радость – У меня радостное настроение (А.П. Чехов); Je me réjouis – J'éprouve la joie*; 4) модификация типа синекдохи: *Я радуюсь – Душа моя радуется, Радость охватила его – Радость охватила его сердце. На душе радостно*.

Итак, по данным словарей и текстов концепт **«радость»** может быть представлен в обобщающей таблице.

Таблица № 3

Концепт «радость» в русской и французской языковых картинах мира по данным словарей и отдельных высказываний

	Русский язык	Французский язык
Предикат глаголы	5 синонимов, различающихся семами степени интенсивности	5 синонимов, различающихся семами степени интенсивности
прилагательные	4 синонима передают эмоцию как состояние, проявление, воздействие	4 синонима передают эмоцию как состояние, внешнее проявление, воздействие
существительные	6 синонимов, различающихся семами степени интенсивности, по внешнему проявлению	9 синонимов – по внешнему проявлению, по степени интенсивности
Фразеологические единицы	Значения, мотивирующие образы ФЕ из христианства: седьмое небо; символическое значение: блаженство; образы легенд, поверий	Образ-эталон: птица; слова-символы: сердце; образы из литературы; соматический код: сердце; биоморфный код: роза, жаворонок
паремии	Типичные смыслы: сменяемость радости негативными эмоциями, соматическое выражение	Сменяемость радости негативными эмоциями, высшая нематериальная ценность

	эмоции, противопоставление радости негативным эмоциям, высшая нематериальная ценность	
Субъект	Личные местоимения, имена собственные, имена нарицательные	Личные местоимения, имена собственные, имена нарицательные
Причина	выражается эксплицитно и имплицитно	выражается эксплицитно и имплицитно
оценка	положительная	положительная
+(-) контроль над эмоцией	неконтролируемость	неконтролируемость
Степень интенсивности	сильные – восторг; радость слабее, чем ликование, торжество.	Allégresse – самая сильная; jubilation слабее, чем allégresse, но сильнее, чем joie
Внешние проявления и поведение субъекта	Мимика, движения: хлопать в ладони, всплескивать руками	Мимика, движения: хлопать в ладони, всплескивать руками
Модели предложений	Глагольная, наречно-предикативная, адъективная, предложно-падежная, причастная, метафорическая и их модификации	Номинативная, модель с именным сказуемым со значением квалификации субъекта, двусоставная глагольная, модель со значением отношения субъекта к объекту, модель со значением каузации отношения и их модификации

2.2. Концепт «печаль» в русской и французской языковых картинах мира

Эмоция печали определяется в Толковом словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой как «чувство грусти, скорби, состояние душевной горечи» [ТС, 1995: 506], во французском словаре Petit Larousse печаль - это «скорбное, нерадостное, невеселое настроение, чувство» [Petit Larousse, 1980: 944]. Концепт «печаль» образует фрейм-пропозицию со следующими *обязательными компонентами*: 1) предикат; 2) субъект; 3) причина и *факультативными компонентами*: оценка, степень интенсивности переживания эмоции, длительность переживания эмоции, внешние телесные симптомы переживания эмоции и поведение субъекта в состоянии печали.

Рассмотрим ядерный компонент фрейма-пропозиции – **предикат**. Печаль обозначается разными видами предикатов, в первую очередь *глаголами*.

ССРЯ представляет синонимический ряд с доминантой «грустить»: *печалиться, унывать, тосковать, кручиниться (народно-поэтич.), тужить, горевать, скорбеть, страдать, испытывать (чувствовать) печаль, грусть*. Все приведенные синонимы имеют свои оттенки значения. Такие глаголы, как *грустить, печалиться, кручиниться, испытывать (чувствовать) грусть, печаль* означают «быть в подавленном состоянии, испытывая какое-либо тягостное, гнетущее чувство». Глаголы *тосковать, хандрить, страдать (разговор.), чувствовать (испытывать) тоску* означают «грустить вследствие неудовлетворенности какого-либо желания, из-за отсутствия кого-либо, чего-либо». Глаголы *горевать, сокрушаться, скорбеть* означают «быть в очень подавленном состоянии, страдая из-за какого-то горя». Все эти глаголы употребляются в конструкциях типа *Он грустит. Он грустит о родине (по родине)* и сочетаются с падежными формами. Глаголы допускают при себе позиции со значением причины. Согласно словарю NDS в синонимический ряд включены глаголы: *s'attrister, s'affliger, avoir du chagrin, éprouver un chagrin, être triste, se désoler, avoir le cafard, se désespérer, avoir de la peine*. Некоторые синонимы рассматриваемого ряда проявляют тенденцию к нейтрализации своих значений. Есть синонимы, различающиеся по степени интенсивности чувства. Так, например, глагол *avoir cafard* обозначает «хандрить», *avoir de la peine* обозначает «огорчаться, расстраиваться», *se désespérer* обозначает «отчаиваться, впадать в отчаяние», *se désoler* обозначает «сильно огорчаться, сокрушаться». Все члены синонимического ряда допускают при себе позицию со значением причины: *Il s'attriste de la voir partir*.

В русском и французском языках часть глаголов печали могут содержать сему «каузативность». Группу каузативов со значением «причинять кому-либо печаль, огорчение» составляют глаголы: *огорчать, омрачать, удручать, причинять огорчение, приводить в уныние*. Эти глаголы характеризуются теми же дифференциальными семантическими признаками, что и соотносительные с ними некаузативные глаголы. Словарь NDS дает ряд

каузативных глаголов с семантикой печали: *chagriner, affecter, affliger, attrister, consterner, contrarier, peiner, tracasser, désespérer, tourmenter*. Каузативность может быть выражена посредством словосочетания *faire de la peine, faire du chagrin*. Согласно R глаголы *affecter, affliger, attrister, tracasser* обозначают «опечалить, огорчать». Глагол *contrarier* обозначает «расстраивать». Глаголы *consterner, contrister* обозначают «сильно огорчать кого-либо». Глагол *désespérer* означает «привести в отчаяние», а также «отсутствие надежды на что-либо».

Второй по объему группой предикатной лексики с семантикой «грусть/печаль» в русском и французском языках являются **прилагательные**. ССРЯ дает следующий ряд: *грустный, печальный, унылый, невеселый, скучный*. Прилагательные *грустный, печальный* близки по значению, но *печальный* употребляется с более сильным указанием на чувство душевной горечи: *Когда она пела грустные песни, всегда плакала (Горбатов)*; Прилагательное *унылый* означает подавленность, безотрадность: *Горцы запели снова что-то унылое (Тихонов)*. Прилагательное *невеселый* имеет значение «испытывать легкое уныние, грусть: *С утра он был невеселый и не хотел ни с кем разговаривать (Петров)*. Словарь NDS дает следующий синонимический ряд прилагательных с семантикой печали: *triste, affligeant, attristant, maussade, funèbre*. Согласно словарю R, прилагательные *triste, affligeant* обозначают «горестный, печальный, скорбный». Прилагательное *maussade* обозначает «унылый, хмурый, тоскливый», например, *Il a un air maussade*.

Следующей группой предикатной лексики со значением «грусть/печаль» в русском и французском языках являются **существительные**. ССРЯ представляет ряд субстантивных номинаций: *тоска, уныние, печаль, грусть, кручина, сокрушение, горесть*. Согласно НОССРЯ, *грусть* всегда подразумевает принятие жизни вследствие незначительности того, что субъекту недостает: *С грустью примирился он с ее новыми воззрениями на жизнь (Данилов)*. *Тоска и уныние* возникают, если субъект ощущает, что у

него нет жизненно необходимого, того, что привязывало бы его к жизни: *После окончательного разрыва с женой его охватила тоска.* Оба чувства связаны с безнадежностью. Печаль двояка – она может сближаться как с грустью, так и с тоской: *Печаль его свела в могилу, по умершем печаль меня подкосила (О.Мандельштам).*

Согласно НОССРЯ, самое неприятное и тяжелое чувство – *тоска*. Она воспринимается как физическая боль, иногда даже как болезнь, например, *Тоска начинается; Тоска утихает; У него тоска (как У него ангина). Тоска всегда причиняет страдание.* По мнению А. Вежбицкой, «тоска – это то, что испытывает человек, который чего-то хочет, но не знает точно, чего именно, и знает только, что это недостижимо. А когда объект тоски может быть установлен, это обычно что-то утраченное и сохранившееся лишь в смутных воспоминаниях: ср. тоска по родине, тоска по ушедшим годам молодости. В каком-то смысле всякая тоска могла бы быть метафорически представлена как тоска по небесному отечеству, по утраченному раю [Вежбицкая, 1997: 169-174]. Словарь NDS представляет ряд субстантивных номинаций с доминантой *tristesse*: *mélancolie, chagrin, deuil, abattement, cafard*. Члены синонимического ряда различаются по градации признака и компонентом причины. Так, например, существительное *mélancolie* обозначает внутреннюю печаль, расплывчатое, туманное, смутное чувство. Существительное *chagrin* обозначает печаль, которая предполагает ясную причину. Существительное *deuil* обозначает глубокую печаль, скорбь по причине какого-либо несчастья. Существительное *cafard* обозначает глубокую печаль. Слово *tristesse* обозначает грусть, печаль, уныние.

Особый пласт номинаций составляют ФЕ, выступающие в роли предикатов. ФСРЯ дает ряд ФЕ с семантикой грусти/тоски: *сам не свой, душа болит, брать за душу, повесить нос*. Внутренняя форма ФЕ с семантикой печали содержит культурные коды: 1) соматический код: *вешать/повесить голову, повесить нос*; 2) биоморфный код: *кошки на душе скребут*; 3) предметный код: *нож в сердце*. Фразеологический состав с семантикой

печали русского языка содержит другие источники культурной интерпретации: 1) слово-символ: *душа болит* (*душа символизирует орган чувств*); 2) образ христианства: *чаша страдания*. НБФРФС дает синонимический ряд ФЕ с семантикой печали: *chagrin noir, mettre en deuil, avoir le coeur en deuil, triste comme la mort*. Внутренняя форма ФЕ с семантикой печали содержит культурные коды: 1) соматический код: *avoir le coeur gros*; 2) предметный код: *triste comme une porte* (*печальный как дверь*), *triste comme une porte de prison* (*печальный как тюремная дверь*), *triste comme un bonnet de nuit* (*печальный как ночной колпак*)(с ирон. оценкой) (это национальные ФЕ, которые в большинстве случаев не переводятся на русский язык). Фразеологический состав с семантикой печали во французском языке содержит другие культурные источники: 1) образ-эталон: *triste comme un jour sans pain* (*печальный как день без хлеба*), *triste comme un lendemain de fête* (*печальный как день после праздника*), *triste comme la mort* (*печальный как смерть*); 2) слово-символ: *avoir le coeur bas*. Во французском языке предикат «печаль» сочетается с прилагательными цветообозначения, например, с прилагательным *черный*, которое имеет значение степени интенсивности: *chagrin noir*.

Особый интерес представляют поговорки с семантикой печали. Эта эмоция оказывает негативное психолого-физиологическое воздействие на человека; отсюда следует его желание избавиться от нее: *От радости кудри вьются, в печали секутся. С печали не мрут, а сохнут. Что червь в орехе, то печаль в сердце*. Русскими не поощряется переживание печали и предлагается религиозный способ избавления от нее: *От всякой печали Бог избавляет*. Во французском языке печаль квалифицируется тоже как нежелательное для человека психологическое переживание. Многие пословицы предлагают всячески избавляться от печали: *Cent ans de chagrin ne paient pas un sou de dettes. La mélancolie ne paie pas de dettes. Chagrin portage, chagrin diminué*. Французское языковое сознание охотно оперирует таким понятием, как пища, например, *Qui a du pain nargue le chagrin* (*Кто хлеб имеет, того*

печаль не одолеет). Переживание грусти бессмысленно и совершенно непрактично, поэтому следует действовать, а не предаваться печали и унынию. Во французском паремиологическом фонде есть пословица *Femme de marin, femme de chagrin* (*У жены моряка жизнь печальна*).

СЭРЯ выделяет словосочетания с лексемой «печаль», характеризующие *антропоцентрические черты* (молчаливая, мечтательная, нежная, одинокая, томная, робкая, злая, слезная, кроткая, лицемерная, старческая), *зооморфные черты* (звериная, собачья, дикая, грызущая, журавлиная, ядовитая), *музыкальные черты* (виолончельная), *вкусовые характеристики* (горькая, сладкая), *цветовые характеристики* (зеленая, светлая, мрачная, из редких – желтая), *признак безграничности* (бесконечная, бескрайняя). DGFL отмечает словарные сочетания, характеризующие *величину печали* (*grand*), *цвет* (*noir*).

РАС связывает переживание грусти со словами-реакциями: *дождь, одиночество, осень, жалость, расставание, сожаление, любовь, разлука, слезы*. Слово «тоска» ассоциируется со словами: *зеленая, по родине, разлука, сожаление, дом*.

Во фрейм-пропозицию «грусть» входит факультативный компонент «*оценка*». В русском языке печаль/грусть оценивается как отрицательная эмоция (*нестерпимая грусть*), иногда как положительная (*приятная грусть, сладкая печаль*). Во французском языке печаль имеет негативную оценку: *Ses amis essayaient de lui faire oublier sa peine*.

Характерной особенностью предикатов эмоциональных состояний является их способность обозначать ***степень интенсивности чувства***. Согласно НОССРЯ, самые интенсивные состояния – *тоска, уныние*, так как это не столько чувства, сколько общие состояния субъекта; *грусть* – не слишком интенсивное чувство, так как она не влияет решающим образом на состояние души. *Печаль* может быть неинтенсивной (*Он думал об этом с легкой печалью*) или приближаться к тоске (*Его охватила печаль, самые дорогие образы уже не радовали*). Во французском языке такие номинации

эмоции, как *tristesse, chagrin, peine* обозначают «печаль, уныние, грусть», а слова *deuil, cafard* обозначают «глубокую печаль» (горе, скорбь).

Факультативный компонент «степень интенсивности переживания грусти» актуализирует другой компонент **«длительность переживания грусти»**. Согласно НОССРЯ, *грусть* может быть кратковременной и часто лишь слегка затрагивает душу: *Он почувствовал только мимолетную грусть. Печаль* может быть длительнее, устойчивее грусти. *Тоска* считается самой длительной эмоцией. Во французском языке эмоция *deuil* может длиться долго, так как она возникает по причине какого-либо несчастья, например, смерти кого-либо. Во фрейм-пропозицию грусти входит также факультативный компонент **«внешние проявления переживания эмоции и поведение человека в состоянии печали»**. В эмоциональном состоянии грусти, печали лицо человека выглядит поблекшим, глаза кажутся тусклыми, взгляд направлен вниз: *Наташа сидела задумавшись, грустная и убитая. Она смотрела прямо перед собой, ничего не видя, как бы забывшись и держа руку Алеши в своей руке (Достоевский)*. Во французском языке часто используется прилагательное *blême* при описании внешнего вида при переживании печали, а также печальный взгляд (*un oeil triste*), распухшие от слез глаза (*les yeux gonflés*). Человек в состоянии грусти и печали может оставаться в одной и той же позе, рухнуть на кровать, лежать ничком, плакать и тяжело вздыхать от печали: *Он сидел неподвижно, плечи его были опущены*. Во французском языке наблюдается обозначение тех же, что и в русском языке, действий при описании переживания этой эмоции (плач, оцепенение, рухнуть на колени): *Jeanne a commence à pleurer; Elle s'abattit sur les genoux dans une crise horrible de désespoir; Elle demeura abîmée dans une sorte de douleur immobile*.

Второй обязательный компонент фрейма-пропозиции грусти – **субъект**, который выражен 1) личным местоимением: *Вчера я грустил весь вечер; Il ne voulait pas vous chagriner*; 2) именем собственным: *Алеша сидел грустный и понурый; Jeanne s'attriste de la voir partir*; 3) именем нарицательным: *Душа*

тоскует и плачет; O! triste, triste était mon âme à cause d' une femme (Verlaine).

Третий обязательный компонент фрейма-пропозиции грусти – **причина**. Причины переживания русской печали/тоски трудно объяснимы. Их сущность не совсем понятна русскому человеку, она как бы не рефлексивируется четко его сознанием: *В большом и радостном Париже все та же тайная тоска (Цветаева)*. Иногда причина грусти, печали, тоски, уныния может быть выражена эксплицитно: *Эти воспоминания вызвали у него печаль*. Во французском языке причина печали тоже может быть выражена эксплицитно: *Il est triste depuis la mort de sa femme. Son depart nous chagrine*.

В русском языке существуют следующие базовые модели с семантикой грусти: 1) **глагольная**: *Я тоскую*; 2) **наречно-предикативная**: *Мне грустно*; 3) **субстантивная**: *У меня тоска*; 4) **адъективная**: *Я грустен*; 5) **метафорическая**: *Тоска меня мучит*. Во французском языке существуют следующие базовые модели с семантикой печали: 1) **двусоставные глагольные предложения**, в которых общее значение – выражение состояния и чувства субъекта: *Jean s'attriste*; 2) **предложение с именным сказуемым**, сообщающее о признаке субъекта: *Jean est affligeant*; 3) **модель, выражающая отношение субъекта к объекту**: *Jean s'attriste de la voir partir*; 4) **модель с общим общим значением каузации отношения**: *Sa conduit nous chagrine*. В русском и французском языках названные модели располагают рядом модификаций: 1) грамматические модификации: *Я грущу - Я грустил - Я буду грустить - Не грусти! Je m'attriste, Je me suis attristé*; 2) структурно- семантические модификации: а) фазисные реализации: *После расставания с женой он начал грустить*; б) модальные реализации: *Вам должно быть сейчас очень грустно в чужой стране. Jean peut s'attrister de son depart*; 3) модификации расщепления: *Я грущу – Я испытываю грусть – У меня грустное настроение*; 4) особая модификация типа синекдохи: *Я грущу – Душа моя грустит – На душе грустно*.

Итак, по данным словарей и текстов концепт «*печаль*» представим в виде обобщающей таблицы.

Таблица № 4

Концепт «печаль» в русской и французской языковых картинах мира по данным словарей и отдельных высказываний

	Русский язык	Французский язык
Предикат Глаголы	10 синонимов различаются семами степени интенсивности	9 синонимов, различающихся семами степени интенсивности
прилагательные	5 синонимов близки по значению, но печальный с сильным указанием на чувство душевной горечи	4 синонима со значением скорби, горести; 1 синоним (maussade) со значением унылый, хмурый
существительные	7 синонимов различаются по содержанию (тоска – болезнь, уныние – безнадежность); семами причины возникновения эмоции и градации признака. Тоска отражает специфику «русской ментальности», относится к безэквивалентной лексике	6 синонимов, различающихся семами градации признака и причины возникновения эмоции
фразеологические единицы	<i>Соматический код:</i> голова, нос; <i>биоморфный:</i> кошки; <i>предметный:</i> нож; <i>словосимвол</i> (душа), <i>образ христианства:</i> чаша.	<i>Соматический код:</i> сердце; <i>предметный:</i> дверь, ночной колпак, тюремная дверь; <i>образ-эталон:</i> смерть, день без хлеба, день после праздника; <i>цветовые ассоциации:</i> chagrin noir
паремии	негативное воздействие на субъект, религиозный способ избавления от печали	бессмысленность и непрактичность переживание печали, советы избавления от печали, оперирование понятием «пицца», у жены моряка жизнь печальна
Субъект	личные местоимения, имена собственные, имена нарицательные	личные местоимения, имена собственные, имена нарицательные
Причина	выражается эксплицитно и имплицитно	выражается эксплицитно
оценка	Отрицательная и положительная (<i>приятная грусть, сладкая грусть</i>)	отрицательная
степень интенсивности	печаль, уныние – самые сильные; печаль – двойко (сильная и не очень), грусть-слабее.	Deuil, safarad – глубокая печаль, Tristesse, chagrin, peine – просто печаль

степень длительности	самая длительная – тоска; кратковременная - грусть	самая длительная - deuil
внешние проявления и поведение субъекта	тусклый взгляд, взгляд вниз, напряжение, неподвижность, опущение плеч, плач	блennyй цветлица, тусклый взгляд, распухшие от слез глаза, плач, неподвижность
Модели предложений	глагольная, наречно-предикатная, субстантивная, адъективная, метафорическая и их модификации	двусоставная глагольная, модель с именным сказуемым со значением квалификации субъекта, модель со значением отношения субъекта к объекту, модель со значением каузации отношения и их модификации

2.3. Концепт «страх» в русской и французской языковых картинах мира

В Толковом словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой эмоция страха определяется как «состояние сильной тревоги, беспокойства от грозящей или ожидаемой опасности, боязнь, ужас» [ТС, 1995: 437]; во французском словаре Petit Larousse страх – это чувство беспокойства, волнения, от ожидаемой опасности, боязнь, ужас [Petit Larousse, 1980: 693]. Концепт «страх» образует фрейм-пропозицию со следующими **обязательными компонентами**: 1) предикат; 2) субъект; 3) причина и **факультативными компонентами**: оценка, степень интенсивности переживания эмоции, неконтролируемость эмоции, психосоматические изменения в субъекте, внешние симптомы переживания эмоции и поведение субъекта в состоянии страха. Рассмотрим ядерный компонент фрейма-пропозиции – **предикат**. Страх обозначается разными видами предикатов, в первую очередь **глаголами**. ССРЯ дает следующий синонимический ряд с доминантой «бояться»: *пугаться, страшиться, опасаться, трусить, робеть, ужасаться, паниковать, трепетать, дрожать*. Все приведенные синонимы имеют свои оттенки значения. Глагол *бояться* означает «испытывать чувство страха, боязни. Глагол *ужасаться* указывает на то, что чувство страха является временным и вызывается неожиданными внешними причинами. Глаголы *ужасаться, страшиться* управляют родительным и дательным падежами: *Он вдруг ужаснулся мысли о разлуке (Шукин)*. Глагол *робеть* означает

«испытывать робость»: *Он всякий раз робел, когда встречал Таню (Сомойлов)*. Согласно НОССРЯ, данные глаголы допускают позицию субъекта и причины: *Он очень испугался лая собаки (В. Шукшин)*. Согласно словарю NDS в синонимический ряд включены глаголы с семантикой «страх» с доминантой *avoir peur*: *craindre, redouter, avoir peur, avoir horreur, s'éprouvanter, appréhender*. Согласно словарю R, глагол *avoir peur* обозначает «испытывать страх, часто по малодушию, не только перед лицом опасности, но и при мысли о ней», управляет предлогом *de*: *avoir peur de qn, de qch (J'ai peur du bruit)*. Глагол *avoir horreur* обозначает «испытывать страх перед чем-либо омерзительным, ужасным». Глагол *craindre* имеет значение «испытывать страх перед кем-либо, чем-либо при мысли о вероятной, более или менее реальной опасности», *appréhender* означает «испытывать неясный страх, предчувствуя возможную опасность», *s'éprouvanter* обозначает «страх – удивление». Для всех перечисленных глаголов сочетаемость с формами субъекта является обязательной. Субъект выступает в формах существительного и местоимения в разных лицах и числах, образующих с предикатом синтаксическую конфигурацию, «кто-то боится»: *La fille craint (R); Nous avons peur (R)*. Все анализируемые предикаты допускают при себе позицию со значением причины: *Nous avons peur parce que (puisque, pour, à cause de) (R)*. (*Мы боимся потому, что; по причине того, что*).

В русском и французском языках часть глаголов страха могут содержать сему «каузативность». В русском языке представлены следующие каузативные глаголы: *пугать, страшить, припугивать, ужасать*, например, *Растерзанный конь до смерти испугал Ивана (В. Шукшин)*. Во французском языке группу каузативов со значением страха составляют глаголы: *effrayer, éprouvanter, effaroucher*. Значение каузативности может выражаться словосочетанием *faire + N (faire peur)*, например, *L'orage fait peur l'enfant (R)*. Согласно В.Г. Гаку, такие словосочетания, как *faire peur* используются из-за недостаточности соответствующих средств словообразования [Гак,

2000: 622]. В русском и французском языках предикаты каузации связаны с субъектом – лицом: *Этот человек меня испугал. Cet homme m'a fait peur.*

Второй по объему группой предикатной лексики страха в русском и французском языках являются **прилагательные**. В русском языке имеются две семантические группы прилагательных, одна из них сочетается с компонентами причины: *страшный, ужасный, жуткий*. Например, *В больших лесах всегда есть что-то таинственное, жуткое (Арсентьев)*. Для другой группы прилагательных характерны свойства личности, которые возникают в контактах с другими людьми: *боязливый, пугливый, робкий, несмелый, трусливый*. Во французском языке также имеются две семантические группы прилагательных. Согласно словарю R, прилагательные *peureux, froussard, craintif* указывают на страх, трусость как свойство субъекта, например, *Un enfant peureux* –боязливый ребенок. Прилагательное *timide*, как и в русском языке *робкий*, указывает на свойства личности, которые возникают в контактах с другими людьми. Эти прилагательные соединяются с глаголом – связкой *être, devenir: il est craintif*. Прилагательные *terrible, horrible, effrayant, affreux* сочетаются с компонентами причины: *Un événement terrible*.

Следующей группой предикатной лексики с семантикой страха являются **существительные**. ССРЯ представляет синонимический ряд с доминантой *страх: боязнь, испуг, ужас, трепет, паника*. Согласно НОССРЯ, *испуг* связывается с внезапным ощущением опасности, например, *Неожиданно хлопнула дверь. Она вздрогнула от испуга. Ужас* возникает, когда человек сталкивается с чем-то чудовищным: *Зрелище казни наводит ужас на всякого человека (Л.Сидоров)*. Словарь NDS дает следующий ряд субстантивных номинаций с доминантой *peur: effroi, crainte, terreur, épouvante, angoisse, panique, frayeur, horreur, effarement*. Словарь R отмечает, что *frayeur* – «сильный, часто быстро проходящий страх, вызванный реальной или воображаемой опасностью», например, *J'ai les frayeurs les ridicules, j'ai peur d'être quittée, je tremble d'être vieille et laide (Balzac)*. Существительное

épouvante означает сильный страх, который вызван непониманием, это страх-удивление: *J'étais paralysé par la terreur, j'étais ivre d' épouvante, prêt à hurler, prêt à mourir* (G. Moupassant). Существительное *horreur* означает «ужас, связанный с оценкой и отвращением». У существительного *horreur* нет прямого аналога в русском языке. В смысловую структуру русских существительных не входит семантический компонент «отвращение»: *Je suis pâle d'horreur*. Существительное *angoisse* состоит из двух элементов значения: страх и тревога. Причина, вызывающая этот страх, всегда глобальная, касается жизненно важных для человека сфер, например, *Il pense à l'avenir avec angoisse* (A. France). Понятие *angoisse* не имеет точного русского эквивалента и отражает понятие экзистенциального страха, получившего философско-культурную разработку. Согласно лингвострановедческому словарю «Франция» под ред. Л.Г. Ведениной, *angoisse* означает метафорическое беспокойство человека перед иррациональностью его удела, абсурдностью его жизни, это тревога, постоянно преследующая человека и связанная со всеобщим кризисом религиозной веры и крахом социальных структур [Веденина, 1997].

СЭРЯ приводит словосочетания с лексемой «страх», характеризующие *длительность страха* (вечный, беспрестанный, давний, продолжительный), *антропоцентрические черты* (поющий, мелочный, тоскливый, угрюмый, покорный, прилежный, детский), *зооморфные черты* (звериный, животный, волчий, зоологический, лохматый), *страх как холод* (холодный, лютый, леденящий). DGLF приводит словосочетания с лексемой «страх», характеризующие в основном *силу или величину страха* (*augmentée, grande, immense, extrême*). Есть индивидуальные эпитеты, например, *peur blême, ridicule*. В русском и французском языках страх мыслится как некое враждебное существо: *страх захватывает, нападает, душит, парализует человека; la peur prend, gagne, saisit*. Данные метафорические ряды отражают концептуализацию страха говорящих.

РАС связывает переживание страха со следующими ассоциациями: *смерть, позор, сон, кошмар, приведение, страдание.*

ФСРЯ дает следующий ряд ФЕ с семантикой страха: *душа в пятки уходит, бояться как черт ладана, дрожать как заяц, трястись как осиновый лист: У бурлаков душа в пятки ушла от страха (Садовников).* Внутренняя форма ФЕ содержит такие коды культуры, как соматический: *с замиранием сердца, глаза на лоб лезут, волосы дыбом становятся;* биоморфный: *дрожать как заяц.* Фразеологический состав русского языка с семантикой страха содержит другие источники культурной интерпретации: 1) слова-символы: *душа в пятки ушла* (значение слова *душа* сохраняет свое символическое прочтение «орган жизнедеятельности»), *сердце замирает, сжимается* (сердце – орган чувств); 2) мифы, поверья: *бояться как черт ладана.* НБФРФС дает синонимический ряд: *avoir la peur au ventre, être galopé par la peur, peureux comme un lièvre.* Внутренняя форма ФЕ с семантикой страха содержит культурные коды: 1) соматический : *avoir le sang glacé, glacer (figer) le sang dans les veines, avoir la peur au ventre ;* 2) биоморфный: *peureux comme un lièvre,* 3) мифологический код: *avoir une peur du diable.* Фразеологический состав с семантикой страха французского языка содержит другие источники культурной интерпретации: 1) слова-символы: *avoir les foies blancs* (печень во французской культуре рассматривалась как символ храбрости, а ее обесцвечивание интерпретировалось как признак страха); 2) образ-эталон: *peureux (poltron) comme la lune* (трусливый как луна), *craindre comme la peste* (бояться как чумы). К источникам народной интерпретации эмоций относится паремиологический фонд. Русские пословицы с семантикой страха выражают: 1) значение поучения: *Никого не бойся, только Бога бойся!; Не смигни, так и не страшно; Лучше бояться, чем не бояться;* 2) гиперболизацию причины страха: *У страха глаза велики.* Во французском языке пословицы с семантикой страха выражают: 1) силу, могущество страха: *La peur a bon pas; La peur donne des ailes;* 2) нецелесообразность переживания страха: *Il n'y a pas de médecin de la peur; On ne guérit pas de la*

peur; Qui a peur des feuilles ne va point au bois ; 3) гиперболизацию причины страха: La peur grossit les objets.

В русском и французском языках страх содержит **оценку** с отрицательным значением, например, *Вдруг мною овладело чувство страха (Чехов); Une terreur profonde me tenait (Maupassant).*

Фрейм-пропозиция страха включает в себя факультативный компонент **«степень интенсивности эмоции»**. Согласно НОССРЯ, *испуг* и *страх* сильнее, чем *боязнь* и *робость*, но слабее, чем *ужас* и *жуть*. Согласно словарю Dictionnaire général de la langue française эмоция *peur* сильнее, чем *crainte*, но слабее, чем *effroi, horreur, terreur*. Когда страх охватывает человека полностью, используется предикат *охватить* в русском языке и *saisir* (охватить) во французском: *Меня охватил ужас, точно меня против воли бросили в эту большую, полную сумерек яму (А.П. Чехов); L'horreur a saisi un des gendarmes (G. Maupassant).* Интенсивность страха, его изменение обозначается интенсификаторами. В русском языке – *очень, слишком, сильно: Он очень сильно испугался.* Во французском языке - усилительными наречиями: *très, bien, fort, beaucoup*. В отличие от русского языка во французском языке предикат страха сочетается с прилагательными цветообозначения *noir, bleu*, которые имеют значение степени интенсивности. Факультативный компонент фрейма-пропозиции «степень интенсивности эмоции» актуализирует другой компонент – **«психосоматические изменения в субъекте»**. Все люди от страха бледнеют, в зависимости от степени интенсивности переживаемой эмоции бледность может приобретать разные оттенки: зеленый, синий. От страха холодеют, например: *Мурашки пробежали по его спине, он весь похолодел от страха (А.П. Чехов). Une horreur profonde a glacé mon âme, je sentais se glisser dans mes os la peur (G. Maupassant).* Испуганное сердце бьется быстро и беспорядочно, поэтому и кажется, что оно «сжимается», «дрожит», у русских «сердце замирает», французам «его просто не хватает» (*le coeur me manque*). От страха можно получить «разрыв сердца». Французское

сердце представляется более прочным «на разрыв» и гораздо менее подвижным, чем русское, способное *уйти в пятки*. Французы могут «*взять сердце обеими руками*» (*prendre son coeur à deux mains*), т.е. подавить в себе внутреннюю дрожь.

Во фрейм-пропозицию страха входит факультативный компонент «**внешние проявления эмоции**». В состоянии страха мимика человека может быть выражена метафорически: *Les yeux lui sortaient de la tête (Maupassant); Лодочник смотрел на него с округлившимися от страха глазами, из которых вдруг закапали крупные слезы (В. Шукшин).*

Страх по природе произволен и иррационален. Ему сопутствуют **неконтролируемые действия**. В состоянии очень сильного страха человек может убежать, закричать, спрятаться: *Я как сумасшедший рванул с места и, не отдавая себе отчета, побежал, стараясь бежать быстрее и быстрее (А.П. Чехов); Le jeune homme, fou d'épouvante s'élança de toute sa vitesse à travers le bois (G. Maupassant).*

Вторым обязательным компонентом фрейма-пропозиции является **субъект**, который выражен 1) личным местоимением: *Первые месяцы я очень боялась тайги, мне казалось, что я заблужусь, попаду в пургу (Арбузов); J'ai eu belle peur (G. Maupassant); 2) именем собственным: Николай Балеев немного робел перед Анечкой и затруднялся говорить с ней (Гладков); Jean a éprouvé la vraie peur, la hideuse peur (G. Maupassant); 3) именем нарицательным: Душа дрожит от страха, глядя на тебя (В. Шукшин); L'âme a frémi de peur (R).*

Третий обязательный компонент фрейма-пропозиции – **причина** страха, которая может быть обозначена как осознанная или неосознанная: *Первый, настоящий страх, от которого шевелились мои волосы и по телу бегали мурашки, имел своей причиной ничтожное, но странное волнение (А.П. Чехов); Cet orage me secoue les nerfs et je commence à trembler (G. Maupassant).* Отсутствие причины также эксплицируется: *В последнее время*

он испытывал внутренний беспричинный страх (Ф. Достоевский); *Il a éprouvé la peur de l'inconnu* (G. Maupassant).

В русском языке существуют следующие базовые модели с семантикой страха: 1) **глагольная**: *Я боюсь*; 2) **наречно-предикатная**: *Мне страшно*; 3) **адъективная**: *Он страшный*; 4) **предложно-надежная**: *Он в ужасе*; 5) **причастная**: *Он испуган*; 6) **метафорическая**: *Страх охватывает его*.

Во французском языке имеются следующие базовые модели с семантикой страха: 1) **номинативное предложение**, которое выражает характеристику ситуации: *Quelle horreur!* 2) **предложение с именным сказуемым**, в котором общее значение – квалификация субъекта: *Il est peureux*; 3) **двусоставное глагольное личное предложение**, в котором общее значение – выражение состояния субъекта: *Pierre a peur*; 4) **модель со значением отношения субъекта к объекту**: *L'enfant a peur du chien*; 5) **модель с общим значением – каузация отношения**: *Tu m'a fait peur*.

В русском и французском языках структурно-семантические модели предложений располагают рядом модификаций: 1) **грамматические**: *Я боюсь, я боялся, я буду бояться; J'ai peur, j'ai eu peur, j'aurai peur*; 2) **модальные**: *Вам должно быть страшно находиться в этом доме; L'enfant peut avoir peur du bruit*; 3) **модификация расщепления**: *Я боюсь – Я испытываю страх; J'ai peur – J'éprouve la peur*.

Итак, по данным словарей и текстов концепт «**страх**» представим в виде обобщающей таблицы.

Таблица № 5

Концепт «страх» в русской и французской языковых картинах мира по данным словарей и отдельных высказываний

	Русский язык	Французский язык
Предикат Глаголы	9 синонимов, различающихся семами причины и степени интенсивности.	6 синонимов, различающихся семами степени интенсивности, по содержанию (страх-отвращение, страх-непонимание).

Прилагательные Существительные	8 синонимов сочетаются с компонентами причины и свойств личности.	7 синонимов сочетаются с компонентами причины и свойств личности.
	5 синонимов, различающихся по степени интенсивности.	10 синонимов, различающихся по реальности/нереальности причины возникновения эмоции, по содержанию страха. Эмоция <i>angoisse</i> отражает понятие экзистенциального страха, получившего философско-культурную разработку.
Фразеологические единицы	Характерные черты <i>соматического кода</i> : сердце, глаза, волосы; <i>биоморфного кода</i> : заяц; <i>слова-символы</i> : душа; <i>поверья</i> .	<i>Соматический код</i> со словом «кровь»; <i>биоморфный код</i> : заяц; <i>мифологический код</i> : черт; <i>образ-эталон</i> : «трусливый как луна».
паремии	Значение поучения, гиперболизация причины страха	Сила, могущество страха, нецелесообразность переживания страха, гиперболизация причины страха
Субъект	личные местоимения, имена собственные, имена нарицательные.	Личные местоимения, имена собственные, имена нарицательные.
Причина	выражается ксплицитно и имплицитно	выражается эксплицитно и имплицитно
оценка	отрицательная	отрицательная
+ (-) контроль над эмоцией	неконтролируемость	неконтролируемость
Степень интенсивности	<i>Ужас, жуть</i> -сильные эмоции, <i>страх, испуг</i> -слабее.	Сильные эмоции - <i>effroi, horreur, terreur</i> , слабее - <i>peur, crainte</i> .
интенсификаторы	Очень, слишком, сильно.	Наречия <i>très, bien, fort, beaucoup</i> , цветовые ассоциации: <i>noir, bleu</i> .
Психосоматические проявления	Сердце замирает, в пятки уходит; страх как холод	«сердца не хватает», «взять сердце обеими руками»; страх как холод
Внешние проявления и поведение субъекта	Изменение цвета лица; мимика; стремление убежать, закричать, кричать	Изменение цвета лица; мимика; стремление убежать, спрятаться, кричать
Модели предложений	Глагольная, наречно-предикатная, адъективная, предложно-падежная, причастная, метафорическая и их модификации	Номинативная, двусоставное глагольная, модель со значением квалификации субъекта, модель со значением отношения субъекта к объекту, модель со значением каузации и их модификации

2.4. Концепт «гнев» в русской и французской языковых картинах мира

В Толковом словаре С.И. Ожеговой, Н.Ю. Шведовой гнев определяется как «чувство сильного возмущения, негодования» [ТС, 1995: 13], во французском словаре Petit Larousse гнев – это «сильное недовольство, сопровождающееся агрессией, сам приступ гнева» [Petit Larousse, 1980: 204].

Концепт «гнев» образует фрейм-пропозицию со следующими **обязательными компонентами**: 1) предикат, 2) субъект, 3) причина и **факультативными компонентами**: оценка, степень интенсивности переживания эмоции, плюс/минус контроль над эмоцией, внешние симптомы эмоции и поведение человека в состоянии гнева. Рассмотрим ядерный компонент фрейма-пропозиции – **предикат**. Гнев обозначается разными видами предикатов, в первую очередь **глаголами**. ССРЯ представляет синонимический ряд с доминантой «сердиться»: *злиться, злобствовать, лютовать, негодовать, кипятиться, бурлить, свирепствовать, беситься, возмущаться, разъяриться, разозлиться, взорваться*. Согласно НОССРЯ, глаголы “возмущаться”, “негодовать” обозначают чувства, имеющие моральную подоплеку: *Когда он лежал под кроватью и возмущался ходом вещей на свете, он среди прочего думал об изменении фамилии (Б.Пастернак)*. Глаголы “разозлиться, разъяриться” предполагают постепенное нарастание чувств. Синоним “разъяриться” может описывать солидарную эмоцию, которая охватывает сразу многих людей: *При появлении милиционеров со щитами и дубинками толпа страшно разъярилась (П.Колесников)*. Глагол “взорваться” указывает на мгновенный скачок недовольства какой-то ситуацией до такой степени, что субъект оказывается не в состоянии его сдерживать: *Очередь долго терпела хамства продавца, но при его новой грубости взорвалась (П.Колесников)*. Согласно словарю NDS в синонимический ряд с доминантой *se fâcher (сердиться)* включены глаголы: *s'emporter, s'irriter, se vexer, s'indigner, enrager, être en colère*. Все члены синонимического ряда подчиняют слова и группы слов,

обозначающие причину эмоции. Согласно словарю R глагол *se fâcher* (сердиться) обозначает эмоциональное состояние, которое возникает под действием любого факта, который способен вызвать недовольство, за которым стоит или угадывается конкретный виновник. Глагол *se fâcher* управляет предлогами *de* и *contre*: *Il se fâche de tout.[R]; Alain s'est fâché contre son ami. [R]*. Глагол *s'indigner* обозначает «негодовать по поводу чего-либо, возмущаться чем-либо» и имеет моральную подоплеку, управляет предлогом *de*: *Il s'indigne de votre conduite (Он возмущается вашим поведением)*. Глагол *enrager* обозначает сильную эмоцию «взбеситься». В русском и французском языках глаголы с семантикой «гнев» содержат сему «каузативность». НОССРЯ дает синонимический ряд каузативных глаголов с семантикой «гнев»: *сердить, возмущать, взорвать, злить, бесить, разъярить, разозлить*. Словарь NDS дает синонимический ряд каузативных глаголов с семантикой гнева: *fâcher, mettre en colère, indigner, irriter*. В русском и французском языках предикаты каузации связаны с субъектом: *Петр сильно разозлил брата; Ce garçon m'a fâché*.

Второй по объему группой предикатной лексики со значением «гнев» в русском и французском языках являются **прилагательные**. ССРЯ дает следующий синонимический ряд прилагательных с семантикой гнева: *злой, яростный, гневный, раздраженный, разъяренный, взбешенный*. Все названные синонимы различаются по степени интенсивности. Прилагательное «*взбешенный*» обозначает сильное чувство возмущения, гнева, когда его нельзя сдержать и обуздать: *Граф, красный, взбешенный, бросился на него, словно цепная собака (Короленко)*.

Словарь NDS дает следующий синонимический ряд прилагательных с семантикой гнева: *coléreux, furieux, irritable, irascible, emporté, violent, agressif*. Прилагательное *furieux* обозначает сильную эмоцию гнева, которую нельзя сдержать: *Il avait un regard furieux*.

Следующей группой предикатной лексики гнева являются **существительные**. ССРЯ дает следующий синонимический ряд

существительных с семантикой гнева: *гнев, ярость, злость, бешенство, раздражение*. Существительное *гнев* обозначает состояние и чувство сильнейшего негодования и возмущения, *ярость* – сильный гнев, *бешенство* – сильнейший гнев, проявляющийся с необузданной силой. Гнев может перерасти в ярость или в бешенство, но не наоборот: *Князь вдруг закричал, он был в сильном раздражении, доходившем до бешенства* (Ф. Достоевский). Словарь NDS представляет ряд субстантивных номинаций: *colère, fureur, furie, rage*. Согласно словарю R, слово *colère* обозначает «сильное недовольство, сопровождающееся агрессией», слово *fureur* определяется как безумие, толкающее на жестокость, слово *rage* обозначает крайне сильное состояние гнева. Основное отличие между словами *rage* и *fureur* заключается в том, что в существительном *fureur* акцент делается на безумии и жестокости, в слове *rage* – на бешенстве, то есть особенном животном проявлении этого состояния: *Une rage le prenait contre son père, cet homme qui se trompait si lourdement*.

Словарь ФСРЯ дает ряд ФЕ с семантикой гнева: *приходить в бешенство, доходить до белого каления, выходить из себя, рвать и метать, зверь просыпается в ком-либо: От последних слов официанта посетитель дошел до белого каления*. (В. Шукшин). Внутренняя форма ФЕ с семантикой гнева содержит коды культуры: 1) соматический код: *под горячую руку, наливать кровью, сверкать глазами*; 2) предметный код: *лезть на стенку*; 3) мифологический код: *метать громы и молнии*. Фразеологический состав русского языка содержит другие источники интерпретации: 1) слова-символы, получающие символическое прочтение: *быть не в духе*; 2) образ-эталон: *злой как собака*; 3) мифы, поверья: *метать перуны* (по древним верованиям Перун ездил по небу в колеснице и пускал огненные стрелы – молнии, которые также назывались перунам). НБФРФС дает следующие ФЕ с семантикой гнева: *avoir le sang chaud, échauffer la bile à qn, un paquet de nerfs, avoir la tête près du bonnet, s'emporter comme une soupe au lait*. Внутренняя форма ФЕ с семантикой гнева содержит следующие культурные

коды: 1) биоморфный код: *un mauvais chien*; 2) предметный код: *méchant comme la grêle*; 3) мифологический код: *avoir le diable au corps*; 4) соматический код: *allumer la bile, avoir (faire) de la bile, avoir le sang chaud, se faire du mauvais sang*. Во французском языке в отличие от русского внутренняя форма ФЕ с семантикой гнева содержит соматизм *желчь*. Фразеологический состав французского языка содержит другие источники культурной интерпретации: 1) поверья, предания, например, в основе выражения *marcher sur une mauvaise herbe* (*сердиться, быть не в духе*) лежит старинное поверье о чудодейственной силе трав; 3) образы-эталоны, основанные на сравнении: *méchant comme un âne rouge* (*злой как рыжий осел*), *méchant comme une gale* (*злой как чесотка*), *méchant comme une teigne* (*злой как лишай*), *s'emporter comme une soupe au lait* (*выйти из себя, вскипеть как молочный суп*). Данные сравнения отражают одну из особенностей мировидения носителей французского языка. В отличие от русского языка во французском есть ФЕ, содержащие прилагательные *rouge* (красный), *noire* (черный), которые имеют значение степени интенсивности: *se fâcher tout rouge, voir rouge* (*рассвирепеть, дойти до белого каления*).

Особый интерес представляют паремиологические речевые единицы. В русских пословицах «*Злой не верит, что есть добрые люди*», «*Добрый скорее дело сделает, чем сердитый*» гнев четко противопоставлен такому понятию, как «добро». Согласно пословицам «*Во зле жить – по миру ходить*», «*Не сердись, печенку испортишь*», «*На сердитых воду возят*», «*Сердито – неумно, а хлопотливо – несбойливо*», переживание гнева наносит вред здоровью, показывает его неразумность, нецелесообразность. В пословице «*Кто гнев свой одолевает, крепок бывает*» одобрительно оценивается поведение человека, сумевшего победить гнев, что само по себе нелегко, так как это требует определенных волевых усилий. Согласно французским паремиям *Courroux est vain sans forte main, Un chien hargneux a toujours l'oreille déchirée, Qui se fâche a tort, La colère est mauvaise*

conseillère, переживание гнева иррационально, сопротивляться этой эмоции не могут лишь слабые духом люди.

СЭРЯ выделяет словосочетания с лексемой «гнев», характеризующие *антропоцентрические черты* (глухой, правдивый, ревнивый), *зооморфные черты* (буйный, звериный, бешенный), *гнев как пламя* (пламенный, воспаленный), *гнев как жидкость* (излить свой гнев, выплеснуть свой гнев).

DGLF приводит словосочетания с лексемой “гнев”, характеризующие *антропоцентрические черты* эмоции: *une colère aveugle, impuissante, juste, terrible*. Гнев может быть слепым, бессильным, справедливым, страшным.

РАС связывает переживание гнева со следующими ассоциациями: божий гнев, ненависть, злость. Что касается слова «ярость», то оно, по мнению В.Н.Топорова, имеет ассоциации с грибной ярью: «Грибная ярь - бель, семя или зародыши под старыми грибами в грибных гнездах. Ассоциация яри с грибным семенем, а также тот факт, что грибы во многих культурах представляются символами мужского детородного органа, позволяет сделать вывод о том, что первоначально ярость мыслилась исключительно как мужское качество» [Топоров, 1976: 72].

Фрейм-пропозиция гнева имеет факультативный компонент **«оценка»**. Номинации гнева в русском и французском языках могут выражать отрицательную оценку, так как в самом гневе преобладают отрицательные характеристики: *Но лишь только он услышал ее крик, безумная ярость сверкнула в его глазах (Ф.Достоевский); Je travaille. Des enfants font du bruit. Je m'énerve et, un moment je me lève, plein de fureur, comme pour les broyer. Mais je pique une petite colère et c'est fini [Lanoux]*.

Факультативный компонент фрейма-пропозиции «оценка» актуализирует компонент **«плюс/минус контроль»**. Очень часто человек в состоянии гнева не контролирует себя: *Мой гнев был настолько дик и неумерен, что я ничего не соображал (А.Макаренко). Le prêtre se leva, frémissant: 'Vous êtes indigne de la miséricorde de Dieu!'* (Maupassant). Эмоциональное состояние гнева может рассматриваться как контролируемое, если субъект воздействует на

свои чувства волевыми усилиями: *Я был в ярости, но очень быстро овладел собой (В.Шукишин); Il a retenu sa colère et n'a rien répondu.*

Характерной особенностью предикатов эмоционального состояния гнева является их способность к **интенсификации**. В русском языке на шкале интенсивности эмоций имеются следующие зоны: а) слабая степень – *раздражение*, б) сильная степень – *гнев*, в) очень сильная – *ярость, бешенство*. Гнев может охватить человека полностью: *Его полностью охватил гнев, в голове у него все перемешалось (И.Тургенев)*. Во французском языке сильная степень гнева- *fièvre* и *rage*.

Гневу сопутствуют произвольные **внешние проявления эмоции и поведение субъекта в состоянии гнева**. Мимика человека в состоянии гнева может быть выражена метафорически: глаза сверкают от гнева, глаза метают громы и молнии, сурово насупить брови: *Лицо ее нахмурилось. Брови сдвинулись над глазами (Ф. Достоевский)*. Субъект в состоянии гнева может хмурить брови, морщить лоб, делать грозное лицо, водить бровями, сузить глаза: *И когда однажды директорша намекнула ему, что хорошо бы пристроить его сестру за такого солидного человека как Беликов, то он нахмурился и проворчал (Чехов)*. Во французском языке мимика человека в состоянии гнева также может быть выражена метафорически: *Lord Fontleroy roulait des yeux injectés de sang*. Субъект в состоянии гнева может показать кулак, стукнуть кулаком по столу, топтать ногами, махать руками и т.д. *Чудик сильно разозлился и стукнул кулаком по столу (Шукишин); В гневе он начал грозно махать руками перед ее глазами (Ермолаева); “Morbleu!” - s'écria-t-il en tapant sur l'accousoir (Sagan)*.

Второй обязательный компонент фрейма-пропозиции – **субъект**, который выражен: 1) личным местоимением: *Он рассердился, что дети ушли, не спросив у него разрешения (В.Шукишин); Il s'en alla, si furieux que tout son corps tremblait [Maupassant]; 2) именем собственным: Раскольников ужасно разозлился; ему вдруг захотелось как-нибудь оскорбить этого жирного франта (Ф.М. Достоевский); Alain est en fureur à cause de sa mauvaise*

conduite (Sagan); 3) именем нарицательным: Толпа разъярилась и бросилась на него (В. Шукшин); Une foule fâchée s'est élançé sur lui [Sagan].

Третий обязательный компонент фрейма-пропозиции – **причина**, которая в большинстве случаев выражена эксплицитно: *Очень часто Конон сердил ее своею бестолковостью (Салтыков-Щедрин); Il est furieux d'avoir manqué le train [Sagan].*

Номинации гнева в зависимости от их функционального содержания реализуются компонентами синтаксических структур. В русском языке существуют базовые типы моделей с семантикой гнева: **1) глагольная: Я гневаюсь; 2) причастная: Он гневен; 3) предложно-падежная: Он в гнев; 4) адъективная: Он гневный.** Назовем следующие базовые типы моделей с семантикой гнева во французском языке: **1) двусоставное глагольное предложение**, в котором общее значение – выражение состояния и чувства субъекта: *Jean se fâche; 2) предложение с именным сказуемым*, сообщающее о признаке субъекта: *Jean est fâché; 3) модель, которая выражает отношение субъекта к объекту: Jean est en fureur à cause de la mauvaise nouvelle; 4) модель с общим значением «каузация отношения»: Le fils a fâché Jean.*

Названные русские и французские модели располагают целым рядом модификаций: **1) грамматические модификации: Я разгневался. Не гневайся и не дивись! (А.Блок); Je me fâche; Je me suis fâché; 2) структурно-семантические модификации: а) фазисные реализации: Он вдруг начал сильно гневаться, услышав насмешки от друзей (Л.Крымов); б) модальные реализации: -Не будем критиковать его, так как он может сильно разозлиться (В.Шукшин). Il peut se fâcher; 3) модификации расщепления: Я сильно разгневался – Я испытываю гнев – Я был в сильном гнев; 4) модификация типа синекдохи: Он весь дрожит от гнева. Гнев охватил его; Il tremble de colère.**

Итак, по данным словарей и текстов концепт «гнев» представим в виде обобщающей таблицы

Таблица № 6

Концепт «гнев» в русской и французской языковых картинах мира по данным словарей и отдельных высказываний

	Русский язык	Французский язык
Предикат глаголы	13 синонимов, различающихся семами причины, степени интенсивности, продолжительности	7 синонимов, различающихся семами степени интенсивности
прилагательные	6 синонимов, различающихся семами степени интенсивности	6 синонимов, различающихся семами степени интенсивности
существительные	5 синонимов, различающихся семами степени интенсивности	4 синонима, различающихся семами степени интенсивности
Фразеологические единицы	<i>Соматический код:</i> глаза, кровь, рука; <i>предметный:</i> стена; <i>мифологический:</i> громы и молнии; <i>слова-символы:</i> дух; <i>образ-эталон:</i> собака; <i>поверья.</i>	<i>Соматический код:</i> кровь, желчь; <i>предметный:</i> град; <i>биоморфный:</i> собака; <i>образ-эталон:</i> злой как чесотка, град, лишай, вскипать как молочный суп; <i>поверья.</i>
паремии	Гнев противопоставляется добру, нецелесообразность, вред гнева, одобрение преодоления гнева	Иррациональность переживания гнева, одобрение преодоления гнева
Субъект	Личные местоимения, имена собственные, имена нарицательные	Личные местоимения, имена собственные, имена нарицательные
Причина	выражается эксплицитно	выражается эксплицитно
оценка	отрицательная	отрицательная
+(-) контроль над эмоцией	Контролируемость и неконтролируемость	Контролируемость и неконтролируемость
Степень интенсивности	Очень сильные – ярость, бешенство; сильные – гнев; слабые- раздражение	Очень сильные – rage, fureur; сильные - colère
Внешние проявления и поведение субъекта	Мимика; действия: топтать ногами, стучать кулаком, кричать	Мимика, действия: стучать кулаком, топтать ногами, кричать
Модели предложений	Глагольная, причастная, предложно-падежная, адъективная и их	Двусоставная глагольная, модель с именным сказуемым со значением квалификации

	модификации	субъекта, модель со значением отношения субъекта к объекту, модель со значением каузации отношения и их модификации
--	-------------	---

2.5. Концепт «удивление» в русской и французской языковых картинах мира

Эмоция удивления определяется в филологических словарях, как «впечатление от чего-нибудь неожиданного, странного, непонятного» [ТС, 1984:717], как «неожиданность, вызванная внезапностью, это впечатление от чего-то непонятного, странного» [Petit Larousse, 1980: 361].

Концепт «удивление» образует фрейм-пропозицию со следующими **обязательными компонентами**: 1) предикат; 2) субъект; 3) причина. Во фрейм-пропозицию удивления входят **факультативные компоненты**: оценка; степень интенсивности переживания эмоции; степень контролируемости эмоции; внешние проявления эмоции и поведение субъекта в состоянии удивления. Рассмотрим ядерный компонент фрейма-пропозиции удивления – **предикат**. Удивление обозначается разными видами предикатов, в первую очередь **глаголами**. ССРЯ представляет синонимический ряд с семантикой удивления: *удивляться, изумляться, поражаться, недоумевать, испытывать (выражать) удивление, дивиться (разгов.), дивоваться (простор.), выражать изумление*. Глагол *удивляться* – основное слово для выражения значения: *Федька наивно удивлялся рассказам Дика об его доме (Перов)*. Глагол *изумляться* обозначает «сильно удивляться чему-либо». Глагол *недоумевать* означает «удивляться, не понимая чего-либо и находясь вследствие этого в затруднении, нерешительности, растерянности». Глагол *поражаться* имеет усилительный характер, подчеркивая глубину, силу впечатления, производимого на кого-либо: *Дик не меньше поражался рассказам Федьки*. Ядерные конструкции с названными глаголами распространяются обычно формами: кому – чему-либо, чем-либо,

из-за чего-либо и прямой речью: *Все удивились тому, что...* (*оттого, что; из-за того, что...*). При этом фразы с формой кому-либо являются результатом семантической редукции: *Мы удивились ему* = *Мы удивились его приходу (тому, что он сказал и т.д.)*. Согласно словарю NDS, в синонимический ряд включены следующие глаголы с семантикой удивления: *s'étonner, s'ébahir, trouver étrange, être surpris*. Среди них *s'étonner* – доминанта. Согласно словарю R, глагол *s'étonner* (удивляться) обозначает эмоциональное состояние, которое возникает от чего-либо неожиданного и необычного. Глагол *s'étonner* управляет предлогами *de, à propos de qch* (*удивляться чему-либо, по поводу чего-либо*): *Il s'étonne de tout*. Глагол *s'ébahir* обозначает эмоциональное состояние удивления в сильной степени (изумляться). Все названные предикаты с семантикой удивления допускают при себе позицию со значением причины: *J'ai vu mon ami et me suis étonné. S'étonner que (avec subjonc.) Je m'étonne qu'il ne soit pas venu*. Глаголы с семантикой удивления в русском и французском языках имеют сему «каузативность». Группу каузативов со значением «удивлять» составляют глаголы: *удивлять, изумлять, поражать, дивить, ошеломить, ошарашить (разгов.), огорошить (разгов.)*. Они употребляются в конструкциях *Кто-то (что-то) удивляет кого=либо чем-либо*, допускающих страдательные (редко) и другие конверсные трансформации: *Я удивил его – Он был удивлен мною*. Словарь NDS дает ряд каузативных глаголов с семантикой удивления: *étonner, surprendre, stupéfier, ébahir, ahurir, épater, couper le souffle (le sifflet, la chique) à qqn (fam.), époustoufler, estomaquer, souffler, faire sensation*. Согласно словарю R, глагол *étonner* означает «удивить кого-либо чем-либо необычным», глагол *surprendre* обозначает «удивить чем-либо неожиданным», глаголы *stupéfier* и *ébahir* имеют значение «крайне удивить, поразить чем-либо».

Второй по объему предикатной лексики являются **прилагательные**. NDS дает следующий ряд синонимов с семантикой удивления: *surpris, étonné, saisi, stupéfait / stupéfié, sidéré, ébahi, ébaubi*. Согласно словарю R,

прилагательное *surpris* имеет значение «удивленный чем-либо неожиданным», слово *étonné* обозначает «удивленный (и взволнованный) чем-либо необычным», прилагательное *saisi* означает «крайне удивленный и взволнованный чем-либо неожиданным», в этом значении прилагательное с дополнением не употребляется: *Quand on pénètre dans la chapelle, on demeure d'abord saisi comme en face d'une chose surprenante dont on subit la puissance avant de l'avoir comprise Octave resta saisi. Comment elle avait déjà un mari en vue, et il l'ignorait! (Zola).* Прилагательное *stupéfait (stupéfié)* означает «оцепеневший от удивления»: *La pauvre vieillard, stupéfait de cette brusque attaque, resta pendant un moment immobile (Balzac).* Прилагательное *sidéré (разговор.)* означает «крайне изумленный, пораженный чем-либо неожиданным»: *Son visage changea et elle resta un bon moment immobile, sidérée, à fixer, de ses yeux où il y avait de la terreur, un petit cochon en porcelaine (Simenon).* ССРЯ представляет синонимический ряд прилагательных с семантикой удивления: *удивленный, изумленный, пораженный.* Все эти прилагательные характеризуют человека, его выражение лица, взгляда, исполненного удивления. Прилагательные *изумленный, пораженный* указывают на крайнюю степень удивления: *Всадник spryгнул с коня, и удивленная Полина узнала в нем бывшего квартиранта: Павла Александровича Матюшина (Аждаев).*

Следующей группой предикатной лексики со значением удивления составляют **существительные**. ССРЯ представляет только два синонима с семантикой удивления: *удивление, изумление*. Номинации *удивление* и *изумление* являются одинаковыми по содержанию (по природе каузаторов), различаются семами степени интенсивности. Русским языковым сознанием существительное *удивление* семантизируется как состояние, вызванное сильным впечатлением от чего-либо необычного, странного, неожиданного: *Лучков легко ранил Кистера и, к крайнему удивлению секундантов, бросился к раненому (Тургенев).* Существительное *изумление* имеет усилительное значение, указывая на более сильное впечатление: *Велико же было изумление*

Ушакова, когда он в одно утро не увидел в гавани ни «Женере», ни бригаантины: они ушли, вычернив паруса (Сергеев-Ценский).

Словарь NDS представляет ряд субстантивных номинаций: *étonnement, surprise, stupéfaction, stupeur*. Согласно словарю R, существительное *étonnement* означает «удивление, изумление от чего-либо неожиданного, необычного»: *Quel ne fut pas son étonnement de l'apercevoir dans le jardin*. Существительное *surprise* обозначает «удивление от чего-либо неожиданного». Существительное *stupéfaction* означает «крайнюю степень удивления, изумления, оцепенения»: *Un air de surprise qui devint bientôt de la stupéfaction*. Существительное *stupeur* означает «изумление, остолбенение, ступор». При этой эмоции субъект находится в неподвижном состоянии.

«Словарь сочетаемости слов русского языка» под ред. В.В. Морковкина, П.Н. Денисова позволяет выделить актуальные признаки удивления, характеризующие *антропоцентрические черты* (искреннее, притворное), *степень интенсивности* (сильное, крайнее).

РАС связывает переживание удивления со словами-реакциями: *встреча, близнецы, интерес, событие, фокус, ребенок, восторг, испуг, сюрприз, новизна, восхищение, радость*. Некоторыми респондентами отмечается ассоциация удивления с соматической экспликацией – словом *брови*.

Особый пласт номинаций составляют ФЕ, выступающие в роли предикатов. ФСРЯ дает ряд ФЕ с семантикой удивления. Внутренняя форма большинства ФЕ с семантикой удивления содержит соматический код: *глаза на лоб лезут (полезли) у кого-либо: Иван вдруг бухнул такое, что у Лукашина буквально глаза на лоб полезли (Абрамов); сделать большие глаза (круглые, квадратные): Паспортистка вздрогнула и сделала большие глаза, когда я спросил ее о Ромашове (Каверин); разинуть рот (разгов.): О.А. взял у него книгу ... и стал читать вслух по-китайски, как по-русски. Китаец и рот разинул (Гончаров)*. Фразеологический состав русского языка с семантикой удивления содержит образ-эталон: а) как баран на новые ворота (простор.): *От радости и удивления он смотрел на нее как баран на новые ворота*

(Перов); б) как вкопанный (разговор.): *Юрий Андреевич застыл, как вкопанный, на пороге своего кабинета, удивляясь ширине и удобству рабочего стола у окна (Пастернак).*

НБФРФС дает ряд ФЕ с семантикой удивления, которые содержат соматический код: *ouvrir de grands (gros) yeux* (вытаращить глаза): *Gottlieb, qui ne se savait pas somnambule, ouvrit de gros yeux; mais Karl lui ayant fait signe d'obéir, il obéit aveuglément (G. Sand); regarder avec des yeux ronds* (смотреть удивленно): *Ils viendraient secouer leurs sabots à l'entrée de l'école, regarderaient le nouveau maître avec des yeux ronds (P. Gamarra).* Внутренняя форма ряда ФЕ с семантикой удивления содержит образ-эталон: *ouvrir les yeux grands comme des soucoupes* – широко раскрыть глаза от удивления (букв. раскрыть большие, словно блюдца, глаза); *ouvrir les yeux comme des portes cochères* – (букв. раскрыть глаза как ворота); *ouvrir les yeux grands comme des salières* (букв. раскрыть большие глаза, словно солонки).

Особый интерес представляют паремиологические речевые единицы. Многие русские пословицы с семантикой удивления носят назидательный, дидактический характер: *Тому не дивись, что пьяные подрались (свалились); Кто всему дивится, на того и люди дивятся; Богу не угодишь, так хоть людей удивишь; Эка невидаль, что каша естся.* В русских пословицах выделяются такие специфические признаки, как зависимость удивления от степени осведомленности и материального благополучия субъекта, предписание о регуляции эмоционального поведения и этическая оценка удивления: *Соколу лес не в диво; Сытый ничему не дивуется; Удивленью мера, рта не разевай; Радость ширит лицо, а удивление пялит вдоль; Такие чудеса, что дыбом волоса; То не диво, что у богатого много пива.* В НБФРФС обнаружена паремия с семантикой удивления: *Vent du soir et pluie du matin n'étonnent pas le pèlerin* (Кто собрался в дальний путь, того дождь и ветер не удивят).

В русском и французском языках номинации удивления выражают **оценку**. Сфера удивления может быть положительной, отрицательной, а также

нейтральной по знаку – неожиданного: *Неожиданная встреча с Марией приятно удивила Якова (Перов); Cette rencontre l'a étonné; Новость о смерти брата поразила его (Васильев); La rencontre inattendue a fait peur Jean ; От изумления Чичиков разинул рот (Гоголь).*

Характерной особенностью предикатов эмоционального состояния удивления является их способность к **интенсификации**. Согласно ССРЯ, глагол *поражаться* носит усилительный характер, подчеркивающий глубину, силу впечатления, произведенного на кого-либо. Самая крайняя степень интенсивности выражается посредством глагола *изумляться*. Согласно словарю R, существительное *étonnement* означает «удивление», а существительные *stupéfaction, stupeur* обозначают крайнюю степень удивления, оцепенение.

Факультативный компонент фрейма-пропозиции «степень интенсивности эмоции» актуализирует компонент **«плюс/минус контроль над эмоцией»**. Эмоция удивления, как правило, не контролируется субъектом, так как ее причиной служит внезапное, неожиданное событие. Во фрейм-пропозицию удивления включен факультативный компонент **«внешние проявления эмоции и поведение человека в состоянии удивления»**. Субъект в эмоциональном состоянии удивления может побледнеть или покраснеть: *Катерина вскрикнула от неожиданности и сделалась вся пунцовая от изумления (Шшимарев)*. При удивлении вскидываются брови, появляются морщинки на лбу, расширяются глаза: *Его глаза были полны жадного внимания и брови удивленно приподнимались все выше и выше (Чехов)*. Во французской лингвокультуре в состоянии удивления у субъекта глаза расширяются: *Il a ouvert de grands yeux*. От удивления можно впасть в оцепенение: *Il est frappé de stupeur. Il s'est immobilisé*. Субъект в состоянии удивления может качать головой, всплеснуть руками, разводить руками, совершать неконтролируемые действия: *От крайнего удивления он развел руками и стоял, как вкопанный (Шукишин); Варенуха проделал все, что*

полагается человеку в минуты великого изумления (Булгаков). *Il avait la tête en l'air, poussa un juron, s'empourpra, battit l'air de ses bras, et s'écroula.*

Вторым обязательным компонентом фрейма-пропозиции удивления является **субъект**, который выражен 1) личным местоимением: *Я вздрогнул от удивления и попятился назад. Je me suis étonné de cette rencontre*; 2) именем собственным: *Сергей выкатил глаза от изумления. Jean s'étonne de cette nouvelle*; 3) именем нарицательным: *Юноша удивленно посмотрел на меня (Щукин).*

Третий обязательный компонент фрейма-пропозиции удивления – **причина**, которая выражается эксплицитно. Причиной для удивления чаще всего служит внезапное, неожиданное событие: *Неожиданная встреча с армейским другом очень удивила Денисова (Перов). La conduite de Léa a étonné Marie.*

В русском языке существуют следующие базовые типы моделей с семантикой удивления:

1) глагольная: *Я удивляюсь*; **2) причастная:** *Я удивлен*; **3) предложно-падежная:** *Я в изумлении*. Во французском языке существуют следующие базовые типы моделей с семантикой удивления: **1) двусоставное глагольное предложение**, в котором общее значение – выражение состояния и чувства субъекта: *Jean s'étonne*; **2) предложение с именным сказуемым**, сообщающее о признаке субъекта: *Jean est étonné*; **3) модель, которая выражает отношение субъекта к объекту:** *Jean s'étonne de cette nouvelle*; **4) модель с общим значением “каузация отношения”:** *La nouvelle a étonné Jean*. В русском и французском языках структурно-семантические модели располагают рядом модификаций:

1) грамматические модификации: *Я удивляюсь – Я удивился – Я удивлюсь – Я удивился бы – Не удивляйся! Je m'étonne, je me suis étonné, je m'étonnerai*; 2) модальные модификации: *Он должно быть удивился. Jean peut s'étonner de cette rencontre*. 3) Модификации расщепления: *Cette nouvelle étonne Jean. Cette nouvelle frappe d'étonnement Jean.*

Итак, по данным словарей и текстов концепт «*удивление*» представим в виде обобщающей таблицы.

Таблица № 7

Концепт «удивление» в русской и французской языковых картинах мира по данным словарей и отдельных высказываний

	Русский язык	Французский язык
Предикат		
глаголы	9 синонимов, различающихся семами степени интенсивности, глубины впечатления	4 синонима, различающихся семами причины, по степени интенсивности
прилагательные	3 синонима, различающихся семами степени интенсивности	7 синонимов, различающихся семами градации и стилистической окраске
существительные	2 синонима, различающихся семами степени интенсивности	4 синонима, различающихся семами степени интенсивности
фразеологические единицы	<i>Соматический код:</i> глаза, рот; <i>образ-эталон:</i> как баран на новые ворота.	<i>Соматический код:</i> глаза; <i>образ-эталон:</i> раскрыть глаза как блюда, ворота, чашки, солонки.
паремии	Назидательный, дидактический характер, зависимость удивления от степени осведомленности и материального благополучия, этическая оценка удивления	Одна паремия со значением «кто собрался в дальний путь, того дождь и ветер не удивят»
Субъект	Личные местоимения, имена собственные, имена нарицательные	Личные местоимения, имена собственные, имена нарицательные
Причина	Выражается эксплицитно	выражается эксплицитно
оценка	Положительная, отрицательная, нейтральная	Положительная, отрицательная, нейтральная
+(-) контроль над эмоцией	неконтролируемость	неконтролируемость
Степень интенсивности	Самые сильные –изумляться, оцепенеть, сильные - поражаться	Самые сильные – stupefaction, stupeur
Внешние проявления и поведение субъекта	Изменение цвета лица, мимика (глаза); движения: качать головой, всплеснуть руками, обхватить голову руками	Изменение цвета лица, мимика (глаза); движения: качать головой, всплеснуть руками
Модели предложений	Глагольная, причастная, предложно-падежная, адъективная и их	Двусоставная глагольная, модель с именным сказуемым со значением квалификации

	модификации	субъекта, модель со значением отношения субъекта к объекту, модель со значением каузации отношения и их модификации
--	-------------	---

Выводы по второй главе

Из всего сказанного во второй главе вытекают следующие выводы. Языковые репрезентации базовых эмоций человека (радость, печаль, страх, гнев, удивление) могут быть исследованы на базе гипотезы существования языковой картины мира, предельным элементом которой признается концепт. Весь материал исследования базовых эмоций человека подтверждает, на наш взгляд, правомерность интерпретации концепта как междисциплинарного, эвристического, многоэлементного, многоаспектного, фреймового, этнически и культурно обусловленного образования, включающего понятие, образ, оценку, ценностные смыслы, ассоциации. При анализе эмоциональных концептов мы опирались на толкование эмоции как реакции субъекта на воздействие внутренних и внешних раздражителей, как своего рода ментально-эмоциональные операторы (механизмы) категоризации объектов, операторы размерности семантического пространства: эмоции входят в устойчивые структуры бытия и сознания человека. За каждым исследованным знаком и знаковым выражением стоит оязыковленный фрагмент образа мира русской и французской культуры. Эмоциональные концепты являются фреймовыми конструктами и репрезентируются в определенных лексико-семантических, семантико-синтаксических единицах и текстовых структурах. Они образуют фреймы-пропозиции с **обязательными компонентами** (*предикат, субъект, причина*) и **факультативными компонентами** (*оценка, плюс/минус контроль над эмоцией, степень интенсивности эмоции, внешние проявления эмоции и поведение субъекта в состоянии того или иного эмоционального состояния*). В русском и французском языках базовые эмоции человека обозначаются разными видами предикатов, среди которых

глаголы чаще всего выступают в качестве ядра предикатных выражений и предложений. Одним из типов парадигматических отношений, характерных для предикатов эмоций является синонимия. Глагольные синонимы с семантикой базовых эмоций допускают позицию со значением субъекта и причины, некоторые из них содержат сему «каузативность». Предикаты каузации, как правило, связаны с субъектом-лицом, который может занимать позицию подлежащего. В русском и французском языках для репрезентации функции субъекта базовых эмоций человека приспособлены денотативно ориентированные слова: личные местоимения, имена собственные, имена нарицательные. В русском и французском языках причина базовых эмоций человека может быть выражена эксплицитно и имплицитно. Оценки, внешние проявления эмоции и поведение субъекта в русском и французском языках в основном совпадают. В русском языке фрейм-пропозиция эмоции репрезентируется основными моделями предложений с семантикой базовых эмоций: глагольной, наречно-предикативной, субстантивной, адъективной, предложно-падежной, метафорической (по С.Н. Цейтлин), во французском – номинативной, двусоставной глагольной, моделью с именным сказуемым, со значением квалификации субъекта, моделью, выражающей отношение субъекта к объекту и моделью со значением каузации отношения. Русские и французские модели располагают грамматическими, структурно-семантическими и другими модификациями.

В ходе анализа концептов базовых эмоций человека в русской и французской языковых картинах мира были обнаружены различия. Русские и французские синонимические ряды, номинирующие базовые эмоции человека, располагают различной длиной и глубиной смысловой дифференциации. В русском языке богато представлена глагольная и адъективная синонимия с семантикой базовых эмоций: печаль - 10 глаголов, 5 прилагательных; гнев - 13 глаголов, 6 прилагательных; страх - 9 глаголов, 8 прилагательных. Сравним с французским языком: печаль - 9 глаголов, 4 прилагательных, гнев - 7 глаголов, 6 прилагательных; страх - 6 глаголов, 7

прилагательных. Что касается субстантивных синонимов, то особенно ярко представлены французские синонимы с семантикой страха (10 существительных), которые различаются по их содержательной сути (*страх-непонимание, страх-отвращение*) и семами степени интенсивности эмоции. Синоним страха *angoisse* относится к безэквивалентной лексике и отражает квинтэссенцию важного для современного французского сознания понятия – экзистенциального страха, получившего обширную культурную разработку. В русском языке наиболее ярко представлены субстантивные синонимы с семантикой печали (7 существительных), которые различаются по содержанию (тоска-болезнь, уныние- безнадёжность) и семами степени интенсивности. Синоним «тоска» относится к безэквивалентной лексике. Согласно А. Вежбицкой, концепт тоски необычайно подробно разработан в русском языке и отражает специфику русской ментальности. Оценка грусти или печали может быть не только отрицательной, но и положительной (приятная грусть, сладкая печаль). В русском языковом сознании причина переживания грусти, печали, тоски часто трудно объяснима.

Во французском языке в качестве интенсификатора эмоциональных состояний выступают цветовые ассоциации: *peur noire; chagrin noire; colère rouge, jaune*. Для французского народа зрительные впечатления стоят на первом месте, тогда как у русских более детально дифференцируются обозначения звуковых ощущений. Обнаружение ассоциативных отношений всегда культурно обусловлено. Для русского народа *радость* ассоциируется с успехом, встречей, приемом гостей, *печаль* – с одиночеством, разлукой, любовью, *страх* – со смертью, позором, *гнев* – со злостью, *удивление* – со встречей, близнецами, фокусом.

В лингвокультурологическом аспекте фразеологические единицы и паремии анализировались через коды культуры и другие источники культурной интерпретации. Анализ показал, что во фразеологическом фонде французского языка есть много выражений с семантикой эмоций, внутренняя форма которых содержит слова *foie(печень) avoir les foies blancs,*

sang (кровь) faire du bon sang, avoir le sang chaud, rate (селезенка) désopiler la rate; se dilater la rate, bile(желчь) allumer la bile. Во Фразеологическом словаре русского языка под ред. А.И. Молоткова нет ФЕ со словами «селезенка», «желчь», тогда как в Новом большом французско-русском фразеологическом словаре под ред. В.Г. Гака есть около десятка таких выражений. Во французской лингвокультуре есть группа фразеологических единиц компаративного типа с семантикой радости, внутренняя форма которых содержит названия конкретных птиц (*gai comme un mèle - радостный как дрозд, gai comme un pinson - радостный как зяблик, gai comme une alouette - радостный как жаворонок*), а также группа ФЕ с предметными сравнениями, мало говорящими русскому воображению (*méchant comme la grêle - злой как град, triste comme un bonnet de nuit - печальный как ночной колпак, triste comme une porte - печальный как дверь*). По мнению Т. Марузо, “в этих фразеологических единицах проглядывается какая-то стыдливая сдержанность эмоций” [Marouzeau, 1950: 38]. Внутренняя форма русских и французских ФЕ содержит слова-символы, например, сердце. Во французском языке испуганного сердца не хватает, в русском оно сжимается, замирает. Источниками культурной интерпретации могут быть ритуальные формы народной культуры. Так, в русском языке есть выражение «метать перуны». По древним верованиям Перун (языческое божество киевского пантеона) ездил по небу в колеснице и пускал огненные стрелы – молнии, которые также назывались перунами. При анализе русских и французских паремий использовалась методика интерпретации. Анализ показал достаточно оформленное оценочное отношение русских и французских к базовым эмоциям: радость – положительно, страх и печаль – отрицательно. Особенно выделяются русские паремии с семантикой удивления, имеющие такие специфические признаки, как зависимость удивления от степени осведомленности и материального благополучия субъекта, предписание о регуляции эмоционального поведения и этическая оценка удивления.

Удивление во французской паремии выражает смысл «кто собрался в дальний путь, того ветер и дождь не удивят».

Таким образом, универсальными чертами концептов базовых эмоций человека в русской и французской языковых картинах мира (радость, печаль, страх, гнев, удивление) является то, что они образуют фрейм с обязательными компонентами (предикат, субъект, причина). Предикаты могут быть выражены глаголами, прилагательными, существительными, ФЕ, паремиями. Дифференцированными чертами концептов базовых эмоций человека в русской и французской языковых картинах мира являются синонимические ряды, номинирующие базовые эмоции человека, которые располагают различной длиной и глубиной смысловой дифференциации; цветовые обозначения интенсификаторов эмоциональных состояний во французском языке; соматизмы «желчь» и «селезенка», которые входят во внутреннюю форму французских ФЕ с семантикой базовых эмоций, предметные сравнения французских ФЕ; культурная разработка эмоции *тоски* в русской ЯКМ и эмоции *angoisse* во французской ЯКМ.

Глава 3. Апробация и верификация теоретических основ исследования прагмастилистического потенциала языковых репрезентаций концептов базовых эмоций человека и их отдельных компонентов в художественном, мемуарном и эпистолярном жанрах речи

Анализ-апробация прагмастилистического потенциала репрезентаций концептов базовых эмоций человека и их отдельных компонентов в художественном, мемуарном, эпистолярном жанрах речи осуществляется в такой последовательности: 1) концепты, описывающие полярные эмоции *радость, печаль*; 2) концепты, описывающие сильные эмоции *страх, гнев*; 3) концепты, содержащие информацию о более слабой эмоции *удивление*. Конкретные задачи предпринятого анализа таковы: 1) выявить способы и средства обозначения концептов; 2) отметить стилистическую маркированность или нейтральный характер выражений; 3) выявить наличие / отсутствие способов не концептуализирующих, а выражающих эмоции в описаниях – с целью придания эмоционально-экспрессивной окраски тексту; 4) отметить степень актуализации тех или иных компонентов отображаемых ситуаций и элементы своеобразия стиля описания, его связи с жанром и прагматикой текста.

3.1 Анализ прагмастилистического потенциала репрезентаций концепта базовой эмоции «радость» и его отдельных компонентов в художественном, мемуарном, эпистолярном жанрах речи на материале русского и французского языков

Рассмотрим прагмастилистический потенциал репрезентаций концепта базовой эмоции «радость» в художественном жанре речи, в текстах которого, в частности, встречаются *репродуктивные регистры*:

Узнав, что отец уже вернулся с фронта, Толик весело подпрыгнул и стал хохотать беспрестанно (В. Быков).

В приведенном русском высказывании вербализуются субъект эмоционального состояния (*Толик*) и причина состояния. Эмоция радости

субъекта выражается эксплицитно, посредством прямой адвербиальной номинации *весело*. Номинации *подпрыгнуть, хохотать (беспреданно)* обозначают действия субъекта, совершаемые им в состоянии радости. Причина радости обозначена сугубо информативно - вторичной пропозитивной структурой с семантикой знания причины, выраженной деепричастным оборотом. Для изобразительного регистра характерно проявление в образах наглядно-чувственного восприятия внешнего поведения субъекта, находящегося в состоянии радости, близком к аффекту. В приведенном отрывке радость – ключевой смысл, маркированный стилистикой художественной речи.

Jeanne se mit à prendre des bains. Elle se sentait bien dans cette eau froide, limpide et bleu qui la portait en la balançant. Jeanne se redressait et, dans un affolement de joie, poussait des cris aigus en battant l'eau de ses deux mains (Maupassant).

В приведенном высказывании точно назван субъект эмоционального ЭС (*Jeanne*). Эмоция радости субъекта репрезентируется посредством прямой субстантивной номинации *joie*. Номинации *pousser des cris aigus, battre l'eau de ses mains* обозначают действия, совершаемые субъектом в состоянии радости и воспринимаемые наблюдателем, субъектом модуса. Словосочетание *dans un affolement de joie* обозначает высокую степень интенсивности переживания радости, носящего неконтролируемый характер. Причина переживания радости субъектом обозначена рационально-информативно - первичной пропозитивной структурой с семантикой процесса купания. В данном высказывании наблюдается высшая степень развернутости описания причины чувства: автор использует эпитеты *froide, limpide, bleu* для усиления наглядности образа воды, для передачи точного психологического ощущения субъекта чувства. Образность, наглядность, детализация описания причины радостного ощущения человека – маркеры художественного стиля изобразительного регистра.

В тексты художественных произведений на русском и французском языках включаются **информативные регистры**:

В последнее время Лиза испытывала чувство восторга, необыкновенную приподнятость души (Ф.М. Достоевский).

В русском высказывании вербализуется субъект эмоционального состояния (*Лиза*). Эмоция радости субъекта репрезентируется предикатной ФЕ, содержащей субстантивную номинацию *восторг* и традиционную метафору *приподнятость души*, выражающей внутреннее одухотворенное состояние субъекта. Прилагательное *необыкновенный* обозначает оценку степени интенсивности переживания. Причина эмоционального состояния не обозначена непосредственно, существование ее подразумевается, она осмысливается в широком контексте. В отрывке доминирует авторский модус, т.е. авторское знание о состоянии души персонажа.

Elle vécut comme si elle était grise. Le coeur de Jeanne battait follement. Elle pensait au mariage (Maupassant).

В приведенном французском высказывании обозначен субъект эмоционального состояния (*Jeanne*) и причина переживания радости субъектом. Эмоция радости субъекта выражается имплицитно. Номинация *le coeur battait follement* обозначает внутреннее состояние субъекта в состоянии радости. Наречие *follement* обозначает высокую степень переживания эмоции. В высказывании используется сравнение *si elle était grise* (словно в каком-то опьянении), в котором номинация цветообозначения *gris* (серый) означает «пьяный». Причина радости субъекта обозначена первичной пропозитивной структурой с семантикой *размышления о свадьбе*, которая содержит положительную оценку. Контексты информативного регистра имеют книжно-литературную стилистическую окраску.

В текстах художественных произведений на русском и французском языках встречаются **генеритивные регистры**:

Я прихожу к выводу, что радость – чувство, которое человек переживает очень редко, поэтому ее нужно беречь, как сосуд родниковой воды в пустыне (Г.И. Алексеев).

Русское высказывание с семантикой радости облекается в форму авторского умозаключения. Для автора радость является раритетной эмоцией, поэтому представляет огромную ценность, что прямо выражено глагольной номинацией *беречь*. В данном высказывании радость образно ассоциируется с *сосудом родниковой воды в пустыне*. Этот образ апеллирует не к индивидууму, а, скорее, к коллективному восприятию реалий: пустыня, родниковая вода.

La joie est l'amour (la grande amour) (Maupassant).

Французское высказывание облекается в форму определения радости, которое апеллирует к индивидуальному пониманию этого чувства.

В повествовательный фрагмент авторской речи включаются **волюнтивный и реактивный регистры**:

Ты только посмотри на эти маки! – сказал он весело – Какая красота! Боже мой! (Ч. Айтматов)

В репродуктивно-повествовательный фрагмент авторской речи включаются волюнтивная и реактивная реплики. Волюнтивное высказывание *Ты только посмотри на эти маки* содержит функцию побуждения к действию, адресованного собеседнику. Реактивное высказывание *Какая красота! Боже мой!* содержит функцию зрительного восприятия-оценки с семантикой восхищения. Аффектированное ЭС субъекта репрезентируется посредством прямой адвербиальной номинации *весело, междометия*. Причина переживания радости выражена семантикой зрительного восприятия маков.

Jeanne regardait avec admiration au loin. Vers l'horizon, le ciel se baissant se mêlait à l'Océan. Vers la terre, la haute falaise droite faisait une grande ombre à son pied, et des pentes de gazon pleines de soleil l'échantraient par endroits. Jeanne répondit gaiement : « Comme c'est beau! » (Maupassant)

В высказывании вербализуются субъект ЭС (*Jeanne*) и причина переживания эмоции субъектом. Реактивный регистр выражает зрительное восприятие-оценку природы. Носителем реактивного регистра является эмотивное предложение *Comme c'est beau!* с семантикой восхищения. Причина эмоции обозначена рационально - первичной пропозитивной структурой с семантикой зрительного восприятия природы. В описании выражена высшая степень развернутости причины переживания радости субъектом: автор детально описывает природу – объект эмоционального зрительного впечатления. В описании природы используется анафора для создания особого ритма, который эмоционально воздействует на читателя.

Рассмотрим прагмастилистический потенциал концепта базовой эмоции «радость» в **мемуарном жанре речи** на материале русского и французского языков, основу текстов которого составляют **информативные регистровые блоки**: *Я очень любила второго мужа. Все годы, прожитые с ним, я испытывала необыкновенную радость и счастье (Савина).*

В данном русском высказывании назван повествующий субъект эмоционального состояния, выраженный личным местоимением в форме 1-го лица единственного числа, что характерно для мемуаров. Эмоция радости субъекта описывается прямыми субстантивными номинациями *радость* и *счастье*. Адъективная номинация *необыкновенная* обозначает высокую степень интенсивности эмоции. Причина радости субъекта обозначена рационалистически - первичной пропозитивной структурой с семантикой любви. Для приведенного отрывка характерен нейтральный стиль.

Je me rappelle souvent ton sourire, ton regard heureux, ta voix gaie. Je pleure de joie (A. Philipe).

В данном французском высказывании обозначен повествующий субъект эмоционального состояния. Эмоция радости субъекта репрезентируется посредством номинации *pleurer de joie*. В высказывании семантически актуализируется зрительная и слуховая память. Повествователь использует однородные члены предложения, выраженные существительными *regard*

(взгляд), *voix* (голос), *sourire* (улыбка). Эмоциональное состояние радости мужа субъекта выражается посредством ряда адъективных номинаций *heureux*, *gai* и субстантивной номинации *sourire*. Причина переживания радости субъектом обозначена нейтрально - первичной пропозитивной структурой с семантикой памяти. Для данного фрагмента характерен нецентральный стиль.

В текстах мемуаров на фоне преобладающих нейтральных информативных регистровых блоков встречаются описания в **репродуктивном регистре**:

К. нежно поцеловал меня. Я почувствовала, как подпрыгнуло мое сердце от радости (М.Г. Савина).

В приведенном русском высказывании назван субъект ЭС, он же субъект повествующий, и причина эмоционального состояния. Метафорическое выражение *сердце подпрыгнуло от радости* носит образно-усилительный характер и обозначает внутреннее чувственно воспринимаемое переживание радости субъектом. Лексема «*сердце*» персонифицируется в метонимическом употреблении, одушевляется, при этом образно подчеркивается активность и динамика сердца. Причина радости обозначена первичной пропозитивной структурой («нежно поцеловал») и носит событийный характер, прямо мотивирующий последующее переживание субъекта эмоции.

Je me souviens d' une nuit passée dans le jardin. Nous nous aimions. Nous éprouvions de la joie. C'était une joie pure, calme, faite de la conviction que tout ne pouvait être que bien. Nous restions immobiles, baignés de bonheur, nos bras enlacés, nos têtes proches (A. Philipe).

В данном французском высказывании обозначены субъекты, выраженные личным местоимением в форме 1-го лица множественного числа. ЭС радости также выражено эксплицитно, посредством номинаций *joie*, *bonheur*. Радость образно ассоциируется с человеком и наделяется такими качествами, как *красивая* (*belle*), *чистая* (*pure*), *тихая* (*calme*), что придает оценочно-эстетическую экспрессию переживанию чувства в его персонифицированном образе. Причина радости обозначена первичной пропозитивной структурой с

семантикой любви и носит развернутый характер: номинации (*immobile, baignés de bonheur, nos bras enlacés, nos têtes proches*) образно передают некоторую статичность ситуации. Используемая автором анафора создает особый ритм, который эмоционально воздействует на читателя.

В мемуарных текстах встречаются высказывания **генеритивного регистра**:

Радость жизни для меня заключается в сцене и театре (Савина).

Русское высказывание с семантикой радости генеритивного регистра облекается в форму умозаключения, отождествляющего (субъективно) чувство и его главный источник.

Иллюстрируем прагматический потенциал репрезентации концепта эмоции «радость» в **эпистолярном жанре речи**, в тексты которого включаются, в частности, **информативные регистры**:

Милая, необыкновенная актриса, замечательная женщина, если бы Вы знали, как обрадовало меня Ваше письмо (А.П. Чехов).

В приведенном русском высказывании назван субъект ЭС, выраженный личным местоимением 1-го лица. ЭС адресанта выражено эксплицитно, посредством каузативного глагола «*обрадовать*». Степень интенсивности переживания субъекта выражается в риторическом вопросе-восклицании и в обращении. Причина радости адресанта обозначена стилистически нейтрально - свернутой пропозитивной структурой, выраженной существительным *письмо*. Высказывание позволяет реконструировать и чувство любви, нежности, которое репрезентируется в обращении «*милая, необыкновенная актриса, замечательная женщина*».

Tes lettres sont la grande joie pour moi! Mon ange! Tu es mon amour, tu es ma vie, tu es mon Dieu! Je suis enchanté! Mon ange! Je suis enchanté! (Hugo)

В данном французском высказывании переживаемая адресантом эмоция радости выражается эксплицитно, посредством субстантивной номинации *joie*, каскада восклицательных предложений, обращений, повторов, а также отождествлений гипербол: *Tu es mon amour, tu es vie, tu es mon Dieu!*.

Использованные синтаксические фигуры выражают высшую степень импульсивности адресанта, создают особый ритм, который эмоционально и эстетически воздействует на адресата. Причина радости адресанта обозначена свернуто - вторичной пропозитивной структурой, выраженной существительным *lettre* (письмо).

В текстах личных писем встречаются **реактивные регистры речи**:

Олег! Как я рад, что ты сдал экзамен по сопромату (Из частной переписки).

В русском высказывании назван субъект ЭС, выраженный посредством личным местоимением в форме 1-го лица единственного числа. Эмоция радости адресанта выражена предикатом «рад» и поддержана усилительным приемом – восклицанием с частицей «как». Причина переживания радости субъектом обозначена нейтрально - первичной пропозитивной структурой и носит событийный характер.

Georges ! Je me réjouis de ton cadeau comme un enfant. Quelle bonne surprise! (Из частной переписки).

В данном французском высказывании вербализуются субъект ЭС, выраженный личным местоимением 1-го лица и причина переживания радости. ЭС адресанта репрезентируется посредством прямой глагольной номинации *se réjouir*, экскламативом *Quelle bonne surprise!* Субъект сравнивает себя с ребенком в состоянии радости, что придает высказыванию образно-оценочную экспрессию. Причина переживания эмоции субъектом обозначена нейтрально - вторичной пропозитивной структурой, выраженной существительным *cadeau* (подарок).

Итак, прагмастилистический потенциал репрезентаций концепта эмоции «**радость**» в художественном, мемуарном, эпистолярном жанрах можно представить в виде обобщающей таблицы.

Таблица № 8

Прагмастилистический потенциал репрезентаций концепта эмоции «радость» в художественном, мемуарном, эпистолярном жанрах

	Русский язык	Французский язык
--	--------------	------------------

Художественный жанр		
Коммуникативные регистры речи	Репродуктивный, информативный, генеритивный, волюнтивный, реактивный	Репродуктивный, информативный, генеритивный, волюнтивный, реактивный
Субъект	Субъект ЭС, субъект-каузатор	Субъект ЭС
Насыщение регистров обозначениями эмоции радости в художественных текстах	Прямые номинации: весело, восторг, радость, метафорические: приподнятость души, внутреннее переживание эмоции: кровь, собравшаяся в сердце, отхлынула в голову; внешние проявления радости: яркий румянец, глаза засверкали; действия субъекта в состоянии радости: подпрыгнуть, хохотать беспрестанно; эмотивные предложения, коммуникатив Боже мой!	Прямые номинации: joie, bonheur, attendrissement; метафорические номинации с семантикой интенсивности эмоции: folle de bonheur, dans un affolement de joie, le coeur battait follement; действия субъекта в состоянии радости: pousser des cris aigus, battre l'eau de ses mains; эмотивные предложения; коммуникатив Oh!
Причина переживания эмоции субъектом	2 высказывания – первичная пропозитивная структура; 1 высказывание – вторичная пропозитивная структура; 1 высказывание – контекстная	4 высказывания – первичная пропозитивная структура; 3 высказывания – высшая степень развернутости причины
Мемуарный жанр		
Коммуникативные регистры речи	Информативный, репродуктивный, генеритивный	Информативный, репродуктивный, генеритивный
Субъект	Субъект ЭС	Субъект ЭС
Насыщение регистров обозначениями эмоции радости в мемуарных текстах	Прямые номинации: радость, счастье, восторг; метафорические: сердце подпрыгнуло от радости; действия в состоянии радости: поцеловать от радости; модус кажимости, включение в текст ностальгического вопроса	Прямые номинации: joie, heureux, gaie, bonheur; антропоморфные черты эмоции: joie pure, calme, belle; действия субъекта в состоянии радости: pleurer de joie; эмотивная рамка j'éprouvais de la joie ... je pleurais de joie
Причина переживания эмоции субъектом	2 высказывания – первичная пропозитивная структура	2 высказывания – первичная пропозитивная структура
Эпистолярный жанр		

Коммуникативные регистры речи	Информативный, реактивный	Информативный, реактивный
Субъект	Адресант, адресат, третье лицо	Адресант, адресат, третье лицо
Насыщение регистров обозначениями эмоции радости в эпистолярных текстах Причина переживания эмоции субъектом	<i>Прямые номинации:</i> обрадовать, рад 1 высказывание – первичная пропозитивная структура; 1 высказывание – вторичная пропозитивная структура	<i>Прямые номинации:</i> la joie, être en joie, ravi; гипербола, повторы 2 высказывания – вторичная пропозитивная структура

3.2 Анализ прагмастилистического потенциала репрезентаций концепта эмоции «печаль» и его отдельных компонентов в художественном, мемуарном, эпистолярном жанрах речи на материале русского и французского языков

Рассмотрим прагмастилистический потенциал репрезентаций концепта эмоции «печаль» в художественном жанре речи, в текстах которого встречаются *репродуктивные регистры речи:*

В поле лежат жнивья – в тишине, как золотистые покровы, под ногами слабо ломаются слюдяно-золотые колоски. В воздушном пространстве, по полям, у перелесков разбросаны деревни. Миша посмотрел на эти бескрайние просторы, перевел дух и вдруг почувствовал в своей душе светлую печаль (Зайцев).

В данном русском высказывании назван субъект ЭС (*Миша*) и причина возникновения эмоции. ЭС печали репрезентируется посредством субстантивной номинации *печаль*. В тексте печаль имеет цветовую характеристику с положительной образной оценкой, выраженную адъективной номинацией *светлая*. Причина эмоции обозначена как зрительное восприятие-оценка, данное в созерцании бескрайних просторов, что отражает специфику русской ментальности. В высказывании наблюдается высшая степень развернутости причины переживания печали

субъектом: автор использует сравнения и метафоры, ассоциирующие с золотом (*как золотистые покровы, слюдяно-золотые колоски*). Описание природы дано наглядно, выразительно, что типично для изобразительного регистра и художественной речи в целом. В приведенном отрывке доминирует авторское знание об ЭС персонажа.

La baronne est morte. Tombée maintenant à genoux, Jeanne sanglotait, dévorée de tristesse et de douleur. Elle cria d'une voix déchirante (Maupassant).

В приведенном французском высказывании назван субъект ЭС (*Jeanne*) и причина возникновения ЭС. Внешнее проявление и ощущение ЭС печали персонажем выражается посредством субстантивных номинаций *tristesse, douleur* и глагольных номинаций *sangloter, crier*. Номинация *voix déchirante* характеризует акустический признак голоса. Прагматическая направленность описания состоит в создании экспрессивно-изобразительных стилистических смыслов. Причина печали субъекта обозначена рационально-информативно - первичной пропозитивной структурой с семантикой *умереть*.

В тексты художественных произведений включаются **информативные регистры**: *Дмитрий серьезно заболел. Он резко изменился, постарел, поблек и впал в тоску, которая овладела каждой клеточкой его тела (Липатов).*

В данном русском высказывании назван субъект эмоционального состояния (*Дмитрий*) и причина эмоции. Внешнее проявление и внутреннее ощущение ЭС печали персонажем выражается эксплицитно, посредством номинаций *изменился, постарел, поблек, впал в тоску*. В данном случае субъект – носитель эмоции представляется как некая целостность, что отражается в первую очередь в употреблении предиката: *тоска овладела каждой клеточкой его тела*. Метафора передает квазипроявление эмоции, указывая на интенсивность переживания тоски. Прагматическая направленность названных номинаций состоит в создании экспрессивно-образных стилистических смыслов. Причина эмоции печали обозначена рационально-информативно - первичной пропозитивной структурой с семантикой болезни. В микротексте присутствует авторский модус.

Après la mort de sa femme il avait un visage parfaitement immobile, impassible, comme l'ont certaines statues, avec le même regard aveugle (F. Sagan).

В приведенном французском высказывании вербализуются субъект ЭС, выраженный личным местоимением в форме 3-го лица единственного числа и причина эмоции. Внешнее проявление переживания печали субъектом выражается посредством номинаций *immobile, impassible*. Автор использует сравнение со статуей *visage immobile comme l'ont certaines statues*, метафору *regard aveugle (незрячие глаза)* для усиления представления об эмоциональном состоянии персонажа. Образность, наглядность описания ЭС субъекта – маркеры художественного стиля. В отрывке наблюдается авторский модус. Причина переживания глубокой печали субъектом обозначена информативно - вторичной пропозитивной структурой, выраженной существительным *mort de sa femme*.

В художественных текстах встречаются **генеритивные регистры**:

Я давно прихожу к выводу, что грусть смягчает душу (Алексеев).

В русском высказывании автор обобщает информацию, соотнося ее с собственным опытом. Эмоция грусти оценивается автором положительно. Образ «мягкости» эмоции апеллирует к индивидуальному пониманию чувства.

В повествовательный фрагмент авторской речи включаются **волюнтивный и реактивный регистры**:

– Он давно ничего не пишет. Мне очень и очень грустно! Пожалуйста, ничего не говори! – сказала она печальным голосом (Коваленко).

В приведенном русском высказывании вербализуются субъект ЭС, выраженный личным местоимением в форме 3-го лица единственного числа и причина переживания грусти. ЭС субъекта выражается эксплицитно, посредством безличного предложения *Мне очень и очень грустно!* Повтор *очень* обозначает высокую степень переживания грусти персонажем. Волюнтив *Пожалуйста, ничего не говори!* выражает просьбу посредством глагола в побудительном наклонении. Номинация *печальный голос*

характеризует акустический признак голоса. Причина печали обозначена нейтрально - первичной пропозитивной структурой.

Jeanne balbutia d'une voix triste: «Laissez-moi! Je veux rester seule maintenant» (Maupassant).

В приведенном французском высказывании назван субъект ЭС (*Jeanne*). Волюнтив *Laissez-moi! Je veux rester seule maintenant* выражает просьбу посредством глагола в повелительном наклонении. Номинация *balbutier d'une voix triste* характеризует акустический признак голоса. Причина печали субъекта находится в контексте (смерть матери субъекта) и носит событийный характер.

Рассмотрим прагмастилистический потенциал репрезентации концепта эмоции «печаль» в **мемуарном жанре речи** на материале русского и французского языков, основу текстов которого составляет **информативный регистр**:

Моя маленькая сестра Нюта умерла от скарлатины. Прожила она всего четыре года, как две капли воды была похожа на меня. Я долго плакала и страдала (М.Г. Савина).

В приведенном русском высказывании вербализуются субъект ЭС, выраженный личным местоимением в форме 1-го лица единственного числа, что характерно для мемуаров. Эмоциональное состояние горя и страдания субъекта репрезентируется посредством глагольных номинаций *плакать, страдать*. Причина печали субъекта обозначена первичной пропозитивной структурой с семантикой *смерти* и носит развернутый характер: сравнение *похожа как две капли воды на меня* имплицитно выражает чувство нежности и глубокого сожаления к сестре автора мемуаров. На образно-стилистические смыслы накладываются смыслы эмоционально-оценочные.

Quand j'ai perdu mon mari, une armée d'aiguilles attaquaient ma peau du dedans, je n'étais qu'un cri (A. Philipe).

В приведенном французском высказывании вербализуются субъект ЭС, выраженный личным местоимением и причина печали. ЭС печали субъекта

выражено имплицитно. Глубокая печаль, боль ассоциируется у автора мемуаров с тысячами иглами, которые впились в него изнутри, тому подтверждение номинация *une armée d'aiguilles attaquaient ma peau du dedans*. Автор сравнивает себя с криком *je n'étais qu'un cri*. Прагматическая направленность номинаций состоит в создании экспрессивно-образных стилистических смыслов. Причина печали обозначена нейтрально - первичной пропозитивной структурой с семантикой потери мужа субъекта.

В мемуарных текстах на фоне информативных регистровых блоков есть описания, представленные в *репродуктивном регистре*:

Маруся пришла прощаться с любимым. Она обливалась слезами, сказала, что у нее сердце разрывается при мысли о разлуке с ним, простояла как пень и даже отвернулась от милого (М.Г. Савина).

В приведенном русском высказывании назван субъект эмоционального состояния (*Маруся*) и причина переживания эмоции. Эмоциональное состояние печали субъекта выражается имплицитно. Метафорические и сравнительно-экспрессивные обозначения *обливаться слезами, простоять как пень* реализуют значение внешнего переживания печали. Метафорическое обозначение *сердце разрывается* реализует значение внутреннего переживания печали с высокой степенью интенсивности. Причина переживания печали обозначена нейтрально - первичной пропозитивной структурой с семантикой прощания, носит событийный характер и прямо мотивирует последующее переживание субъекта эмоции.

Je me souviens le jour de ton enterrement. Je suis perdue et commence à souffrir et pleurer (A. Philipe).

В данном французском высказывании вербализуются субъект ЭС, выраженный личным местоимением и причина переживания. Эмоциональное состояние горечи и душевной боли субъекта репрезентируется посредством глагольных номинаций *souffrir, pleurer*. Причина печали обозначена нейтрально - первичной пропозитивной структурой с семантикой воспоминания о дне похорон мужа.

В текстах мемуаров на русском и французском языках встречаются **генеритивные регистры:**

Моя жизнь вне сцены есть сплошное горе (М.Г. Савина).

Русское высказывание с семантикой горя генеритивного регистра облекается в форму субъективного умозаключения, отождествляющего чувство и его главный источник.

La peine et la joie font au même titre partie de la vie. Est-ce cela la sagesse? (A. Philipe).

Французское высказывание, как и русское, облекается в форму умозаключения, но автор мемуаров добавляет вопрос эвристического типа, который представляет реальный вопрос самому автору.

Рассмотрим прагматилистический потенциал репрезентаций концепта эмоции “печаль” в **эпистолярном жанре речи**. Основу текстов писем составляют **информативные регистры:**

Вчера мы сыграли «Три сестры». Публика неистовствовала, гудела. Но мне почему-то всегда в такие минуты бывает очень тоскливо. Я тебе не сумею передать этого ощущения тоски и неудовлетворенности. Люди сумасшествовали, в ушах звенело от криков и аплодисментов. При выходе меня тискали, жали руки, девицы целовали, потом подхватили меня на руки и потащили по всему театру до самого выхода. (О.Л. Книппер).

В приведенном русском высказывании вербализуются субъект ЭС, выраженный личным местоимением и причина переживания эмоции. ЭС тоски адресанта выражается эксплицитно, посредством прямых номинаций *тоска, неудовлетворенность*, а также использования безличной конструкции *мне тоскливо*. Причина тоски обозначена первичной пропозитивной структурой с семантикой поведения публики. В высказывании наблюдается высшая степень развернутости причины: кроме эмоционального состояния тоски можно реконструировать раздражение и неодобрение, о чем свидетельствует употребление аксиологической лексики: *в ушах звенит от криков и аплодисментов, сумасшествовать, тискать*. В высказывании

наблюдается контраст: с одной стороны, тоска адресанта, а с другой - радость, восторг публики, которая выражается номинациями действия: *неистовствовать, гудеть*. В высказывании эмоция тоски, переживаемая адресантом парадоксальна по отношению успеха и радости публики. Парадокс содержит определенную норму и является эмоционально насыщенным. В данном высказывании разрушение стереотипа можно рассматривать как конструктивное. Перечисленные номинации действий публики в состоянии восторга могут не только вызвать раздражение или неприятие, но и испугать. В приведенном отрывке нейтральный стиль сочетается с элементами разговорно-бытового стиля *потащить, тискать, в ушах звенит*.

Ma fille est morte. Dieu le voit. Oh! Je souffre chaque jour. Dieu le sait. Je pleure chaque jour. Dieu l'entend. J'aime ma fille malgré tout le monde, malgré Dieu, malgré Diable ! La nuit, quand je me réveille, je m'adresse à ma fille morte et à ta fille morte, qui sont là. Je le crois, toutes deux vivantes de la grande vie. Je crie, je dis, je garde le silence! (J. Drouet).

В приведенном французском высказывании вербализуются субъект ЭС, выраженный личным местоимением и причины переживания печали. Эмоциональное состояние горя адресанта репрезентируется посредством глагольных номинаций *souffrir, pleurer, porter le deuil*, параллелизма, повтора, коммуникатива *Oh!*, полисиндетона (*malgré...malgré... malgré*), используемый для выражения обобщения, градации (*Je crie, je dis, je garde le silence*), внутри которой движение идет по нисходящей линии, которая связана с темой жизни и смерти: жизнь – *я кричу, я говорю*; смерть – *я храню безмолвие*, а также апелляции к Богу и к Дьяволу. В тексте можно найти примеры с различными вариациями эмотивных упоминаний Бога: *Dieu voit! Dieu sait!* Синтаксические фигуры выражают высшую степень импульсивности адресанта, создают особый ритм для усиления эмоционального воздействия на адресата. Причина переживания эмоции

обозначена рационалистически - первичной пропозитивной структурой с семантикой умереть (*Моя дочь умерла*).

Итак, прагмастилистический потенциал репрезентаций концепта эмоции «*печаль*» в художественном, мемуарном, эпистолярном жанрах можно представить в виде обобщающей таблицы.

Таблица № 9

Прагмастилистический потенциал репрезентаций концепта эмоции «печаль» в художественном, мемуарном, эпистолярном жанрах

	<i>Русский язык</i>	<i>Французский язык</i>
Художественный жанр		
Коммуникативные регистры речи	Репродуктивный, информативный, генеритивный, волюнтивный, реактивный	Репродуктивный, информативный, генеритивный, волюнтивный, реактивный
Субъект	Субъект ЭС	Субъект ЭС
Насыщение регистров обозначениями эмоции печали в художественных текстах Причина переживания эмоции субъектом	Прямые номинации: грустный, горестный, тоска, печаль; метафорические: светлая печаль, душа болит, тоска овладела каждой клеточкой его тела, внешние проявления эмоции: сдвинутые брови, побледневшие губы, неподвижность, закрыть лицо руками, зарыдать; акустические признаки печали: реветь в голос, стонать, причитать, шептать, молчать, печальный голос; эмотивные предложения 2 высказ. – первичная пропоз. структура; 2 высказ. – вторичная пропоз. струк.; 1 высказ. – контекстная причина	Прямые номинации: tristesse, triste; метафорические: le coeur crispé, noyé de tristesse, une tristesse agitait son âme; внешние проявления эмоции: visage immobile comme l'ont certaines statues, regard aveugle, gémir; акустические признаки печали: pleurer, crier d'une voix déchirante, balbutier d'une voix triste; эмотивные предложения; коммуникатив Oh! 1 высказ.- первичная пропоз. структ.; 1 высказ. – вторичная пропоз. структ.; 2 высказ. – контекстная причина
Мемуарный жанр		
Коммуникативные регистры речи	Информативный, репродуктивный, генеритивный	Информативный, репродуктивный, генеритивный
Субъект	Субъект повествующий и субъект изображенный	Субъект повествующий и субъект изображенный

Насыщение регистров обозначениями эмоции печали в мемуарных текстах	Прямые номинации: грусть, взгрустнуть, горе, страдание, страдать; метафорические: сердце разрывается; внешние проявления эмоции: плакать, обливаться слезами, стоять как пень; сема «память», эмотивные предложения	Прямые номинации: peine, tristesse, souffrir; эмотивные предложения, сема «память», сравнения со значением печали
Причина переживания эмоции субъектом	2 выск.- первичная пропоз. структ; 1 выск.- вторичная пропоз. структ.	2 высказ. – первичная пропозит. структ. 1 высказ. – развернутый характер причины
Эпистолярный жанр		
Коммуникативные регистры речи	Информативный	информативный
Субъект	Эмоциональное состояние адресанта	Эмоциональное состояние адресанта
Насыщение регистров обозначениями эмоции печали в эпистолярных текстах	Прямые номинации: тоска, неудовлетворенность; метафорические: сердце разрывается от тоски; внешние проявления: сидеть как истукан; эмотивные предложения, коммуникатив Боже!; парадокс	Прямые номинации: triste, souffrir, porter le deuil, douleurs; внешние проявления печали: pleurer, grier; эмотивные предложения; параллелизмы, градация, повторы
Причина переживания эмоции субъектом	1 выск.- первичная пропоз. структ.	1 высказ. – первичная пропоз. структ. 1 высказ. – высшая степень развернутости причины

3.3 Анализ прагмастилистического потенциала репрезентаций концепта эмоции «страх» и его отдельных компонентов в художественном, мемуарном и эпистолярном жанрах речи на материале русского и французского языков

Сначала рассмотрим прагмастилистический потенциал репрезентаций концепта эмоции «страх» в художественном жанре речи, в текстах которого встречаются *репродуктивные регистры*:

Темнело. Я почувствовал ужас, который оледенил мой мозг, мою кровь, мое тело, стянул на моем черепе кожу и пробежал морозными волнами по моей спине. Пальцы на моих руках и ногах внезапно свела судорога (А.И. Куприн).

В приведенном русском высказывании вербализуются субъект ЭС, выраженный личным местоимением в форме 1-го лица единственного числа и причина переживания страха. Эмоция страха субъекта выражена эксплицитно, посредством прямой субстантивной номинации *ужас*. Эмоция страха ассоциируется с холодом, тому подтверждение номинации: *ужас оледенил, пробежал морозными волнами по спине*. В высказывании встречается авторская метафора *ужас стянул на моем черепе кожу* для усиления эмоционального воздействия на читателя. В высказывании эмоция страха персонифицируется, представляется живым существом («пробегают по спине») или орудием пытки («ужас стягивает кожу»). Номинация *судорога свела пальцы* обозначает внутреннее переживание страха. Образность, детализация описания переживания страха персонажем – маркеры изобразительного регистра и художественного стиля. Причина переживания страха обозначена рационалистически - первичной пропозитивной структурой с семантикой *темнеть*.

Les soldats furent massacrés autour de la source. Malgré moi, un grand frisson me courut entre les épaules, fou d'épouvante, je m'élançai de toute la vitesse à travers le bois (Maupassant)

В приведенном французском высказывании вербализуются субъект, выраженный личным местоимением и причина переживания эмоции. Эмоция страха субъекта выражена имплицитно. Человек в состоянии страха испытывает холод, тому подтверждение номинация *frisson courut entre les épaules*. Если в русском языке мороз пробегает по спине, то во французском языке мороз пробегает между лопатками (*entre les épaules*). Номинация *fou d'épouvante* обозначает высокую степень интенсивности переживания страха субъектом, номинация *s'élançer de toute la vitesse* обозначает действие субъекта, совершаемое в состоянии страха. Детализация описания ЭС персонажа – маркер художественного стиля. Причина переживания страха обозначена информативно, нейтрально - первичной пропозитивной структурой.

В текст художественных произведений на русском и французском языках включается **информативный регистр**:

Каждый раз, проходя этой долиной, я чувствовал, как безотчетный страх, по гомеровскому выражению, «хватает меня за волосы» (А.И. Куприн).

В русском высказывании вербализуются субъект ЭС, выраженный личным местоимением в форме 1-го лица единственного числа и причина переживания страха. Эмоция страха выражена с помощью субстантивной номинации *страх*. Страх персонифицируется, ассоциируется с живым существом, тому подтверждение номинация *страх хватает меня за волосы*. Прагматическая направленность номинаций состоит в создании экспрессивно-образных стилистических смыслов, на которые накладываются эмоционально-оценочные коннотации. Контекст имеет книжно-литературную стилистическую окраску. Причина, вызывающая страх, обозначена нейтрально - вторичной пропозитивной структурой, выраженной деепричастным оборотом.

Quand je sors la nuit, je commence à frissonner et trembler comme une feuille. (Maupassant).

В приведенном французском высказывании вербализуются субъект эмоционального состояния, выраженный личным местоимением в форме 1-го лица единственного числа и причина переживания страха. Эмоция страха субъекта выражена имплицитно. Глагольные обозначения *frissonner*, *trembler* свидетельствуют о внутреннем переживании страха субъектом. Во французском языке используется сравнение *trembler comme une feuille* (трястись как лист), в русском языке уточняется вид листа (*дрожать как осиновый лист*). Причина, вызывающая эмоциональное состояние страха, обозначена информативно, нейтрально - первичной пропозитивной структурой.

В текстах художественных произведений на русском и французском языках включается **генеритивный регистр**:

Это явление страшно только потому, что непонятно. А все непонятное таинственно и потому страшно (А.П. Чехов).

Повествователь обобщает информацию, соотнося со своим опытом жизни.

La peur c'est quelque chose d'effroyable, une sensation atroce, comme une décomposition de l'âme, un spasme affreux de la pensée et du coeur, dont le souvenir seul donne des frissons d'angoisse (Maupassant).

Повествователь дает определение-оценку эмоциональному состоянию страха, при этом использует метафоры *décomposition de l'âme, spasme affreux de la pensée et du coeur*, чтобы усилить образное представление о страхе. Образность, детализация - маркеры художественного стиля.

В художественных текстах на русском и французском языках включаются **волюнтивный и реактивный регистры:**

-Кто вы? – спросил я незнакомца. Голос мой был слаб, как шепот, робок от страха и звучал точно откуда-то издали. - Кто вы? – повторил я. Незнакомец молчал. - Кто вы? – спросил я в третий раз задышающимся голосом. Потом я начал кричать (А.И. Куприн).

В приведенном русском высказывании вербализуются субъект ЭС, выраженный личным местоимением и причина переживания страха. Вопрос *Кто вы?*, адресованный незнакомцу, содержит побуждение к речевому действию. Главное средство репродуктивно-повествовательного фрагмента - глаголы прошедшего времени совершенного вида, последовательно сменяющие друг друга (*спросил, повторил, спросил*). Повествователь дает характеристику голоса, меняющегося по мере возрастания страха (*слабый голос, как шепот, задышающийся голос, кричать*), который держит в напряжении читателя. Причина переживания страха обозначена информативно, нейтрально - первичной пропозитивной структурой с семантикой молчания.

Jacques Parent me saisit le bras d'un geste effaré et il cria: "Oh! J'ai peur! J'ai...j'ai...j'ai...j'ai peur! Reste, je te prie. Je ne voudrais pas demeurer seul!" (Maupassant).

В приведенном французском высказывании назван субъект ЭС (*Jacques Parent*) и причина переживания эмоции. Сильная степень переживания эмоции страха субъектом обозначена посредством номинаций действия и жеста *saisir le bras d'un geste effaré*, номинации характеристики голоса *crier*, повторения высказывания *j'ai peur, j'ai... j'ai peur*. Перечисленные детали усиливают наглядность переживания эмоции субъектом. Если в русском языке высказывание с семантикой эмоции принимает форму безличного предложения, например, *Мне страшно*, то во французском языке высказывание сравнительно часто ориентировано на первое лицо *J'ai peur*. Предложение *Reste, je te prie* выполняет иллокутивную функцию просьбы субъекта состояния, цель которой – побудить слушающего субъекта остаться, не уходить никуда. Причина переживания страха субъектом обозначена нейтрально - первичной пропозитивной структурой.

Рассмотрим прагмастилистический потенциал репрезентаций концепта эмоции страха человека в **мемуарной жанровой речи** на русском и французском языках, основу которой составляют **информативные регистровые блоки**:

Кажется, Шатилов пугал меня все это время (М.Г. Савина).

В данном русском высказывании вербализуются субъект эмоционального состояния, выраженный личным местоимением и субъект-каузатор (*Шатилов*). Память о переживании страха субъектом выражается посредством каузативного глагола *пугать*. Повествующий субъект использует модус кажимости. Каузатором страха является Шатилов.

Quand je me souviens notre dernier jour, je meurs de peur (A. Philipe).

В данном французском высказывании вербализуются субъект ЭС, выраженная личным местоимением и причина переживания эмоции. Память о переживаемом страхе выражается эксплицитно, посредством субстантивной номинации *peur*. Словосочетание *mourir de peur* несет значение высокой степени интенсивности эмоционального состояния страха. Причина переживания эмоции повествующим субъектом обозначена

нейтрально - первичной пропозитивной структурой с семантикой воспоминания.

В мемуарах на русском и французском языках на фоне информативных регистровых блоков возникают сцены, представленные в *репродуктивном регистре*: *Мой отец снова женился. Сейчас я вспоминаю этот факт спокойно, но тогда я дрожала как осиновый лист (М.Г. Савина).*

В приведенном русском высказывании вербализуются субъект ЭС, выраженный личным местоимением и причина переживания эмоции. Память о переживании страха субъектом выражается имплицитно. Подтекст опирается на импликацию *дрожать как осиновый лист*. Грамматическая оппозиция глагольных временных форм усиливается лексико-семантической оппозицией темпоральных маркеров *сейчас – тогда*. Причина переживания эмоции обозначена нейтрально - первичной пропозитивной структурой с семантикой женитьбы.

Je me souviens, qu' après l'opération ton corps n'en finissait pas, tu flottais dans ton pyjama. Tu m'as fait peur (A. Philipe).

В приведенном французском высказывании вербализуются субъект ЭС, выраженный личным местоимением и субъект-каузатор, выраженный личным местоимением в форме 2-го лица единственного числа. Память о страхе выражена с помощью каузативного глагола *faire peur*. Как и в русском высказывании, во французском используется единица с семой «память». Каузатор страха – субъект, выраженный личным местоимением в форме 2-го лица единственного числа (муж рассказчика). Причина страха носит развернутый характер: автор описывает внешний вид мужа после операции. Детальное описание внешности больного усиливает наглядное представление о нем.

В текстах мемуаров встречаются **генеритивные регистры**:

1) *Для меня страх означает лишение актерской деятельности, потеря всех жизненных ориентиров (М.Г. Савина).*

2) *La peur c'est la souffrance physique, la peur c'est la douleur de quitter ceux que l'on aime (A. Philipe).*

В русском и французском высказываниях мемуаристы дают собственные определения эмоции страха так, как они его понимают и чувствуют. В авторских определениях отождествляются само чувство страха и его главный источник.

Теперь рассмотрим прагмастилистический потенциал репрезентации концепта эмоции страха в **эпистолярном жанре речи** на материале русского и французского языков. В тексты писем включается **информативный регистр**: *Ты знаешь, здесь как-то особенно пахнет опасностью. Я понимаю, что все люди боятся, и каждый человек по-своему. Страх, опасность, неизвестность витают в воздухе. Мне никак нельзя обращать внимание на страх (Из частной переписки).*

В данном русском высказывании страх не переживается адресантом, а характеризуется как черта психологической обстановки. Враждебность обстановки в тексте и страх, который она внушает, передают следующие детали: *пахнет опасностью; страх, опасность, неизвестность витают в воздухе*. Автор письма представляет опасность в виде воздуха, запаха (*пахнет опасностью*), контролирует переживаемую им эмоцию страха и пытается это чувство преодолеть. Контроль за эмоцией страха репрезентируется посредством выражения *Мне никак нельзя обращать внимание на страх*.

Oh ! Je crains l'amour, l'amour fou, absurde, extravagant, méchant, inquiet. La peur me fit dresser les cheveux sur la tête et me fit courir la chair de poule! Je crains! Je crains! (J. Drouet).

В приведенном французском высказывании вербализуются субъект ЭС, выраженный личным местоимением и причина переживания страха. Эмоция страха, переживаемая адресантом, репрезентируется посредством прямой номинации *craindre*, метафоры *la peur fit dresser les cheveux sur la tête, fit courir la chair de poule*, экспрессивным повтором (*Je crains! Je crains!*) с

семантикой степени интенсивности страха. Автор использует в тексте синтаксическую фигуру асиндетон *Je crains l'amour fou, absurde, extravagant, méchant, inquiet* для создания особого ритма, который эмоционально воздействует на адресата. Перечисленные прилагательные обозначают качества (или характеристики) любви. Причина страха обозначена экспрессивно - вторичной пропозитивной структурой, выраженной существительным *любовь*.

В текст личного письма включается **реактивный регистр**:

Валя, прочитала твое письмо. Я очень боюсь за тебя. Ты можешь попасть в непоправимую беду (Из частной переписки).

В приведенном русском высказывании вербализуются субъект ЭС, выраженный личным местоимением и причина страха. Эмоциональное состояние адресанта выражается эксплицитно, посредством глагольной номинации *бояться*. Причина эмоции страха обозначена нейтрально - первичной пропозитивной структурой и носит развернутый характер: автор письма стремится предостеречь адресата от неправильных действий.

Итак, прагмастилистический потенциал репрезентаций концепта эмоции «страх» в художественном, мемуарном, эпистолярном жанрах можно представить в виде обобщающей таблицы.

Таблица № 10

Прагмастилистический потенциал репрезентации концепта эмоции «страх» и его отдельных компонентов в художественном, мемуарном, эпистолярном жанрах речи на материале русского и французского языков

	Русский язык	Французский язык
Художественный Жанр		
Коммуникативные Регистры речи	Репредуктивный, информативный, генеритивный, волюнтивный, реактивный	Реактивный, информативный, генеритивный, волюнтивный, реактивный
Субъект	Субъект ЭС, субъект-каузатор	Субъект ЭС, субъект-каузатор

Насыщение регистров обозначениями эмоции страха в художественных текстах	Прямые номинации: страх, ужас, бояться; метафорические: страх-холод (ужас оледенил мозг, кровь, тело, страх пробежал морозными волнами по спине, страх стягивает на черепе кожу), акустические признаки: слабый голос, как шепот, задыхающийся голос, кричать; внутреннее переживание страха: немеют ноги, судорога сводит ноги; действие: выбежать; вопрос с семантикой поощрения к действию	Прямые номинации: peur, avoir peur; метафорические: frisson courut entre les épaules (мороз пробегает между лопатками), акустические признаки: crier; внутреннее переживание страха: le coeur battant, bouleversés au moindre bruit, l'oreille tendue; действия и жесты: saisir le bras d'un geste effaré; коммуникатив Oh!; волютив с семантикой просьбы
Причина переживания эмоции субъектом	2 высказ. – первичная пропоз. структ. 1 высказ.- вторичная пропоз. структ.	3 высказ. – первичная пропоз. структ.
Мемуарный жанр		
Коммуникативные регистры речи	информативный, репродуктивный, генеритивный	Информативный, репродуктивный, генеритивный.
Субъект	Субъект ЭС	Субъект ЭС
Насыщение регистров обозначениями эмоции страха в мемуарных текстах	Прямые номинации: пугать, страх; метафорические: дрожать как осиновый лист; темпоральные маркеры: сейчас-тогда, сема «память»	Прямые номинации: faire peur метафорические: mourir de peur; сема «память»
Причина переживания эмоции субъектом	1 высказ. – первичная пропоз. структ. 1 высказ.- вторичная пропоз. структ.	1 высказ.- первичная пропоз. структ.; 1 высказ. – вторичная пропоз. структ. 1 высказ.- развернутый характер причины
Эпистолярный жанр		
Коммуникативные регистры речи	Информативный, реактивный	Информативный, реактивный
Субъект	Адресант, адресат, третье лицо	Адресант, адресат, третье лицо
Насыщение регистров обозначениями эмоции страха в эпистолярных текстах	Прямые номинации: бояться, страшно, страх; метафорические: страх витает в воздухе; противопоставление нет-есть	Прямые номинации: craindre, faire peur; метафорические: la peur fit dresser les cheveux sur la tête, fit courir la chaire de poule; коммуникатив Oh!; повторы, параллельные конструкции
Причина эмоции	2 высказ.-первичная пропоз.	1 высказ.- вторичная пропоз.

	структ. 1 высказ. – развернутый характер причины	струк.
--	--	--------

3.4. Анализ прагмастилистического потенциала репрезентации концепта базовой эмоции «гнев» и его отдельных компонентов в художественном, мемуарном и эпистолярном жанрах речи на материале русского и французского языков.

Сначала рассмотрим прагмастилистический потенциал репрезентаций концепта эмоции «гнев» в художественном жанре речи, в текстах которого встречаются *репродуктивные регистры*:

Он так и не приехал. Галя топала ногами, металась по комнате, визжала, причитала, лицо ее даже почернело от бешенства (Васильев).

В приведенном русском высказывании назван субъект ЭС (Галя) и причина переживания гнева. Внешнее проявление переживания эмоции субъектом репрезентируется посредством номинаций действий *метаться, визжать, причитать, швырять все на пол, буянить*. В данном случае подтекст основан на импликации. Гнев ассоциируется с черным цветом, тому подтверждение использование метафоры *почернеть от бешенства*. Причина переживания гнева обозначена информативно - первичной пропозитивной структурой. Детализация, наглядность описания переживания переживания чувства – маркеры художественного стиля и репродуктивного регистра. В приведенном контексте доминирует авторский модус.

Je reconnais la voix suraiguë de Folcoche, le timbre grave de papa, les onomatopées de Fine (Bazin).

В приведенном французском высказывании вербализуются субъекты ЭС (Folcoche, Fine, papa). Автор использует номинации *la voix suraiguë, les onomatopées, le timbre grave*, характеризующие акустические признаки голоса (визг, тьяканье), для усиления образно-ассоциативного представления речи героев. Кроме того, чувствуется ироническое отношение автора к персонажам. Эмоциональная окраска обозначений проявления эмоции гнева содержит информацию, направленную на воздействие на адресата со

стороны говорящего. Причина переживания гнева не обозначена непосредственно, она носит контекстный характер (семейный конфликт).

В текстах художественных произведений на русском и французском языках встречаются **информативные регистры**:

Демидов и Поляков ненавидели друг друга. Каждый раз, когда они встречались, обязательно дрались (С.А. Васильев).

В русском высказывании названы субъекты ЭС (*Демидов и Поляков*). Эмоция гнева репрезентируется с помощью прямой глагольной номинации *ненавидеть*. Номинация *драться* обозначает действие субъекта, находящегося в состоянии гнева. Причина гнева обозначена информативно, нейтрально - первичной пропозитивной структурой с семантикой встречи.

Folcoche haïssait les enfants. Elle pouvait en frémir. Chaque fois les dents serrées, les yeux durs, elle fixait Marcel et Frédie longuement (Bazin).

В данном французском высказывании назван субъект ЭС (*Folcoche*) и субъекты-каузаторы (*Marcel, Frédie*). Эмоциональное состояние гнева субъекта репрезентируется посредством глагольных номинаций *haïr, frémir*. Подтекст опирается на импликацию *les dents serrées, les yeux durs*. Детализация проявления эмоции гнева характерна для художественного стиля. Причина эмоции обозначена свернуто - вторичной пропозитивной структурой, выраженной существительным *des enfants* (*Психимора ненавидела детей*).

В текстах художественных произведений на русском и французском языках используются **генеритивные регистры речи**:

Сейчас я нисколько не сомневаюсь, что гнев - плохой советчик (Р.М. Коваленко).

В приведенном высказывании повествователь использует пословицу в которой обобщен опыт коллективного субъекта, и это обобщение дает возможность персонажу контролировать свои действия, реакции, речь.

1) La haine est un levier plus puissant, que l'amour. 2) Aimer, c'est s'aboliquer. Haïr, c'est s'affirmer. 3) Le bien, c'est moi. Le mal, c'est vous (Bazin).

Во французском высказывании определение гнева строится на противопоставлении: добро-зло, ненависть-любовь.

В тексты художественных произведений на русском и французском языках включаются **волюнтивный и реактивный регистры:**

- Идиотство, - гневно сказал он, - Ну идиотство полное!... Позовите врача! – закричал Психопат (Шукиин).

В приведенном русском высказывании назван субъект ЭС (*Психопат*). Высказывание «*Идиотство*» – реактивная функция, ответная реакция с интонацией возмущения на событие, которое происходило до этого. Высказывание «*Позовите врача*» содержит побуждение к действию и выполняет функцию приказа, которая выражена глаголом в повелительном наклонении. Номинация *кричать* характеризует эмоциональное состояние гнева персонажа.

Quel immonde enfant! – hurla-t-elle, en lui lançant à la volée une gifle retentissante. (Bazin).

В данном французском высказывании вербализуется субъект ЭС, выраженный личным местоимением и субъект-каузатор (ребенок). Реплика *Quel immonde enfant* – ответная реакция субъекта с интонацией возмущения на поступок ребенка. В высказывание включена пресуппозиция. Указание на голос персонажа (*hurler*) и действие (*lancer une gifle retentissante*) свидетельствует о переживании гнева субъектом.

Рассмотрим прагмастилистический потенциал концепта эмоции «гнев» в **мемуарном жанре речи**, основу текстов которого составляют **информативные регистровые блоки:**

Мать часто выгоняла меня из дому, кричала, что не намерена «кормить дармоедку и развратницу», упрекала меня побегом от отца. (Савина).

В приведенном высказывании вербализуются субъект ЭС (*мать*) и субъект-каузатор, выраженный личным местоимением. В высказывании эмоциональное состояние гнева персонажа выражается имплицитно. Номинации действий *выгонять из дому, кричать, упрекать* ярко

иллюстрируют высокую степень интенсивности этого состояния. В косвенной речи изображенного субъекта использованы инвективные номинации *дармоедка, развратница*. Причина ненависти носит контекстный характер.

Les enfants tracassaient Paul. Il agitait toujours les bras, piétinait de colère, vociférait (Rolland).

В данном французском высказывании названы субъект эмоционального состояния (*Paul*) и субъект-каузатор (*enfants*). Эмоциональное состояние гнева субъекта репрезентируется посредством номинаций действий, которые обычно совершает человек в состоянии ярости: *agiter les bras, piétiner de colère, vociférer*. Следует отметить, что номинация действия *топать ногами* выражена в русском языке посредством словосочетания, во французском языке это действие выражается посредством одной лексемой *piétiner*. Причина переживания гнева обозначена нейтрально - первичной пропозитивной структурой с семантикой беспокойства (Дети беспокоили Поля).

В русских и французских мемуарах на фоне информативных регистровых блоков возникают сцены, представленные в **репродуктивном регистре**:

Репетиция водевиля должна была начаться после большой пьесы, как вдруг Сосницкая вбегает к нам и объявляет, что спектакль не состоится. Славянский начинает рвать и метать, в гневе кричать на всех (М.Г. Савина).

В приведенном высказывании вербализуются субъект эмоционального состояния (*Славянский*) и причина возникновения гнева. Эмоциональное состояние гнева одного из изображенных субъектов репрезентируется посредством прямой номинации *кричать в гневе*, а также фразеологизма *рвать и метать*. В высказывании повествователь совмещает настоящее и прошедшее время, что характерно для мемуаров. Глаголы настоящего времени используются с целью приблизить и сделать наиболее наглядным и

ощутимым эмоциональное состояние субъекта. Причина переживания гнева субъекта обозначена нейтрально - первичной пропозитивной структурой.

Après de longues discussins Paul sauta de sa chaise et bondit soudin comme un léopard blessé. Une vraie colère le prit; une colère jaune (Rolland).

В данном высказывании назван субъект ЭС (*Paul*) и причина переживания гнева. Эмоциональное состояние гнева субъекта выражается эксплицитно, посредством прямой номинации *colère*. Номинация *bondir comme un léopard blessé* обозначает действие субъекта, совершаемое в состоянии гнева. В высказывании используется сравнение (как раненый леопард) для наглядности эмоционального состояния субъекта. Словосочетание *une colère jaune* (желтый гнев) обозначает высокую степень интенсивности переживания эмоции гнева. Причина гнева обозначена свернуто - вторичной пропозитивной структурой, выраженной существительным *дискуссия*.

Рассмотрим прагмастилистический потенциал базовой эмоции «гнев» в **эпистолярном жанре речи**, в текстах которого встречаются **информационные регистры**:

В последнее время Мур все чаще срывает на мне зло. Он не понимает, что перед ним плачет не женщина, а скала (М.И. Цветаева).

В приведенном русском высказывании назван субъект ЭС (*Мур*) и субъект-каузатор, выраженный личным местоимением. Эмоциональное состояние гнева третьего лица выражается эксплицитно, с помощью номинации *срывать зло*, характерной для разговорной речи. Адресант использует в последней фразе сравнение (*не женщина, а скала*), выражая тем самым собственное эмоциональное состояние. Причина гнева не обозначена непосредственно, она подразумевается.

Marie! Tu sais la nouvelle? Imagine! Jean se marie. Dire que j'ai été amoureuse de lui. Je me suis mis en colère! (Из частной переписки).

В данном французском высказывании вербализуются субъект эмоционального состояния, выраженный личным местоимением и причина переживания гнева. Эмоциональное состояние гнева, раздражения адресанта

репрезентируется посредством прямой номинации *se mettre en colère*, а также посредством собственно эмотивного предложения *dire que j'ai été amoureuse de lui*. Глагол *dire* приобретает яркое эмоциональное звучание только в качестве элемента, вводящего придаточное предложение *Dire que* (подумать только...). Такие предложения выражают недовольство, гнев, возмущение. Причина переживания гнева обозначена информативно, нейтрально - первичной пропозитивной структурой с семантикой женитьбы.

Итак, прагматилистический потенциал репрезентаций концепта эмоции «гнев» в художественном, мемуарном, эпистолярном жанрах можно представить в виде обобщающей таблицы.

Таблица № 11

Прагматилистический потенциал репрезентаций концепта эмоции «гнев» и его отдельных компонентов в художественном, мемуарном, эпистолярном жанрах речи на материале русского и французского языков

	Русский язык	Французский язык
Художественный жанр		
Коммуникативные регистры речи	Репродуктивный, информативный, генеритивный, волюнтивный, реактивный	Репродуктивный, информативный, генеритивный, волюнтивный, реактивный
Субъект	Субъект ЭС	Субъект ЭС
Насыщение регистров обозначениями эмоции гнева в художественных текстах	Прямые номинации: бешенство, ненавидеть, гневно; метафорические: почернеть от бешенства; действия в состоянии гнева: метаться по комнате, драться, топнуть ногой; акустические признаки: визжать, причитать, закричать; реакция с интонацией возмущения на действие	Прямые номинации: la haine, haïr, mal; внешние проявления гнева: froncer les sourcils, demi-douzaine de sourires différants, les yeux durs; акустические признаки гнева: la voix suraiguë, les onomatopées, le timbre grave, hurler; действия в состоянии гнева: lancer une gifle retentissante; реакция с интонацией возмущения на действие
Причина переживания эмоции субъектом	2 высказ.- первичная пропоз. струк.; 1 высказ.- контекст.	1 высказ.- вторичная пропоз. структ.; 2 высказ. – контекст.
Мемуарный жанр		
Коммуникативные регистры речи	Информативный, репродуктивный	Информативный, репродуктивный

Субъект	Субъект ЭС	Субъект ЭС
Насыщение регистров обозначениями эмоции гнева в мемуарных текстах Причина переживания эмоции субъектом	Прямые номинации: гнев; действия в состоянии гнева: рвать и метать, топтать ногами; акустические признаки гнева: кричать в иступлении; использование инвективы; модус кажимости; совмещение настоящего времени с прошедшим 2 высказ.- первичная пропоз. структ.; 1 высказ.- контекст.	Прямые номинации: fureur, s'énervier, colère; метафорические номинации: bouffer de colère; действия в состоянии гнева: se lever comme les broyer, agiter les bras, piétiner, vociférer, bondir comme un léopard blessé; цветовые ассоциации: colère jaune; акустические признаки: crier; эмотивные предложения; 1 высказ. – первичная пропоз. структ.; 1 высказ. – вторичная пропоз. структ.
Эпистолярный жанр		
Коммуникативные регистры	Информативный	информативный
Субъект	Адресант ЭС, переживание гнева третьих лиц	Адресант ЭС, переживание гнева третьих лиц
Насыщение регистров обозначениями эмоции гнева в эпистолярных текстах Причина переживания эмоции субъектом	Прямые номинации: гнев, ненависть; действия в состоянии гнева: скандалить, кричать; эмотивные предложения 1 высказ.- контекст.	Прямые номинации: se mettre en colère, avoir les abeilles; действия в состоянии гнева: gifler, secouer au collet; эмотивные предложения 1 высказ.- первичная пропоз. структ.

3.5. Анализ прагмастилистического потенциала репрезентаций концепта эмоции «удивление» и его отдельных компонентов в художественном, мемуарном и эпистолярном жанрах речи на материале русского и французского языков

Рассмотрим прагмастилистический потенциал репрезентаций концепта эмоции «удивление» в художественном жанре речи, в тексты которого включаются *репродуктивные регистры*:

Узнав о существовании своего сына, Волков вздернул брови, выкатил глаза, удивился он тоже крупно и выразительно (Коваленко).

В приведенном русском высказывании назван субъект ЭС (*Волков*) и причина возникновения эмоции. Эмоция удивления субъекта выражена эксплицитно, посредством прямой глагольной номинации *удивиться*, которая сочетается с наречиями *крупно и выразительно*, обозначающими внешнее проявление удивления. Номинации *вздернул брови, выкатил глаза* характеризуют мимическое выражение удивления. Детализация и наглядность внешнего проявления переживания эмоции субъектом – маркеры художественного стиля и репродуктивного регистра речи. Причина обозначена информативно - вторичной пропозитивной структурой с семантикой знания причины, выраженной деепричастным оборотом.

Pendant l'intermède, les acteurs se prirent de bec. Perronne les regardait avec des yeux grands ouverts et restait bouche bée (Sagan).

В приведенном французском высказывании назван субъект ЭС (*Perronne*) и причина удивления. Эмоция удивления субъекта выражена имплицитно. Фразеологические единицы *regarder avec des yeux grands ouverts et rester bouche bée* характеризуют мимическое выражение удивления. Наглядность описания внешнего проявления эмоции – маркер художественного стиля. Причина эмоции обозначена информативно - первичной пропозитивной структурой с семантикой драки.

В художественных текстах есть высказывания, представленные в **информативном регистре**:

Петр все время удивлялся тому, как такой робкий на вид парень мог свободно прыгать с парашютом (Бондарев).

В приведенном русском высказывании названы субъект эмоционального состояния (*Петр*) и субъект-каузатор (*парень*). Эмоциональное состояние удивления персонажа выражается эксплицитно, посредством прямой номинации *удивляться*. Номинация *все время* выражает постоянство переживания этого эмоционального состояния. Причина эмоции обозначена

информативно, нейтрально - первичной пропозитивной структурой с семантикой *прыгать с парашютом*.

La double vie de la comtesse, de son amie étonnait Jeanne. Tout le monde était donc perfide, menteur et foux (Maupassant).

В данном французском высказывании назван субъект ЭС (*Jeanne*) и причина удивления. Эмоциональное состояние удивления субъекта выражается эксплицитно, посредством каузативного глагола *étonner*. Причина эмоции обозначена свернуто - вторичной пропозитивной структурой, выраженной номинацией *double vie* (двойная жизнь).

В текстах художественных произведений встречается **генеритивный регистр**: *Василий еще долго сидел и размышлял о своей жизни. Он пришел к такому выводу, что не стоит ничему удивляться, что нужно быть готовым ко всему (Коваленко).*

В русском высказывании повествователь делает вывод, соотнося со своим опытом жизни, заключающий призыв быть готовым к различным ситуациям.

В тексты художественных произведений включаются **волюнтивный и реактивный регистры**:

Мария открыла маленькую коробочку и увидела изящный золотой браслет: «Что я вижу! Подумать только!» (Васильев).

В приведенном высказывании назван субъект ЭС (*Мария*) и причина переживания удивления. В репродуктивно-повествовательный фрагмент включается реактивный регистр, носителем которого является эмотивное междометие с семантикой удивления *Что я вижу!*, производного от глагола зрительного восприятия, что является причиной переживания удивления субъектом. Коммуникатив *Подумать только!* передает адмиративную оценку совместно с эмоциональной. Причина обозначена нейтрально – первичной пропозитивной структурой.

Charles a rencontré son ami: “La belle surprise!”(Flaubert).

В репродуктивно-повествовательный фрагмент включается реактивный регистр. Во фрагменте назван субъект эмоционального состояния (*Charles*) и

причина удивления. Носителем реактивной функции является субстантивная номинация с семантикой удивления *surprise*. Определенному артиклю в этом случае в русском языке соответствует определение *какой, вот (так) (Вот так неожиданность)*. Причина удивления обозначена нейтрально - первичной пропозитивной структурой с семантикой встречи.

Рассмотрим прагмастилистический потенциал репрезентаций концепта эмоции удивления в **мемуарной жанровой речи** на русском и французском языках. Основу мемуарных текстов составляют **информативные регистровые блоки**:

Некоторые актеры каждый раз опаздывали на репетиции. Я всегда этому удивлялась (Савина).

В русском высказывании вербализуются субъект ЭС, выраженный личным местоимением и причина удивления. Эмоциональное состояние субъекта выражается эксплицитно, посредством прямой номинации *удивляться*. Причина эмоции обозначена нейтрально - первичной пропозитивной структурой с семантикой опаздания.

В мемуарах на фоне информативных регистровых блоков есть описания, представленные в **репродуктивном регистре**:

Группа долго репетировала и готовилась, но спектакль так и не состоялся. Все актеры изумились этому факту (Савина).

В русском высказывании назван субъект эмоционального состояния (*актеры*) и причина переживания удивления. Эмоциональное состояние удивления субъектов выражается посредством прямой глагольной номинации *изумиться*, которая обозначает высокую степень переживания удивления. Причина изумления субъектов обозначена нейтрально - первичной пропозитивной структурой.

Je me rappelais quelle avait été ma surprise lorsqu'elle m'avait parlé de son premier amant (Rolland).

Во французском высказывании эмоциональное состояние удивления повествующего субъекта выражается эксплицитно, посредством

субстантивной номинации *surprise*. В модусной рамке используется единица семой «память» *se rappeler*. Причина эмоции обозначена нейтрально - первичной пропозитивной структурой с семантикой рассказа.

Рассмотрим прагмастилистический потенциал репрезентации эмоции удивления в **эпистолярном жанре речи**. В текстах писем встречаются **информативные регистры**:

Каково было мое изумление, когда я увидел первый раз Собор Парижской богородицы! (Левитан).

В приведенном русском высказывании вербализуются субъект ЭС и причина переживания удивления. Эмоциональное состояние удивления субъекта (адресанта) выражается эксплицитно, посредством прямой номинации *изумление* и эмотивного предложения. Причина удивления обозначена экспрессивно - первичной пропозитивной структурой с семантикой визуального восприятия, данное в созерцании собора. Удивление содержит положительную оценку – изумление-восхищение.

Votre vue nette de la vie, votre pensée, votre amour pitoyable m'étonnent (Rolland).

В приведенном французском высказывании эмоциональное состояние удивления адресанта выражается эксплицитно, посредством каузативного глагола *étonner*. Причина эмоции обозначена свернуто - вторичной пропозитивной структурой, выраженной существительными *взгляд на жизнь, мысли, любовь*. (*Ваш взгляд на жизнь, ваши мысли, ваша необыкновенная любовь удивляют меня*).

Кроме информативного регистра в письмах есть **реактивные регистры**:
Владимир, не нахожу слов выразить свое изумление за получение посылки от тебя (Левитан).

В данном русском высказывании эмоциональное состояние удивления адресанта выражается эксплицитно, посредством прямой субстантивной номинации *изумление*, которая обозначает высокую степень эмоционального состояния. Выражение *не нахожу слов (выразить свое изумление)*,

характерное для разговорного стиля, обозначает степень крайнего удивления. Причина удивления обозначена свернуто - вторичной пропозитивной структурой, выраженной существительным *получение посылки*.

Votre lettre m'a étonné ! Epargnez vos forces (Rolland).

Во французском высказывании эмоциональное состояние удивления адресанта выражается эксплицитно, посредством каузативного глагола *étonner* и эмотивного предложения. Причина удивления обозначена свернуто - вторичной пропозитивной структурой, выраженной существительным *lettre*.

Итак, прагмастилистический потенциал репрезентаций концепта эмоции «удивление» в художественном, мемуарном, эпистолярном жанрах можно представить в виде обобщающей таблицы.

Таблица № 12

Прагмастилистический потенциал репрезентаций концепта эмоции «удивление» и его отдельных компонентов в художественном, мемуарном, эпистолярном жанрах речи на материале русского и французского языков

	Русский язык	Французский язык
Художественный Жанр		
Коммуникативные регистры речи	Репродуктивный, информативный, генеритивный, волюнтивный, реактивный	Репродуктивный, информативный, волюнтивный, реактивный
Субъект	Субъект ЭС, субъект-каузатор	Субъект ЭС, субъект-каузатор
Насыщение регистров обозначениями эмоции удивления в художественных текстах	Прямые номинации: удивиться; внешние проявления эмоции: вздернул брови, выкатил глаза, всплеснуть руками, открыть рот, уставиться своими глазами; коммуникатив <i>Подумать только!</i> , эмотивные предложения	Прямые номинации: étonner, l'étonnement, внешние проявления удивления: les yeux ronds; эмотивные предложения; реактивы с семантикой неожиданности, коммуникатив <i>Oh!</i>
Причина переживания эмоции субъектом	1 выск.- первичная пропоз. струк. 1 высказ.- вторичная пропоз. струк.	1 высказ.-первичная пропоз. струк.; 1 высказ.- вторичная пропоз. струк.
Мемуарный жанр		
Коммуникативные регистры речи	Информативный, репродуктивный	Информативный, репродуктивный

Субъект	Субъект ЭС	Субъект ЭС
Насыщение регистров обозначениями эмоции удивления в мемуарных текстах Причина переживания эмоции	Прямые номинации: удивляться, изумляться; косвенные номинации: смотреть во все глаза, не верить своим ушам; сема «память» 2 высказ. – первичная пропоз. структ.	Прямые номинации: s' étonner, étonnement, surprise; сема “память” 1 высказ.- первичная пропоз. структ.
Эпистолярный жанр		
Коммуникативные регистры речи	Информативный, реактивный	Информативный, реактивный
Субъект	Эмоция удивления адресанта	Эмоция удивления адресанта
Насыщение регистров обозначениями эмоции удивления в эпистолярных текстах Причина переживания эмоции	Прямые номинации: изумление; внешние проявления эмоции: окаменеть, застыть, чуть не упасть, не находить слов; эмотивные предложения 1 высказ.- первичная пропоз. структ.	Прямые номинации: s' étonner; эмотивные предложения 2 высказ.- вторичная пропоз. структ.

Выводы по третьей главе

Прагмастилистический потенциал репрезентаций концептов базовых эмоций человека на материале русского и французского языков реализуется и выявляется на уровне анализа стилей и жанровых разновидностей (художественного, мемуарного, эпистолярного) с опорой на концепцию коммуникативных регистров речи. В художественном, мемуарном, эпистолярном жанрах речи коммуникативные регистры речи насыщены обозначениями базовых эмоций и причин их переживания. Концепты базовых эмоций, репрезентированные в текстах, содержат образные, оценочные, ассоциативные, ценностные смыслы, кроме основных (субъект, предикат, причина). Наиболее богато насыщены этими факультативными

смыслами репродуктивные и информативные регистры художественных текстов. В них встречаются индивидуально- авторские номинации базовых эмоций человека и многограннее, полнее отражен характер эмоционального переживания субъекта, адекватный самому феномену чувства.

Концепт *радости* выразительно и объемно репрезентирован в художественном и мемуарном жанрах, беднее в эпистолярном жанре речи как на материале русского, так и на материале французского языка. В репродуктивных и информативных регистрах *художественного жанра* наблюдается детализация описания внутреннего состояния и внешнего проявления эмоции посредством прямых номинаций, метафор, сравнений, синтаксических фигур. В генеритивном регистре русского высказывания радость эксплицируется как огромная ценность, которая выражается в том, что она переживается субъектом редко, поэтому ассоциируется, например, с сосудом родниковой воды. В реактивных и волюнтивных регистрах высказывания с семантикой радости содержат побуждения к действию и образы зрительного восприятия, выражающиеся с помощью экскламативов «*Какая красота*», «*Comme c'est beau!*» . В русских и французских высказываниях причина обозначена в большинстве случаев нейтрально и рационалистически - первичной и вторичной пропозитивными структурами, в одном из русских высказываний причина носит контекстный характер. В приведенных французских высказываниях наблюдается описание высшей степени развернутости причины. В *мемуарном жанре* наиболее разнообразно представлено описание переживания радости в информативном и репродуктивном регистрах речи. Так, в одном из французских высказываний эмоция радости ассоциируется с человеком, поэтому метафорически наделена человеческими качествами (красивая, чистая, тихая). Перечисленные качества радости содержат также ценностные смыслы. В *эпистолярном жанре* на материале русского и французского языков описание переживания радости представлено главным образом в информативном и реактивном регистрах. В высказываниях текстов писем

великих русских и французских писателей эмоция радости репрезентируется посредством прямых номинаций, метафор, гипербол, повторов, восклицательных предложений, создающих особый ритм, который эмоционально воздействует на читателя. В приведенных русских высказываниях причина переживания радости субъектами обозначена нейтрально - первичными и вторичными пропозитивными структурами, во французских - вторичными пропозитивными структурами, тоже преимущественно стилистически нейтрально. Концепт эмоции *печали* разнообразно репрезентирован в русских и французских художественном, мемуарном и эпистолярном жанрах. Наиболее богато даны описания переживания печали в репродуктивном и информативном регистрах *художественного жанра*. Детализация описания эмоции осуществляется за счет метафор, сравнений, гипербол, персонификации печали. В русском высказывании встречается словосочетание *светлая печаль*, которая выражает положительную образную оценку эмоции. В русских и французских высказываниях причина обозначена нейтрально - первичными и вторичными пропозитивными структурами. В одном из приведенных нами русских высказываний описание чувства печали дано в образном контексте бескрайних просторов, что отражает специфику русской ментальности. В *мемуарных текстах* на материале русского и французского языков описание печали наиболее разнообразно представлено в информативном и репродуктивном регистрах речи. В приведенных французском высказывании печаль ассоциируется с «тысячами иглами, которые впились изнутри субъекта», с криком, болью. В русских и французских высказываниях причина обозначена стилистически нейтрально - первичной и вторичной пропозитивными структурами. В одном из французских высказываний описание причины развернуто. В русских и французских *эпистолярных текстах* великих писателей широко используются метафоры, сравнения, парадоксы, эллипсисы, параллелизмы, градации. В русском и французском высказываниях причина переживания печали субъектами обозначена

первичными пропозитивными структурами. Обозначения эмоции *страха* наиболее разнообразно представлены в художественном жанре, меньше – в мемуарном и эпистолярном жанрах. В *художественном жанре* эмоция страха репрезентируется посредством прямых номинаций, метафор. В русских и французских высказываниях страх ассоциируется с холодом, морозом, только во французском языке «мороз пробегает между лопатками», а в русском – «мороз пробегает по спине или по коже». В русских высказываниях страх персонифицируется и представляется живым существом (*страх пробежал по спине*) или орудием пытки (*страх стягивает кожу*). В приведенных русских высказываниях причина страха обозначена нейтрально - первичной и вторичной пропозитивными структурами, во французских - преимущественно первичными пропозитивными структурами. Что касается *мемуарного жанра речи*, то номинации с семантикой страха представлены в основном в информативных регистрах речи. В русских и французских высказываниях причина страха обозначена первичной и вторичной пропозитивными структурами. В одном из французских высказываний причина носит развернутый характер. Во французских *эпистолярных высказываниях* параллелизмы, повторы, асиндетон, градации подчеркивают состояние сильного напряжения, в котором пребывает автор писем. В русском высказывании причина обозначена первичной пропозитивной структурой и носит развернутый характер, во французском - вторичной пропозитивной структурой. Обозначения эмоции *гнева* богато представлены в художественном и мемуарном жанрах, немного – в эпистолярном жанре речи на материале русского и французского языков. Особенно глубоко дано описание эмоции гнева в репродуктивных и информативных регистрах речи *художественного жанра*. Во французском высказывании акустические признаки голоса ассоциируются с тьяканьем, визгом. В русских и французских высказываниях обозначения действий, которые совершает субъект в состоянии гнева, в основном совпадают. В русском высказывании гнев

оценивается как плохой советчик, во французском гнев как зло противопоставляется добру. В одних русских высказываниях причина гнева обозначена первичными пропозитивными структурами, в других причина носит контекстный характер. В одном французском высказывании причина гнева обозначена вторичной пропозитивной структурой, а в двух других причина гнева носит контекстный характер. В *мемуарном жанре* обозначения гнева в основном представлены в информативном и репродуктивном регистрах. Эмоция гнева репрезентируется с помощью прямых и косвенных номинаций. В одном русском высказывании причина гнева носит контекстный характер, а в двух других высказываниях причина гнева обозначена первичными пропозитивными структурами. Во французских высказываниях причина гнева обозначена первичными и вторичными пропозитивными структурами. В *эпистолярном жанре* обозначения эмоции гнева наиболее разнообразно представлены в информативном жанре речи. Эмоция репрезентируется в основном прямыми номинациями. В русском высказывании причина гнева носит контекстный характер. Во французском высказывании причина гнева обозначена первичной пропозитивной структурой. *Обозначения удивления* менее богато представлены в художественном, мемуарном и эпистолярном жанрах на материале русского и французского языков. Описания переживания удивления в основном представлены в репродуктивных и информативных регистрах *художественного жанра*. В русских и французских высказываниях причина удивления обозначена первичными и вторичными пропозитивными структурами. В мемуарном и эпистолярном жанрах речи удивление представлено в виде констатации факта эмоции. В русских и французских высказываниях причина удивления обозначена первичными и вторичными пропозитивными структурами.

Из всего сказанного видно, что функционирование концептов базовых эмоций человека в разных жанрах и стилях обнаруживает преимущественно сходства, которые заключаются в следующем. В *художественном жанре*

тексты на материале русского и французского языков являются полирегистровыми. Именно в художественных текстах наблюдается детализация описания базовых эмоций человека. Контексты имеют традиционную книжно-литературную окраску. Во многих высказываниях доминирует авторский модус. В *мемуарных текстах* наиболее разнообразное описание эмоций представлено в информативном и репродуктивном регистрах, реже встречается в генеритивном регистре речи. Высказывания мемуарных текстов сочетают элементы нейтрального и художественного стилей. В *эпистолярном жанре* описание базовых эмоций человека встречается в информативном и реактивном регистрах речи. Высказывания писем «обычных» носителей языка содержат элементы нейтрального и разговорно-бытового стиля, а для высказываний писем великих писателей характерен художественный стиль. Причины переживания эмоций в русских и французских высказываниях обозначены обычно нейтрально - первичной и вторичной пропозитивными структурами. Функционирование концептов базовых эмоций человека в различных жанрах и стилях на материале русского и французского языков обнаруживает некоторые различия, заключающиеся в содержании коммуникативных регистров, которые включают образные, оценочные, ассоциативные, ценностные смыслы.

Заключение

Данная работа посвящена одной из сложных проблем современной теоретической семантики - обоснованию и апробации интегративного и комплексного метода исследования языковых и речевых репрезентаций эмоций, который в нашей интерпретации представляет собой сочетание взаимосвязанных идей и методов системно-структурной и антропоцентрической семантики. Характеристика достижений и некоторой ограниченности отдельных концепций и соответствующих работ, посвященных репрезентациям эмоций, показывает, что современные лингвистические парадигмы накладываются одна на другую, сосуществуют в одно и то же время и дополняют друг друга. Системно-структурные исследования репрезентаций эмоций осуществляются в основном на каком-то одном уровне языка. Исследования языковых и речевых репрезентаций эмоций, выполненных в русле антропоцентрической парадигмы, осуществляются в основном в лингвокультурологическом и семантико-когнитивном аспектах. Характеризуя имеющуюся по теме литературу, мы пришли к выводу, что объективная и полная картина репрезентаций эмоций может быть получена лишь при интегративном и комплексном их исследовании. С опорой на рассмотренные нами идеи и методы мы предложили собственный вариант разработки теоретических основ интегративного и комплексного исследования репрезентаций базовых эмоций в языке и речи, который включает когнитивно-семантический, лингвокультурологический, прагмастилистический, сопоставительный аспекты. За рамками нашего исследования остался психолингвистический подход к исследованию языковых репрезентаций базовых эмоций человека, который, на наш взгляд, является, безусловно, перспективным.

В центре настоящего исследования находится понятие «концепт базовой эмоции человека», который аналитически «развертывается» в пропозитивно-фреймовую структуру, включающую лексико-семантическое, семантико-

синтаксическое и формально-грамматическое наполнение (для всех пяти базовых эмоций человека) на материале словарей, отдельных высказываний и текстов разных жанров и стилей. При этом наши наблюдения систематизируются на основе инвариантной семантической структуры ситуации эмоционального переживания (состояния, отношения). Инвариантно-вариативный принцип исследования таких образований, как концепты, позволил представить их многоаспектно, объемно. Кроме того, нами использованы лингвокультурологические интерпретации концептов базовых эмоций человека с привлечением обширного словарного и текстового материала, что позволило отметить их национально-культурные черты.

Концепты базовых эмоций человека реализуются и выявляются на уровне анализа стилевых и жанровых разновидностей (художественного, мемуарного, эпистолярного) речи с опорой на концепцию коммуникативных регистров. В соответствии с содержательной структурой концепта базовых эмоций коммуникативные регистры выражают обязательные и сопутствующие им образные, оценочные, ассоциативные, ценностные смыслы. Наиболее насыщены образными значениями репродуктивные и информативные регистры художественных текстов. В них зафиксированы индивидуально-авторские номинации базовых эмоций человека и многогранно отражено эмоциональное переживание субъекта, адекватное самому феномену чувства.

Объединение исследовательского аппарата классической и современной семантики, лингвокультурологии, прагматистики плодотворно при описании репрезентаций эмоций человека, с одной стороны, и при углубленном изучении каждого из указанных аспектов концепта, с другой стороны. Однако наша работа не претендует на абсолютную полноту и адекватность семантического представления исследуемых концептов. Интегративный и комплексный метод анализа языковых и речевых репрезентаций эмоций человека имеет, на наш взгляд, перспективу

дальнейшего совершенствования. Он может включать в себя и другие сочетания взаимосвязанных между собой методов, подходов, понятий. Предложенный и апробированный в диссертации метод может быть использован при описании другого фрагмента (других фрагментов) языковой картины мира (в первую очередь сложных, многокомпонентных феноменов).

Что касается текстовых источников материала исследования, то в дальнейшем могут быть привлечены эссе, сказки и другие тексты. Возможно также сопоставление текстов в избранном плане, относящихся к разным периодам развития языка и словесности.

Библиографический список используемой литературы

Акишина 1991 – Акишина А.А. Жесты и мимика в русской речи: Лингвострановедческий словарь. – М.: Русский язык, 1991. – 144 с.

Алефиренко 2005 – Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики: Монография. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.

Антюхов 2001 – Антюхов А.В. Русская мемуарно-автобиографическая литература 18 века (Генезис. Жанрово-видовое многообразие. Поэтика): Авторефер. дис. ... д-ра филолог. наук. – М., 2001. – 28с.

Апресян 1994 – Апресян В.Ю. Эмоции: современные американские исследования // Семиотика и информатика. Вып. 34. – М., 1994. – С. 82-95.

Апресян 1995 – Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Шк. «Языки русской культуры», 1995. – 472 с.

Апресян 1995 (а) – Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Шк. «Языки русской культуры», 1995. – 767с.

Апресян 2004 – Апресян Ю.Д. Лингвистическая терминология словаря //Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и добавленное. – Москва, Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. – С. ххii-lii.

Арнольд 1991 – Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике. – М.: «Высшая школа», 1991. – 140 с.

Арутюнова 1976 – Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

Арутюнова 1980 – Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – С. 156-249.

Арутюнова, Падучева 1985 – Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.16. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С.3-42.

Арутюнова 1990 – Арутюнова Н.Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1990. – С. 296-297.

Арутюнова 1992 – Арутюнова Н.Д. Жанры общения // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. – М.: Наука, 1992. – С. 52-56.

Арутюнова 1993 – Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М.: Наука, 1993. – С. 3-9.

Арутюнова 1998 – Арутюнова Н.Д. Пропозиция // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 401.

Арутюнова 1999 – Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.

Арутюнова 1999(а) – Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. Введение. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 3-27.

Арутюнян 2000 – Арутюнян Э.Б. Особенности функционирования речевого этикета в королевском эпистолярном наследии веков. Автореф. дис... канд. филол. наук. – СПб, 2000. – 20 с.

Афанасьева 2006 – Афанасьева Н.Р. Основы комплексного исследования образных репрезентаций внутреннего мира человека (на материале русской и англоязычной психологической прозы). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2006. – 21 с.

Бабенко 1986 – Бабенко Л.Г. Обозначение эмоций в языке и речи. Учебное пособие. – Свердловск: УрГУ, 1986. – 100 с.

Бабенко 1989 – Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с.

Бабенко, Казарин 2003 – Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. – М.: Флинта. Наука, 2003. – 496 с.

Бабушкин 1996 – Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. – 104 с.

Баженова 2002 – Баженова И.С. Прагматический потенциал эмотивных высказываний // Актуальные проблемы германистики: Сборник статей по материалам межвузовской научной конференции. – Смоленск: СГПУ, 2002. Вып. 4. – С. 11-16.

Баженова 2003 – Баженова И.С. Язык. Эмоции. Прагматика. – М.: Наука, 2003. – 396 с.

Балли 1955 – Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Иностранная литература, 1955. – 416 с.

Балли 1961 – Балли Ш. Французская стилистика. – М.: Иностранная литература, 1961. – 394 с.

Баранов, Добровольский 1997 – Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики // Известия АН. Серия литературы и языка. – М., 1997. Том 56, № 1. – С. 11-21.

Белая 2000 (б) – Белая Е.Н. Французская идиоматика и наивная картина мира // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Межвузовский тематический сборник. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2000. Вып. 3. – С.137-147.

Белая 2002 – Белая Е.Н. Концепт «страх» и его определение в русском и французском языках // Межкультурная коммуникация: материалы Международной научно-практической конференции. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2002. – С. 3-5.

Белая 2002 (а) – Белая Е.Н. Концепт «радость» в представлении русского и французского языков // Язык. Время. Личность. Социокультурная динамика языковых явлений в общенародных и личностных репрезентациях.

Материалы Международной научной конференции. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2002. – С. 104-108.

Белая 2003 – Белая Е.Н. Образ-фрейм страха в языковой картине мира французов: соотношение общезыкового и индивидуально-авторского в содержании и средствах выражения эмоций (на материале словарей и новелл Ги де Мопассана) // Вестник Омского университета, 2003. № 2. – С.62-66

Белая 2003 (а) – Белая Е.Н. Концепт «радость» в русской языковой картине мира (обзорно-иллюстративный очерк) // Актуальные проблемы русистики. Материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию томской диалектологической школы. – Томск: Изд-во ТГУ, 2003. Вып.2. Часть 2. – С.20-27.

Белая 2004 – Белая Е.Н. Основные черты и способы концептуализации эмоций во французской языковой картине мира // Вопросы лингвистики и лингводидактики: концепт, культура, компетенция. Межвузовский сборник научных трудов. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. – С. 16-28.

Белая 2004 (а) – Белая Е.Н. Концептуализация эмоций в русской языковой картине мира: некоторые аспекты // Этногерменевтика и антропология. Сборник научных статей. Вып.10. – Landau. Verlag Empirische Pädagogik, 2004. – С.175-183.

Белая 2004 (б) – Белая Е.Н. Концепт «гнев» во французской языковой картине мира // Университеты как регионообразующие научно-образовательные комплексы. Тезисы докладов региональной научной конференции, посвященной 30-летию Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Часть 5. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. – С.6-13.

Белая 2004 (в) – Белая Е.Н. Прагматический потенциал репрезентаций эмоции «гнев» в художественном произведении (на материале французского языка) // Человек. Язык. Культура. Межвузовский сборник статей. Вып. 4. – Курск: Изд-во Курского ун-та, 2004. – С. 9-18.

Белая 2005 – Белая Е.Н. Определение прагматического потенциала обозначений эмоций в структуре художественного текста на русском и французском языках в сопоставительном аспекте // Мир в языке. Сборник научных статей. Вып. 11. – Landau. Verlag Empirische Pädagogik. 2005. – С. 462-472.

Белая 2005 (а) – Белая Е.Н. Символика цветообозначений при репрезентации эмоций во французской языковой картине мира (на материале словарей и художественных текстов) // Восприятие: лингвистический и психолингвистический аспекты. Сборник научных статей. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. – С. 64-71.

Белая 2005 (б) – Белая Е.Н. Репрезентация эмоций человека в языке (обзор литературы за 80-е гг. XX – XXI вв.) // Вестник Омского университета, 2005. №1. – С.118-121.

Белошапкова 1981 – Белошапкова В.А. Синтаксис // Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. – М.: Просвещение, 1981. – С. 363-552.

Беляевская 1994 – Беляевская Е.Г. Когнитивные основания изучения семантики слова // Структуры представления знаний в языке. – М., 1994. – С. 87-110.

Бенвенист 1974 – Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М., Прогресс, 1974. – 448 с.

Бендетович 1981 – Бендетович Г.Б. Иерархическая организация лексики эмоционального отношения в современном французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 1981. – 22 с.

Боброва 1997 – Боброва Г.А. Имя собственное как средство оценки. (Общее и индивидуальное в речи личности) // Городская разговорная речь и проблемы ее изучения. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1997. Ч. 1. – С. 110-117.

Богданов 1977 – Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977.

Болдырев 2000 – Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та, 2000. – 123 с.

Болотов 1981 – Болотов В.И. Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности. (Основы эмотивной стилистики текста). – Ташкент, 1981. – 116 с.

Будагов 1963 – Будагов Р.А. Сравнительно-семасиологические исследования. Романские языки. – М.: Наука, 1963. – 300 с.

Булыгина 1980 – Булыгина Т.В. Грамматические и семантические категории и их связи. // Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980. – С. 320-355.

Бутакова 2001 – Бутакова Л.О. Авторское сознание в поэзии и в прозе: когнитивное моделирование. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2001. – 283 с.

Васильев 1976 – Васильев Л.М. Семантические модели предложения // Исследования по семантике. – Уфа, 1976. – С. 126-129.

Васильев 1981 – Васильев Л.М. Семантика русского глагола. – М.: Высшая школа, 1981. – 184 с.

Васильев 1990 – Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.

Вежбицкая 1997 – Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – 411 с.

Вежбицкая 1999 – Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 780 с.

Вежбицкая 2001 – Вежбицкая А. «Грусть» и «гнев» в русском языке: неуниверсальность так называемых «базовых человеческих эмоций» // Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 15-42.

Верещагин, Костомаров 1973 – Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1973. – 246 с.

Верещагин, Костомаров 1980 – Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М., 1980. – 320 с.

Вилюнас 1984 – Вилюнас В.К. Основные проблемы психологической теории эмоций (вступ. ст.) // Психология эмоций. Тексты. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – С. 3-28.

Винарская 2001 – Винарская Е.Н. К проблеме эмоциональных концептов // Вестник Воронежского гос. Ун-та. Серия лингвистики и межкультурной коммуникации. 2001. № 2. – С. 5-12.

Виноградов 1961 – Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. – М.: Просвещение, 1961.

Виноградов 1980 – Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980. – 360 с.

Винокур 1991 – Винокур О.Г. О языке художественной литературы. – М.: Высшая школа, 1991. – 448 с.

Винокур 1993 – Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М.: Наука, 1993. – 172 с.

Вольф 1985 – Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985. – 228 с.

Вольф 1989 – Вольф Е.М. Эмоциональные состояния и их представление в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М.: Наука, 1989. – С. 55-75.

Воркачев 1995 – Воркачев С.Г. Семантизация концепта любви в русской и испанской лексикографии (сопоставительный анализ) // Язык и эмоции. – Волгоград: Изд-во Волгогр. ун-та, 1995. – С. 125-132.

Воркачев 2001 – Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филол. науки. 2001. №1. – С. 64-72.

Воркачев 2002 – Воркачев С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3:

Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2002. – С. 79-95.

Воркачев 2004 – Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском сознании: опыт лингвокультурологического анализа. – Краснодар: Изд-во Технического ун-та 2004. – 236 с.

Воробьев 1997 – Воробьев В.В. Лингвокультурология. Теория и методы. – М.: Изд-во Рос. ун-та Дружбы народов, 1997. – 331 с.

Вундт 2004 – Вундт В. Психология душевных волнение // Психология эмоций. – СПб.: Питер, 2004. – С.63-83.

Выготский 1956 - Выготский Л.С. Избранные психологические произведения. – М.: Наука, 1956. – 519 с.

Выготский 1958 - Выготский Л.С. Проблема эмоций // Вопросы психологии, 1958. № 3. – С. 125-134.

Гак 1966 – Гак В.Г. Беседы о французском слове. Из сравнительной лексикологии французского и русского языков. – М.: Наука, 1966. – 336 с.

Гак 1982 – Гак В.Г. Прагматика, узус и грамматика речи // ИЯШ, 1982. № 5. – С. 11-17.

Гак 1994 – Гак В.Г. Речевые рефлексы с речевыми словами // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М.: «Языки русской культуры», 1994. – С. 6-10.

Гак 1998 – Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.

Гак 1999 - Гак В.Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 260-269.

Гак 2000 – Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2000. – 832 с.

Гак 2000 (а) – Гак В.Г. Язык как форма самовыражения народа // Язык как средство трансляции культуры. – М.: Наука, 2000. – С. 54-68.

Галич 1991- Галич А.А. Украинская писательская мемуаристика (Природа, эволюция, поэтика): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Киев, 1991. – 34с.

Гальперин 1981 – Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 139 с.

Гаспаров 1996 – Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: НЛЮ, 1996. – 379 с.

Гейко 1995 – Гейко Е.В. Семантическая структура ситуации запаха: денотативные и коннотативные компоненты содержания высказывания и способы их обозначения в современном русском языке // Славянские чтения. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. Вып.4. Ч.1. – С. 84-88.

Гинзбург 1999 – Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. – СПб: Художественная литература, 1999. – 448 с.

Гинзбург 1978 – Гинзбург Р.С. Значение слова и методика компонентного анализа // Иностранные языки в школе. 1978. № 5. – С. 22-26.

Голованивская 1997 – Голованивская М.К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка (контрастивный анализ лексических групп со значением «высшие силы и абсолюты», «органы наивной анатомии», «основные мыслительные категории», «базовые эмоции»). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 279 с.

Горошко 1999 – Горошко Е.И. «Эмоция – ассоциация» и их связь со спецификой русского языкового сознания // Язык и образование. – Курск, 1999. – С. 40-59.

Гулыга, Шендельс 1976 - Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. О компонентном анализе значимых единиц языка // Принципы и методы семантических исследований. – М., Наука, 1976. – С. 291-314.

Гумбольдт 1984 – Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.

Гумбольдт 1985 – Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.

Гуревич 1994 – Гуревич В.В. Глагольный вид в русском языке. – М., 1994.

Гуц 1998 – Гуц Е.Н. Семантические поля «веселье» и «удовольствие» в языковой картине мира подростка // Славянские чтения. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1998. Вып.4. – С. 120-124.

Гуц 2002 – Гуц Е.Н. Ассоциативное поле эмоций (структура и содержание) // Язык. Время. Личность. Материалы международной конференции. – Омск: ОмГУ, 2002. – С.165- 169.

Дейк 1989 – Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.

Демьянков 1994 – Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. – С. 17-33.

Демьянков, Воронин, Сергеева, Сергеев 2002 – Демьянков В.З., Воронин Л.В., Сергеева Д.В., Сергеев А.И. Лингвопсихология как раздел когнитивной лингвистики, или: Где эмоция – там и когниция // С любовью к языку. Сб науч. тр. – М.: Наука, 2002. – С. 29-36.

Джемс 1993 – Джемс У. Что такое психология? // Психология эмоций. Тексты. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – С. 86-96.

Добровольский 1997 – Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика в фразеологии // Вопросы языкознания. 1997. № 6. – С. 37-48.

Додонов 1978 – Додонов Б.И. Эмоция как ценность. – М.: Политиздат, 1978. – 272 с.

Додонов 1982 – Додонов Б.И. О так называемой «информационной теории эмоций» // Психологический журнал. 1982. Т. 4. № 2. – С. 104-116.

Долинин 1978 – Долинин К.А. Стилистика французского языка. – Л.: Просвещение, 1978. – 303 с.

Долинина 1982 – Долинина И.Б. Валентностные категории английского глагола: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Л., 1982. – 24с.

Домашнев и др., 1989 – Домашнев А.И. и др. Интерпретация художественного текста. – М.: Просвещение, 1989. – 208 с.

Дорофеева 2002 – Дорофеева Н.В. Удивление как эмоциональный концепт (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2002. – 19 с.

Другова 1984 – Другова Г.Л. Предложения с именами психических состояний: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Калинин, 1984. – 21 с.

Дьячкова 1998 – Дьячкова И.Г. Похвала и порицание как речевые жанры (прагматический анализ) // Вестник Омского университета. 1998. № 3. – С.55-58.

Елизаветина 1982 – Елизаветина Г.Г. Становление жанров автобиографии и мемуаров // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. – М.: Наука, 1982. – С. 148-159.

Еникеев, Кочетков 1997 – Еникеев М.И., Кочетков О.Л. Общая, социальная, юридическая психология. Краткий энциклопедический словарь. – М.: Изд-во «Юридическая литература», 1997. – 448 с.

Жельвис 1997 – Жельвис В.И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. – М.: Ладомир, 1997. – 349 с.

Жукова 1994 - Жукова Е.Ф. Лексико-семантический анализ эмоциональных глаголов в английском языке. Автореф. дис.... канд. филол. наук. – СПб., 1994. – 18 с.

Жуковская 1975 – Жуковская Е.Е. Семантический анализ некоторых глаголов эмоционального состояния и их производных. – М.: Наука, 1975.

Завальников 2000 – Завальников В.П. К вопросу об экстралингвистических детерминантах языковой картины мира: обобщение известного // Язык. Человек. Картина мира: Материалы всерос. научн. конференции. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2000. – С. 4-6.

Залевская 1993 – Залевская А.А. Актуальные подходы к психолингвистическому пониманию лексики // Проблемы психолингвистики: слово и текст. – Тверь: Изд-во Твер. ун-та, 1993. – С. 5-19.

Зализняк 2005 – Зализняк Анна А. Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира // Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С.153-175.

Золотова 1973 – Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М.: Наука, 1973. – 351 с.

Золотова 1998 – Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: МГУ, 1998. – 528 с.

Золотова 1990 – Золотова Н.О. Эмоциональная значимость единиц ядра лексикона носителя английского языка // Психолингвистические проблемы семантики. – Тверь, 1990. – С. 83-88.

Изард 1980 – Изард К. Эмоции человека. – М. Изд-во МГУ, 1980. – 440 с.

Изард 1999 – Изард К. Психология эмоций. – СПб. - М. - Харьков - Минск: Питер, 1999. – 464 с.

Иорданская 1972 – Иорданская Л.Н. Лексикографическое описание русских выражений, обозначающих физические симптомы чувств // Машинный перевод и прикладная лингвистика. – М., 1972. Вып. 16. – С. 34-47.

Кабанова 2004 – Кабанова Т.Н. Эпистолярный текст частной переписки в аспекте теории речевого общения (на материале рукописных и опубликованных текстов XX века): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2004. – 24 с.

Казанцева 1999 – Казанцева Н.А. Когнитивно-сопоставительное описание синонимических парадигм с доминантами *пугать* и *frighten*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 1999. – 18 с.

Каменская 1990 – Каменская О.Л. Текст и коммуникация. – М.: Высшая школа, 1990. – 152 с.

Каменская 1997 – Каменская О.Л. Эмоциональный уровень языковой личности // Актуальные вопросы теории референции. Сб. научных трудов. Вып.435. – М.: МГЛУ, 1997. – С. 9-18.

Карасик 2004 – Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.

Караулов 1987 – Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 263 с.

Караулов 2000 – Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. Сб. статей. – М., 2000. – С. 191-206.

Кацнельсон 1972 – Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1972. – 216 с.

Кацнельсон 1987 – Кацнельсон С.Д. К понятию типов валентности // Вопросы языкознания. 1987. № 3. – С. 20-32.

Кинцель 1997 - Кинцель А.В. Психолингвистическое исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – 152 с.

Кирьян 1981 – Кирьян А.Д. Градация как способ организации лексико-семантической группы. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: 1981. – 23 с.

Кобозева 2000 – Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебник. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.

Кожина 1993 – Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – М.: Просвещение, 1993. – 224 с.

Колосова, Черемисина 1986 – Колосова Т.А., Черемисина М.И. О терминах и понятиях описания семантики синтаксических единиц // Синтаксическая и лексическая семантика (на материале языков разных систем). – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 10-34.

Колшанский 1974 – Колшанский Г.В. Паралингвистика. – М.: Наука, 1974. – 81 с.

Колшанский 1980– Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1980. – 108 с.

Комиссаров 1990 – Комиссаров В.Н. Теория перевода. – М.: Высшая школа, 1990. – 252 с.

Коротун 2001 – Коротун О.В. Образ внешнего человека в функционально-семиотическом аспекте (на материале русского языка) // Вестник Омского университета. 2001. №1. – С. 68-70.

Косериу 1969 – Косериу Э. Лексические солидарности // Вопросы учебной лексикографии. – М.: Наука, 1969.

Коськина 2004 – Коськина Е.В. Внутренний человек в русской языковой картине мира: образно-ассоциативный и прагмастилистический потенциал семантических категорий «пространство», «субъект», «объект», «инструмент»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2004. – 26с.

Котюрова 1997 – Котюрова М.П. Стилистический и прагматический подходы к тексту: некоторые основания их дифференциации // Стилистика и прагматика: Тез. докл. науч. конфер. Отв. Ред. М.П. Котюрова. – Пермь: ПГУ, 1997. – С. 9-11.

Красавский 2001 – Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.

Красных 2003 – Красных В.В. «Свой среди чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.

Крейдлин 1994 – Крейдлин Г.В. Голос, голосовые признаки и оценки речи // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М.: Наука, 1994. – С.141-153.

Крейдлин 2001 – Крейдлин Г.В. Кинесика // Словарь языка русских жестов. – Москва-Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах, 2001. – С.166-248.

Крейдлин 2004 – Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 564 с.

Крысин 1998 – Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Русский язык, 1998. – 848 с.

Крысин 2003 – Крысин Л.П. Формы существования (подсистемы) русского национального языка // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С.33-74.

Кубрякова 1990 – Кубрякова Е.С. Парадигматика // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 366-367.

Кубрякова 1990 (а) – Кубрякова Е.С. Синтагматика // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 447- 448.

Кубрякова 1994 – Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания 1994. № 4. – С. 34-47.

Кубрякова 1995 – Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине 20 века // Язык и наука конца 20 века. – М., 1995. – С. 144-238.

Кубрякова 1996 – Кубрякова Е.С. Концепт // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – С. 90-93.

Кубрякова 1997 – Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М.,1997. – 330 с.

Кузнецов 1986 – Кузнецов А.М. От компонентного анализа к компонентному синтезу. – М.: Наука, 1986. – 123 с.

Кузнецова 1983 – Кузнецова Э.В. Язык в свете системного подхода. – Свердловск, 1983.

Кухаренко 1985 – Кухаренко В.А. Средства выражения и функции образа автора в художественном прозаическом тексте // Теоретические проблемы стилистики текста. – Казань, 1985.

Лакофф, Джонсон 1990 – Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387-415.

Левина 1982 – Левина Д.Ш. Семантика глаголов эмоционального отношения в современном испанском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Минск, 1982. – 19 с.

Лейкина 1961 – Лейкина Б.М. Некоторые аспекты характеристики валентностей. – М., 1961.

Лейчик 2003 – Лейчик В.М. Отношения между культурой и языком: общие функции // Вестник Московского ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 2. – С.17-30.

Леонтьев 1971 – Леонтьев А.А. Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. – М.: Наука, 1971. – С. 7-19.

Леонтьев 1993 – Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции // Психология эмоций. Тексты. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – С. 171-180.

Лихачев 1997 – Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 280-287.

Лобкова 2000 – Лобкова Е.В. Языковой образ-фрейм любви в произведениях И.Бунина // Язык. Человек. Картина мира: Материалы всерос. науч. конф. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2000, Ч.2. – С. 159-164.

Лук 1982 – Лук А.Н. Эмоции и личность. – М.: Наука, 1982. – 176 с.

Ляпин 1997 – Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Вып. 1. – Архангельск, 1997. – С. 11-35.

Майданова, Соболева 1997 – Майданова Л.М., Соболева Е.Г. Прагматика и модальность текста // Стилистика и прагматика. Отв. ред. М.П. Котюрова. – Пермь: ПГУ, 1997. – С.15-16.

Маевский 1987 – Маевский Н.Н. Функционирование экспрессивных средств в научно-популярных текстах // Проблемы экспрессивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Отв. Ред. Т.Г. Хазагеров. – Ростов: Изд-во Рост. ун-та, 1987. – С. 117-123.

Маевский 1997 – Маевский Н.Н. Научно-популярный текст в аспекте прагматики и стилистики // Стилистика и прагматика: Тез. док. науч. конф. (Пермь, ПУГ, 25-27 нояб. 1997) Отв. Ред. М.П. Котюрова. – Пермь: ПГУ, 1997. – С. 71-73.

Малышева 2000 – Малышева Е.Г. Концепты жизни и смерти в поэтической картине мира В.Ходасевича // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2000. Ч.1. – С. 131-142.

Маркина 2003 – Маркина М.В. Лингвокультурологическая специфика эмоционального концепта «гнев» в русской и английской языковых картинах мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2003. – 16с.

Маркосян 1955 – Маркосян А.А. Нормальная физиология. – М.: Медиз, 1955. – 391 с.

Маслова 2001 – Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Изд. Центр «Академия», 2001. – 208 с.

Маслова 2004 – Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. – Минск: Тетра Системс, 2004. – 256 с.

Матвеева 1990 – Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 172 с.

Медникова 1974 – Медникова Э.М. Значение слова и методы его описания. – М., 1974. – 202 с.

Мельников 1978 – Мельников Г.П. Системология и языковые аспекты кибернетики. – М.: Сов. радио, 1978. – 368 с.

Мельничук 1970 – Мельничук А.С. Понятие системы и структуры языка в свете диалектического материализма // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. – М.: Наука, 1970. – С. 38-69.

Минский 1979 – Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. – 151 с.

Морозова 1999 – Морозова В.С. Символика цветообозначений при описании концептов эмоций в современном арабском литературном языке // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С.300-305.

Москальская 1981 – Москальская О.И. Грамматика текста. – М.: Наука, 1981. – 183 с.

Мягкова 2000 – Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова. – Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 2000. – 110 с.

Нечай 1999 – Нечай Ю.П. Семантико-синтаксические выражения эмоционально-экспрессивных значений частиц в немецком и русском языках (сопоставительный анализ): Автореф. дис.... д-ра филол. наук. – Краснодар, 1999. – 53 с.

Нещименко 2000 – Нещименко Г.П. К постановке проблемы «Язык как средство трансляции культуры» // Язык как средство трансляции культуры. – М.: Наука, 2000. – С. 30-45.

Никитин 1988 – Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. – М.: Высш. шк., 1988. – 168 с.

Никитина 1991 – Никитина С.Е. О концептуальном анализе в народной культуре // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 117- 123.

Никитина 1996 – Никитина Л.Б. К проблеме разграничения речевых жанров // Славянские чтения. Вып.5. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1996. – С. 115-118.

Никитина 2000 – Никитина Л.Б. Интеллект человека в высказываниях – портретных характеристиках // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2000. Ч.1. – С.66-76.

Одинцова 1990 – Одинцова М.П. Слово в семантической структуре высказывания: лексические значения слов-синонимов «душа» и «сердце» в сфере обозначения произвольных действий и состояний человека // Дери́вация и номинация в русском языке. Межуровневое и внутриуровневое взаимодействие. – Омск: ОмГУ, 1990. – С. 117-126.

Одинцова 1992 – Одинцова М.П. Реалистические и мифопоэтические представления о человеке в языковой картине мира (на материале современного языка) // Славянские чтения. – Омск: Изд-во ОГПИ, 1992. – С. 23-25.

Одинцова 1995 – Одинцова М.П. Страх как одно из иррациональных состояний человека: основные черты его словесно-образного представления в русской прозаической речи // Славянские чтения. Вып.4. ч.1. – Омск: Изд-во Омского отделения Международного фонда славянской письменности и культуры, 1995. – С. 16-20.

Одинцова 2000 – Одинцова М.П. Языковые образы «внутреннего человека» // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка). Ч.1. – Омск: ОмГУ, 2000. – С. 11-28.

Одинцова 2002 – Одинцова М.П. Лингвоантропологические исследования омских русистов // Вестник Омского ун-та. 2002. №2. – С. 5-13.

Одинцова 2002(а) – Одинцова М.П. Обитатели «духовной вселенной» в русской ЯКМ // Филологический ежегодник. Вып. 4 – Омск: Изд-во ОмГУ, 2002. – С. 87-92.

Озонова 2003 – Озонова Л.Г. Репрезентация фрейма «радость» в современном французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2003. – 15 с.

Орлова 2002 – Орлова Н.А. Речевой жанр «мемуары» и его реализация в текстах носителей разных типов речевой культуры: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Омск, 2004. – 18с.

Орлова 2000 – Орлова Н.В. Этические оценки // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2000. Ч.1. – С.47-57.

Орлова 2002 – Орлова Н.В. Жанр и тема: об одном основании типологии // Жанры речи. Сб. научных статей. – Саратов: ГосУНЦ «Колледж» 2002, вып.3. – С.83-92.

Осипов 2000 – Осипов Б.И. Некоторые ценностные представления человека в славянских и финно-угорских языках и культурах (опыт сопоставления) // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2000. Ч 1. – С. 11-14.

Падучева 2004 – Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 288 с.

Пеньковский 1991 – Пеньковский А.Б. Радость и удовольствие в представлении русского языка // Логический анализ естественного языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 148-155.

Петров 1979 – Петров В.В. Структуры значения: Логический анализ. – Новосибирск, 1979. – 142 с.

Пименова 1999 – Пименова М.В. Совесть как составная часть внутреннего человека // Этногерменевтика. Фрагменты языковой картины мира. Вып. 3. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. – С. 62-70.

Пиотровская 1994 – Пиотровская Л.А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования (на материале русского и чешского языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1994. – 28 с.

Пищальникова 2001 – Пищальникова В.А. Общее языкознание. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2001. – 240 с.

Пищальникова 2003 – Психолингвистика и современное языковедение // Методология современной психолингвистики. – Москва - Барнаул, 2003. – С. 4-21.

Попова 2002 – Попова Е.А. Человек как основополагающая величина современного языкознания // Филологические науки 2002, № 3. – С. 69-77.

Попова, Стернин 2002 – Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2002. – 191 с.

Постовалова 1988 – Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / под ред. Б.А. Серебренникова. – М.: Наука, 1988. – С. 8-69.

Постовалова 1999 – Постовалова В.И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры. – М.: ИЯ РАН, «Языки русской культуры», 1999. – С.25-33.

Потебня 1997 – Потебня А.А. Мысль и язык // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 51-65.

Похмелкина 1975 – Похмелкина В.Е. Лексико-семантическая группа глаголов отрицательного эмоционального состояния как проявление системности лексики: Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 1975. – 17 с.

Рахманов 1983 – Рахманов И.В. и др. Немецко-русский синонимический словарь. – М.: Русский язык, 1983.

Рейковский 1979 – Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. – М.: Прогресс, 1979. – 392 с.

Рейнвальд 1985 – Рейнвальд Н.И. Теория дифференциальных эмоций // Психолог. журнал. 1985, т.6, № 2.

Рубинштейн 1984 – Рубинштейн С.Л. Эмоции // Психология эмоций. Тексты. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – С. 152-161.

Рудозуб 1999 – Рудозуб Е.Н. Стилеобразующие средства жанров делового и бытового общения в русском языке 18 века: Автореф. дис.... канд. филол. наук. – Омск: ОмГУ, 1999. – 18 с.

Рябкова 2002 – Рябкова А.В. Лексико-семантическая таксономия фреймов «радость-печаль» (на материале русского и немецкого языков): Автореф. дис.... канд. филол. наук. – Тюмень, 2002. – 17 с.

Салимовский 1998 – Салимовский В.А. Речевые жанры научного эмпирического текста // Текст: стереотип и творчество: Межвузовский сб. науч. ст. – Пермь: Пермский гос. ун-т, 1998. – С. 50-74.

Салимовский 1999 – Салимовский В.А. Речевые жанры научного эмпирического текста (статья вторая) // Стереотипность и творчество в тексте: Межвузовский сб. науч. ст. – Пермь: Пермский гос. ун-т, 1999. – С. 40-65.

Салимовский 2002 – Салимовский В.А. Жанры речи в функционально-стилистическом аспекте: Авторефер. дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 28с.

Седов 2001 – Седов К.Ф. Жанр и коммуникативная компетенция //Хорошая речь. / Под ред. М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. – Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2001. – С. 107-118.

Седова 2000 – Седова Н.А. Антиномии внешних и внутренних качеств человека (на материале русских пословиц, содержащих номинации-партитивы) // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки. – Омск, 2000. Ч.1. – С. 28-47.

Селиверстова 1976 – Селиверстова О.Н. Об объекте лингвистической семантики и адекватности ее описания // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 119-146.

Селиверстова 2004 – Селиверстова О.Н. Труды по семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.

Селяев 1998 – Селяев А.В. Сопоставительный анализ лингвистических средств выражения положительных и отрицательных эмоций в британском и американском вариантах английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 1998. – 18 с.

Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982. – 365 с.

Сепир 1993 – Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – 654 с.

Серль 1986 – Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 170-194.

Серебрянников 1988 – Серебрянников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. – М.: Наука, 1988. – 244 с.

Синтаксическая и лексическая семантика (на материале языков разных систем). – Новосибирск: Наука, 1986. – 267 с.

Соломоник 1995 – Соломоник А. Семиотика и лингвистика. – М.: Молодая гвардия, 1995. – 352 с.

Сорокин 1999 – Сорокин Ю.А. Антропоцентризм vs. Антропофилия: доводы в пользу второго понятия // Фразеология в контексте культуры. – М.: ИЯ РАН, «Языки русской культуры», 1999. – С. 52-57.

Степанов 1997 -Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Шк. «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

Степанов 1998 – Степанов Ю.С. Метод // Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. –М., 1998. – С. 298-299.

Степанов 1998 (а) – Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. – М.: «Языки русской культуры», 1998. – 784 с.

Степанова 1973 – Степанов М.Д. Теория валентности и валентностный анализ. – М., 1973.

Стернин 1998 – Стернин И.А. Национальная специфика мышления и проблема лакуарности // Связи языковых единиц в системе и реализации. – Тамбов, 1998. – С. 22-31.

Стросон 1986 - Стросон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С.131-150.

Сукаленко 1993 – Сукаленко Н.И. Аккумулятивная функция языкового знака и проблемы культурологи // Язык и культура. 2-ая международная конференция. Доклады. – Киев, 1993. – С. 22-29.

Сухоцкая 1998 – Сухоцкая Е.Б. Мотив «зрение» в текстах метафористов // Вестник Омского унив-та. 1998. № 4. – С. 81-84.

Тарасов 1994 – Тарасов Е.Ф. Язык и культура: методологические проблемы // Язык. Культура. Этнос. – М.: Наука, 1994. – С. 105-113.

Тарасов 1999 – Тарасов Е.Ф. Язык как средство трансляции культуры // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С.34-41.

Тартаковский 1980 – Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. – М.: Наука, 1980. – 311с.

Телия 1987 – Телия В.Н. О специфике отображения мира психики и знания в языке // Сущность, развитие и функция языка. – М.: Наука, 1987. – С. 65-74.

Телия 1990 – Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990. – С. 336-337.

Телия 1991 – Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991. – С. 5-35.

Телия 1996 – Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты. – М.: Шк. «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

Телия 1999 – Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / под ред. В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 13-24.

Толстой 1995 – Толстой Н.И. Язык и народная культура // Толстой Н.И. Очерки по славянской культурологии и этнолингвистике. – М.: Наука, 1995. – С. 3-39.

Топоров 1978 – Топоров В.Н. Семантика мифологических представлений о грибах // Балканский сборник. – М., 1978.

Тураева 1986 – Тураева З.Я. Лингвистика текста (Текст: структура и семантика). – М.: Просвещение, 1986. – 127 с.

Уорс 1962 – Уорс Д.С. Трансформационный анализ конструкций с творительным падежом в русском языке // Новое в лингвистике. Вып. 2. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. – С. 637-683.

Урысон 1995 – Урысон Е.В. Фундаментальные особенности человека и наивная «анатомия» // Вопросы языкознания. 1995. № 3. – С. 3-16.

Успенский 1978 – Успенский В.А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. Вып. 11. – М., 1979. – С. 146-147.

Уфимцева 1970 – Уфимцева А.А. Теоретические проблемы слова (Категории общего и отдельного) // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. – М.: Наука, 1970. – С. 307-319.

Уфимцева 1977 – Уфимцева А.А. Лингвистическая сущность и аспекты номинации // Языковая номинация. Общие вопросы. – М.: Наука, 1977. – С. 7-98.

Уфимцева 1986 – Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики. – М.: Наука, 1986. – 240 с.

Уфимцева 1996 – Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С.139-162.

Федяева 2000 – Федяева Н.Д. Образ среднего человека в русской фразеологии // Вестник Омского университета. 2000. № 3. – С. 83-85.

Феоктистова 1996 – Феоктистова А.Б. Когнитивные аспекты семантики идиом, обозначающих чувства-состояния: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1996. - 17с.

Феоктистова 1999 – Феоктистова А.Б. Культурно значимая роль внутренней формы идиом с позиций когнитологии // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 174-179.

Филимонова 2001 – Филимонова О.Е. Язык эмоций в английском тексте. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2001. – 287 с.

Филин 1982 – Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. - М., 1982.

Филиппова 2000 – Филиппова С.Г. Визуальная доминанта картины мира В. Набокова и ее текстовая репрезентация // Вестник Омского университета 2000. № 3. – С. 93-96.

Филлмор 1988 – Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. – М.: Прогресс, 1988. – С.74-122.

Фомина 1996 - Фомина З.Е. Эмоционально-оценочная лексика современного немецкого языка: Автореф. дис.... д-ра филол. наук. – М., 1996. – 30 с.

Фрейд 1984 – Фрейд З. Печаль и меланхолия // Психология эмоций. Тексты. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – С. 203-211.

Хинтиikka 1980 – Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. – М., 1980.

Хомская, Батова, 1992 – Хомская Я.Д., Батова Н.Я. Мозг и эмоции. – М.: Наука, 1992. – 160 с.

Цейтлин 1976 – Цейтлин С.Н. Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика // Синтаксис и стилистика. – М.: Наука, 1979. – С. 161-182.

Ченки 1996 – Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. 1996. № 2. – С.68-78.

Шаклеин 2000 – Шаклеин В.М. Этноязыковое видение мира как составляющая лингвокультурной ситуации // Вестник Московского ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2000. № 1. – С.73-89.

Шаумян 1962 - Шаумян С.К. Теоретические основы трансформационной грамматики // Новое в лингвистике. Вып. 2. – М.: Изд-во иностр. литературы, 1962. – С. 391-411.

Шахнарович 2000 – Шахнарович А.М. Когнитивные аспекты семантики (в онтогенезе) // Когнитивные аспекты языковой категоризации: Сб. науч. тр. – Рязань: Изд-во пед. ун-та, 2000. – С.38-42.

Шахова 1980 – Шахова Л.И. Структурно-функциональная характеристика лексико-семантической группы существительных «чувство переживания» в русском языке: Автореф. дис ... канд. филол. наук. – Киев, 1980. – 18 с.

Шаховский 1984 – Шаховский В.И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи // Вопросы языкознания. 1984. № 6. – С. 97-103.

Шаховский 1987 – Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. – 192 с.

Шаховский 1995 – Шаховский В.И. О лингвистике эмоций // Язык и эмоции: Сб. научн. тр. – Волгоград: Перемена, 1995. – С. 3-15.

Шаховский 1998 – Шаховский В.И. Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации // Филологические науки. 1998, № 2. – С. 59-65.

Шаховский 2003 – Шаховский В.И. Эмоции – мотивационная основа человеческого сознания. // Языковое бытие человека и этноса. – Москва; Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. – С.215-222.

Шенк 1980 – Шенк Р. Обработка концептуальной информации. – М., 1980. – 361 с.

Шехтман 1981 – Шехтман Н.А. Семантический повтор как проявление системных свойств лексики // Системное описание лексики германских языков: Межвуз. Сб. Вып. 4 – Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. – С. 11-16.

Шингаров 1971 – Шингаров Г.Х. Эмоции и чувства как форма отражения действительности. – М.: Наука, 1971. – 222 с.

Шмелев 2002 – Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.

Шмелев 2002 (а) – Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. – М.: Языки русской культуры, 2002. – 492 с.

Шмелева 1988 – Шмелева Т.В. Семантический синтаксис. – Красноярск: Красноярск. ун-т, 1988. – 54 с.

Щерба 1957 – Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – С. 63-84.

Щур 1974 – Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. – М.: Наука, 1974. – 254 с.

Эберт 2003 – Эберт Т.В. Семантика и валентность глаголов лексико-семантического поля *lieben*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2003. – 20 с.

Якобсон 1962 – Якобсон П.М. Психология чувств: Автореф. докт. пед. наук (по психологии). – Л., 1962. – 31 с.

Якубинский 1986 – Якубинский Л.П. О диалогической речи // Якубинский Л.П. Избранные работы: Язык и его функционирование. – М.: Наука, 1986. – С. 17-58.

Яньшин 1996 – Яньшин П.В. Эмоциональный цвет: Эмоциональный компонент в психологической структуре цвета. – Самара: СамГПУ, 1996. – 218 с.

Ярмаркина 2002 – Ярмаркина Г.М. Жанр просьбы в неофициальном общении: риторический аспект // Жанры речи: Сборник научных статей. – Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып.3. – С. 262-268.

Ярцева 1981 – Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. – М.: Наука, 1981. – 112 с.

Abelson 1981 – Abelson R. Constraint, Construal, and Cognitive Science // Proceedings of the Third Annual Conference of the Cognitive Science Society. Berkeley: University of California, 1981.

Bayer 1994 – Bayer K. Evolution: Kultur: Sprache. Eine Einfuehrung. Bochum, Universitaetsverlag Brockmeyer, 1994.

Dubois 1969 – Dubois J. La phrase et les transformations. - P., 1969, v.3. - 245p.

Ekman, Friesen 1981 – Ekman P., Friesen W. The repertoire of nonverbal behavior // Nonverbal communication, interaction, and gesture. Selections from Semiotica. - The Hague – Paris – New York. 1981. - P. 57-106.

Ekman 1984 – Ekman P. Expression and the Nature of Emotion // Approaches to Emotion. Lawrence Erlbaum Associates: Publishers, 1984.

Guilbert 1975 – Guilbert L. La créativité lexicale. - P., 1975. - 362 p.

Guiraud 1962 – Guiraud P. Les locutions françaises. Que sais-je. - Paris, 1967. - 126 p.

Marouzeau 1950 – Marouzeau J. Aspects du français. - P., Masson, 1950. - 224 p.

May 1992 – May J.L. Between Rules and Principles: Some Thoughts on The Notion of “Metapragmatic Constraint” // Acta Linguistica Hungarica. - Budapest, 1992, v. 38. (N 1-4).

Oatley 1992 – Oatley K. Best Laid Schmes: the Psychology of Emotions. - Cambridge, 1992.

Parret 1986 – Parret H. Les passions. - Bruxelles, 1986. - 189 p.

Rat 1957 – Rat M. Dictionnaire des locutions françaises. - Paris, Larousse, 1957. - 430 p.

Searle 1982 – Searle J. Sens et expression. - P., 1982. - 176 p.

Tesnière 1976 – Tesnière L. Eléments de syntaxe structurale. - P., 3e éd. 1976. - 348 p.

Список источников исследуемого материала

Словари

1. Большая советская энциклопедия / Под ред. А.М. Прохорова. 3-е изд-ние. - М.: Изд-во “Советская энциклопедия”, 1972. Т. 10. - 590 с.

1. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. - М.: Изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1998.
2. Большой энциклопедический словарь. - М.: Изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2003.
3. Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь. - М.: Русский язык, 1993.
5. Горбачевич К.С., Хабло Е.П. Словарь эпитетов русского языка. - Л., 1979.
6. Даль В.И. Пословицы русского народа. Сб. в 3-х т. - М., 1993.
7. Лингвострановедческий словарь «Франция» / Под ред. Л.Г. Ведениной. - М., 1997.
8. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под ред. Акад. Ю.Д. Апресяна. Вып.1. - М., 1997. Вып. 2. М., 2000, Вып. 3. М., 2003.
9. Новый большой французско-русский фразеологический словарь / Под ред. В.Г. Гака. - М.: Русский язык Медиа, 2005.
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. - М.: Азъ, 1995.
11. Русский ассоциативный словарь. Кн.1. Прямой словарь: от стимула к реакции / Под ред. Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина и др. - М.: ИРЯ РАН, 1994.
12. Русский ассоциативный словарь. Кн. 2. Обратный словарь: от реакции к стимулу / Под ред. Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина и др. - М.: ИРЯ РАН, 1994.
13. Русский ассоциативный словарь. Кн. 3. Прямой словарь: от стимула к реакции / Под ред. Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина и др. - М.: ИРЯ РАН, 1996.
14. Русский ассоциативный словарь. Кн. ;. Обратный словарь: от реакции к стимулу / Под ред. Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина и др. - М.: ИРЯ РАН, 1996.

15. Словарь синонимов русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-ое изд. - М.: Русский язык, 1999.
16. Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. В.В. Морковкина, П.Н. Денисова. - М.: Русский язык, 1983.
17. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. - М.: Русский язык, 1987.
18. Dictionnaire général de la langue française. - P., 1871-1978.
19. Dictionnaire historique de la langue française / Sous la dir. De Alain Rey. - P., 1992.
20. Grand Larousse de la langue française. - P., 1971-1978.
21. Nouveau dictionnaire des synonymes. - P., 1977.
22. Petit Robert. - P., 1993.
23. Petit Larousse. - P., 1980.

Тексты из художественных произведений

1. Алексеев Г.И. Зеленые берега: Роман. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1990.
2. Бондарев Ю. Избранные произведения: В 2 т. М.: Художественная литература, 1972.
3. Булгаков М.А. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1995.
- Быков В. Рассказы. М.: Художественная литература, 1980.
4. Васильев С.А. Избранные произведения: В 2 т. М.: Художественная литература, 1986.
5. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 12 т. М.: Художественная литература, 1982.
6. Коваленко Р.М. НЕ обмани себя: Повести. М.: Молодая гвардия, 1989.
7. Куприн А.И. Собрание сочинений: В 9 т. М.: Правда, 1964.
8. Липатов В.В. Деревенский детектив: Повести. СПб: Северо-Запад, 1993.
9. Чехов А.П. Собрание сочинений: В 12 т. М.: Художественная литература, 1962.
10. Шукшин В.М. Рассказы. М.: Художественная литература, 1985.

11. Aragon L. Les beaux quartiers. P., 1978.
12. Bazin H. Vipère au poing. M.: Editions du Progrès, 1979
13. Flaubert G. Madame Bovary. P., 1989.
14. Gamarra P. Les amours du potier. P., 1970.
15. Maupassant G. Une vie. P., 1982.
16. Maupassant G. Contes et nouvelles choisis. M.: Editions du Progrès, 176.
17. Maurois A. Une carrière et autres nouvelles. M.: Editions du Progrès, 1981.
18. Mérimée P. Nouvelles. M.: Editions du Progrès, 1986.
19. Sagan F. Musiques de scènes. P., 1998.

Мемуарные тексты

1. Андреева-Бальмонт Е.А. Воспоминания. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1997.
2. Савина М.Г. Горести и скитания. Театральные мемуары. М.-Л.: Искусство, 1961.
3. Philipe A. Le temps d'un soupir. P., 1979.
4. Rolland R. Mémoires. P., 1981.

Эпистолярные тексты

1. Ахматова А. Стихи. Письма. М.: Правда, 1990
2. Левитан И. Письма. М.-Л.: Искусство, 1960.
3. Переписка А.П. Чехова и О.Л. Книппер. М.: Искусство, 2004.
4. Цветаева М. Стихи. Проза. Письма. М.: Правда, 1989.
5. Drouet J. Les lettres à V. Hugo. P., 2002.
6. Hugo V. Les lettres à Drouet J. P., 2002.
7. Rolland R. Les lettres. P., 1975.
8. Письма на русском и французском языках из частной переписки

